

СОДЕРЖАНИЕ

К КОНГРЕССУ

- В. Марков.* 20 лет Всемирному конгрессу финно-угорских народов 4

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

- А. Шебырев.* Мубдз копыр. *Кывбуръяс* 8
В. Тимин. Викинг из Биармии. *Перевод Ю. Ионова.*
Окончание 13

- Обращение к верлибру. *Стихи молодых авторов* 58
Е. Афанасьева, Л. Ануфриева. WWW.KYIK.YU.RU . Висът ... 71

ПЕРМСКИЕ ДРЕВНОСТИ

- Д. Анучин.* К истории искусства и верований у Приуральской Чуди 82

- А. Сидоров.* Идеология древнего населения Коми края 101

ФИННО-УГОРИЯ

- Г. Романова.* Не виноват я... (*рассказ, пер. с удмуртского*) . 114

- В. Пантелеева.* «Пятое время года...»: этнокультурные факторы и контекст удмуртской женской любовной лирики 124

- В. Латышева.* Русский устьсыольский театр 136

- В. Родионов.* Концепт «народ – лидер» в фольклоре и литературе народов Урало-Поволжья 153

АРТ-ФАКТ

- В. Кудрявцев.* Художники Республики Марий Эл 160

ОБЗОРЫ. НОВОСТИ

- Новости* 182

- Сердцу созвучное слово (О празднике «Коми книги» на Удоре) 183

Приложение к журналу: «Приметы коми народа»

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республиканска литература, публицистика,
история, культурология да художественой журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

**Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайтыр»**

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 20.08.12. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 4944. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с диском заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

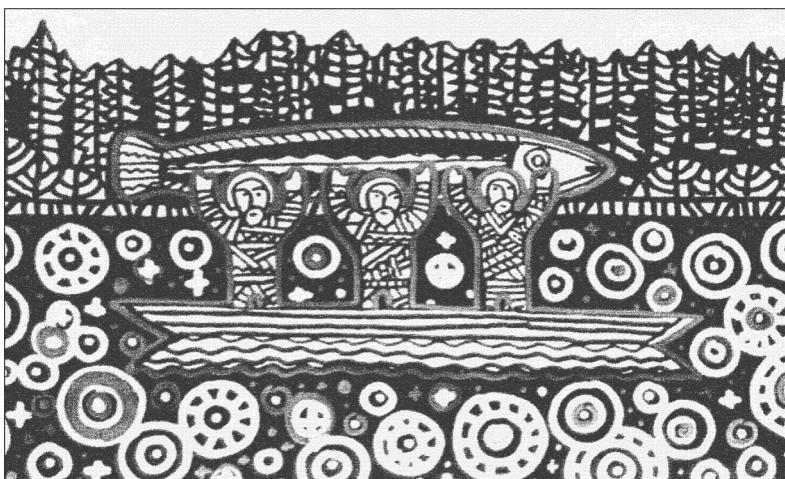
В оформлении обложки использована картина Ю. И. Таныгина «На женитьбу». 1998 год.

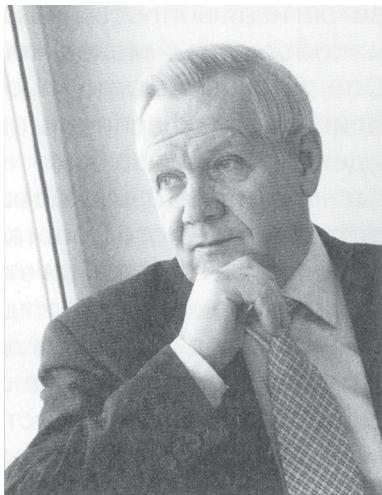
В оформлении заставок использованы работы Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йөзөдтөм гижёдъяс редакция оз рецензирүйт и авторъяслы найёс оз мёддөд. Редакция оз век во ѿти кывйö авторъяскöд.

К конгрессу

Валерий Марков

Валерий Петрович Марков.

Государственный и общественный деятель. Родился 11. 07. 1947 г. в с. Кослан Удорского района Коми АССР. В 1972 г. окончил физический факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, по специальности «Физика», кандидат физико-математических наук.

Депутат Государственного Совета Республики Коми I, II, IV созывов.

28. 03. 2011г. избран Первым заместителем Председателя Государственного Совета Республики Коми V созыва.

Избирался депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации III созыва.

Возглавлял Коми национальное движение (1991–2007 гг.). Один из инициаторов организации Всемирных конгрессов финно-угорских народов. С февраля 1993 г. по настоящее время является Председателем Международного Консультативного комитета финно-угорских народов.

Присвоено почётное звание «Заслуженный работник Республики Коми». Награждён орденом Дружбы; Орденом Среднего креста Венгерской Республики; Рыцарским знаком первой степени Ордена Финского льва (Финляндская Республика).

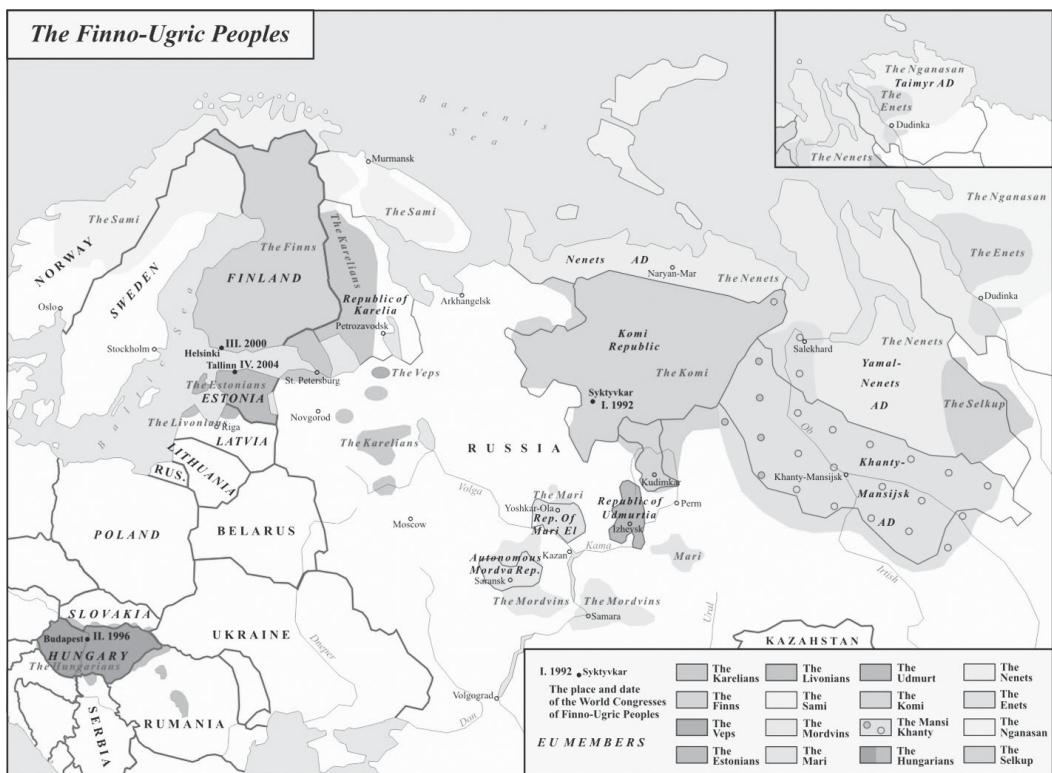
20 лет Всемирному конгрессу финно-угорских народов

Кажется, ещё недавно проходил в Сыктывкаре I Всемирный конгресс финно-угорских народов, а на календаре уже 2012 год. Может быть, так кажется многим его участникам потому, что, несмотря на 20 лет, в активе этого международного движения во всех регионах и странах компактного проживания финно-угров немало тех, кто активно участвовал в подготовке и проведении первого конгресса. Безусловно, появились новые люди, постоянно подключается молодёжь, но треть Консультативного комитета финно-угорских народов участвуют в этом движении с начала 90-х годов прошлого столетия.

Что же послужило причиной организации конгрессов? Если вернуться к 90-м годам прошлого века, то это были годы хотя и очень непростые, но они были наполнены и некоторой романтикой. Романтикой кажущейся возможности самим решать многие имеющиеся проблемы. Казалось, что стоит показать на имеющуюся проблему, и власть тут же будет решать все вопросы, которые ставит народ...

Идеи формирования международного финно-угорского движения возникли в период развития активных процессов демократизации общественной и политической жизни в странах Восточной Европы, России, углубления сотрудничества, мира и доверия на нашем континенте, строительства общего европейского дома. Именно тогда, в конце 80-ых и начале 90-ых годов прошлого столетия, получили мощный

импульс национально-просветительские объединения, движения, выступившие за сохранение родных языков, культур, свободное этническое развитие народов бывшего Советского Союза. Первые же инициативы и предложения эстонцев, марийцев и коми получили широкий романтический отклик у всех финно-угорских народов. На такой волне прошли в 1989 году в Йошкар-Оле первая встреча финно-угорских писателей, а также молодёжи и студентов, конференция по созданию Фонда развития культуры финно-угорских народов в 1990 году в Марий Эл. Осознавая значимость объединения, национальные движения финно-угорских народов решили работать сообща и пригласить к сотрудничеству и собратьев по языку из других стран. Пример такого международного сотрудничества был у всех на глазах – уже в течение нескольких десятилетий проходили международные конгрессы финно-угроведов. Конечно, было ясно, что конгрессы учёных, безусловно, отличаются от будущей возможной встречи представителей общественных движений народов, но желание было огромное. При этом инициаторы понимали, что проблемы, стоящие перед нашими народами по языковой семье, в разных странах разные, поэтому, прежде чем обратиться к собратьям из других стран, решили убедиться в своих силах и собрать российских финно-угров. И I съезд финно-угорских народов России с огромным успехом прошёл в Ижевске в мае 1992 года. Стремление к культурному и этническому единению было очевидным: учёные, писатели, журналисты, парламентарии, общественные деятели с готовностью

Места проживания финно-угров.

Президиум V Международного конгресса финно-угорских народов.
Ханты-Мансийск. 2008 год.

формированию делегаций народов, составу участников, программе конгресса. В процессе подготовки первого конгресса с настоятельной просьбой не оставить их в стороне обратились ненцы, подчёркивая свою принадлежность к уральской языковой семье, к которой относятся и финно-угорские и самодийские языки. Большинство организаторов поддержали их просьбу и, таким образом, представители самодийских народов также стали участниками конгрессов.

Безусловно, одной из целей проведения первого в истории Всемирного форума родственных народов была необходимость осознания своего места в активизирующихся процессах европейской интеграции, вообще, нового этапа в развитии человечества.

XX век оказался для судей финно-угорских и самодийских народов сложным и противоречивым. Хотя их общая численность выросла и достигла двадцати пяти миллионов человек, многоцветье финно-угорского мира утрачивает свои яркие краски: исчезают с лица Земли вода, ижора, ливы, нганасане, селькупы, энцы, к опасной черте, за которой следует небытие, приблизились ханты, манси, вепсы, кольские саамы. Но и более крупные наши родственные народы, имеющие атрибуты государственности, лишены сегодня надёжных механизмов защиты от мощных ассимиляционных процессов, им также грозит утрата собственных языков. Это свидетельствует о том, что и наличие государственных институтов не является достаточным условием сохранения и национального развития малочисленного народа. Нам предстояло провести коллективный анализ того, что мы должны предпринять для предотвращения этнического угасания российских финно-угорских сообществ. Мы считали важным провести учёт как внутринациональных, так и внешних факторов, влияющих на самочувствие нации: уровень пассионарности, тесно связанный с географическим расположением, особенности национального менталитета, обусловливающие способность народа адаптироваться к бурно меняющимся условиям жизни общества, и многое другое.

К тому времени национальные движения финно-угорских народов смело и чётко заявили о своей позиции в отстаивании интересов своих народов, активном участии в политической и общественной жизни в своих регионах. Выделившиеся радикальные группировки, по сути, не играли сколь либо существенной роли в национальных движениях. Успехов добивались там, где лидеры сумели наладить конструктивный диалог с местными властями. Это, во многом, способствовало тому, что в финно-угорских регионах России стали осуществляться очень важные программы и

откликались на все приглашения и призывы к участию в дискуссиях о перспективах международного сотрудничества.

Это был смелый поступок инициаторов, которые вначале сами нечётко представляли масштаб и формат подобного мероприятия. Более полугода шли консультации, рабочие встречи и переговоры по

проекты по сохранению и развитию родных языков, культур, установлению прочных связей с диаспорами, развитию контактов с родственными народами.

Стали проводиться крупные традиционные фольклорные, театральные, телевизионные, детские фестивали, международные и региональные конференции, симпозиумы, семинары. Во многих случаях инициатором и организатором этих важных и крупных мероприятий выступал Консультативный комитет финно-угорских народов, его члены в регионах.

Хотелось бы отметить ещё одну существенную особенность финно-угорского мира: в нашем этническом сообществе, в отличие, скажем, от тюркского, нет цементирующего регионального и конфессионального начала. Неслучайно, поэтому в Европе иногда говорят о том, что финно-угорское сообщество – миф и в нём преобладает романтический дух. Безусловно, этническое сближение вряд ли когда-либо окажется доминирующим фактором, все хорошо понимают главенство политических и экономических интересов в мире.

И, тем не менее, единый финно-угорский мир становился всё более заметным общественным явлением, как в России, так и в Европе, и был направлен, в первую очередь, на сохранение и национальное развитие народов, входящих в нашу родственную языковую семью.

На сегодняшний день прошло уже пять конгрессов. На III и IV конгрессах присутствовали и выступали непосредственно Президенты Венгрии, Финляндии и Эстонии, на всех конгрессах было приветствие Президента России. На V конгрессе в Ханты-Мансийске выступали уже Президенты всех четырёх стран. Одно это уже говорит о признании сложившихся реалий и готовности властных структур активно сотрудничать с общественными движениями наших народов во имя достойного их развития.

В выступлениях делегатов и гостей и в ходе дискуссий на конгрессах реально оценивался тот шанс, который дала современная история для мобилизации

духовных, интеллектуальных сил народов для национального развития, обеспечения этнического будущего финно-угров. А реальности таковы: по итогам последних переписей в России более половины финно-угров являются сельскими жителями. Этот факт национальные лидеры оценили неоднозначно. С одной стороны, действительно, в какой-то

*М. Ханнус – член
Консультативного
комитета финно-
угорских народов.
Финляндия.*

Делегация коми народа. Ханты-Мансийск. 2008 год.

*На Международном конгрессе финно-угорских народов.
Ханты-Мансийск. 2008 год.*

сохранению физического здоровья наших этносов в современных условиях.

Как справедливо отмечали участники форумов, это социальное отставание негативно сказывается на самочувствии наших народов, в какой-то степени препятствует активному участию финно-угров России в общемировых культурных процессах. Причина случившегося кроется не в природной неспособности финно-угров к постижению сложных специальностей или к научной деятельности. Как отмечают историки и этнографы, здесь важную роль играют социальные факторы (длительное отсутствие культурных и экономических центров на территории их проживания) и этнопсихологические особенности наших народов.

В выступлении на одном из конгрессов я уже говорил, что невозможно насилием сделать счастливым даже одного человека, не говоря уже о народе. Это получится лишь только тогда, когда сам народ не просто захочет, а будет стремиться к этому. И практика нашей совместной двадцатилетней работы доказывает это. Поэтому очень многое зависит от нас самих, от нашего самосознания. Необходимо активизировать работу среди своих сородичей по осознанию роли каждого в деятельности во имя достойного развития своих народов. При этом хочу подчеркнуть, что финно-угорское движение всегда было открыто и остаётся открытым для конструктивного сотрудничества со всеми народами и международными сообществами.

Хронология конгрессов:

I Конгресс – Россия, Сыктывкар, декабрь 1992 г.

II Конгресс – Венгрия, Будапешт, август 1996 г.

III Конгресс – Финляндия, Хельсинки, декабрь 2000 г.

IV Конгресс – Эстония, Таллинн, 2004 г.

V Конгресс – Россия, Ханты-Мансийск, июнь 2008 г.

VI Конгресс – Венгрия, Шиофок, сентябрь 2012 г.

степени это сдерживает ассимиляционные процессы, которые идут полным ходом в городах и крупных посёлках. Именно деревня сохраняет традиционную культуру, язык, традиционный уклад жизни, фольклорное богатство финно-угров. Однако отрыв от промышленных, научных, культурных, информационных центров отделяет наши народы от благ и достижений современного информационного общества, слабо содействует росту образованности,

Проза. Поэзия

Фото Д. Напалкова.

Александр Шебырев

Шебырев Александр Васильевич. Чүжис 1960 волын Куломдін районса Пожёг сиктын. Армия бўрын помавліс Сыктывкарса государственной университет, экономика факультет. 1988 восянь 15 во бўлі журналистикаын («Ленин туйёд», бўрындажик — «Парма гор» газетин). Оні олө Помёсдінын, уджалё краеведён (юрнубўйд Тима Венъ музейён да школаса краеведческой музейён). Йўзёдліс ассыыс кывбуръясс газет-журналъясын, а сідзжё «Сикоти», «Мелілунис пайдостом и помтём», «Вечерний звон» да мукёд ётувъя сборникин. А. Шебыревлён кывбуръяс вылёт мэчома вель уна сыланкыв.

2011 волын Александр Шебырев пырис Россияса гижысь котырё.

Муёдз копыр

Би

Яр би пыр петём морт...
Но мыилакё тай қынто.
И бырис матыс ёрт.
И биыд босътіс вынто.
А сәрапомлён дук...
Пыр чизёдё на ныръяс.
Тан волі олём. Здук...
И колисны – съёд мыръяс.

Агасалас

Волан туйыс меным тупкысис:
Мылва вожын вёрьис сылёма.
Мойму бёръя пуыс шмуткысис.
Съёлём ёкмунис сэк. Кылёма...
Киён-коён асъным пазёдим.
Тыр-бур вежёрон тай, колёмён...
Польлысь, поччлысь гусё разёдим.
Эг тай гусъён, эг тай полёмён...
Енъюгыдыс мукёд зурасяс.

Тупкас дойысь мудзём синъяссö.
 Мёдарьюгыдö сæk лэбöдас
 Важён муса тёдсаинъяссö.
 Менö мукöд моз жö йёткыштас...
 Агасалас аслас куранён.
 Соддзас босытас, сэсся разнитас.
 Но оз сынöдас, а – гуранö...

Видза юёр

Видза юёрён тэ воин.
 И ме рад...
 Матыс мортён бара лоин.
 Нюмдіс кад.
 Коркё торъявлін тай, водзын...
 Туйвеж пи.
 Оні – бара öти кодзув.
 Öти би.
 Оні бара öти шöртö –
 Кысян ем.
 Оні бара öти вежöр, –
 Кык юр vem,
 Видза юёрён тэ воин,
 И ме рад...
 Со и съёлём дінын лоин.
 Нюмдіс кад.

Öзін ді

Чёв-лöнь. Вой...
 И Эжва шöрын – би...
 Би выв кётны ветымынöн сёр нин.
 Кытчö вошин, менам Öзін ді?
 Асъя руйн разалін тай... Сёрми.
 Визув юлысь шöравлін тэ от,
 Кёнтусь выйöд лэчыд пуртöн мунін...
 Казытыла ме: пукавліс сэн морт.
 Тайö вölі ме.
 Но тэныд – вуні...
 Юрвежöрын челядьдырся кад:
 Тапъялі сэн аслам волыс гачён...
 Съёлём кыліс: Öзін діыс – рад!

Иння го-го! Чаньён лэби, скачён.
Да, ме лэби, ичёт пышкайпи!
Шенаси да... нёбодіс тай ылёр.
Чёв-лёнъ войын югъяліс на би.
Сэсся вошиш. Кадыс воис, кылёр...
Шувгис вавыс, нуис уна во...
Сәрапомён чускё съёлём биой.
Сизим арё көсъя... Ог нин ло...
Кытчё сылін, менам Өзін діой?

Вурсъём

Емыс сюрис.
Сунисыс тай ори.
Морён лыйём артмис черань вез.
Коді менё вурсыныссо корис?
Колома жё босытны нырагез...

А ме сійён кардъяла став мирсо,
А ме сійён тывъяла съёд йирсо,
Коді дзебё васыслысь поз.
А ме сійён жугла тувсов йиссо,
Мутыслысь кортала съёд киссо,
Ачым зэвта... тусяпудыс рос.

Емыс чегис.
Пасьмунома кадыс.
Ёсь ныралы бара сюри мезд.
Мед кё быри менам вурсян ладыс...
Киын важён кута нырагез.

А ме сійён кардъяла...

* * *

Арся рака кодь...
Уна коло.
Зэвтышт сонъястю!
Синмыд поло.
Он тай дёрёмав
Асъя рутю.
Дышыс семдома.

Киёд кутё.
 Дышыс юёма
 Парпонь дорын.
 Юрсо мыськёма
 Пельса шорын.
 Кад нин пальёдны
 Ёввё рутё...
 Оз тай мынтёдчы.
 Киёд кутё.

* * *

Бала вылёр зэвтіс
 Олёмыс.
 Чусод синмысъ быри
 Колёмыс.
 Чунь крукыльёй тарыт
 Чегъясис.
 Ворсіс мекёд олём.
 Шегъясис.
 Ёти лыыс усис...
 Гатшасис.
 Мёдис «джекё» пёри.
 Тасасис...
 «Ворсам, – горзё олём, –
 Вермасям!»
 Чегсьёма тай чуньёс...
 Тэрмасям...

Муёдз копыр

Бёжыд кузь, а ачыд латшкёс...
 Муёдз копыр, ань!
 Мед кё тёждыд пуртён сатшкё.
 Аски лоас шань.
 Озырлуныд – ныв да пиян.
 Дона вильыш поз.
 Разаласны лэбачпиян.
 Но оз ылодз, оз...
 Уна бордыд – уна вына.
 Усьёмысъ эн пов.
 Кельёб водзын помёдз сынан...
 Медся муса лов.

Лыйис

Вежынь кыв эг шулы ёртлы.
Помёдз эски матыс мортлы.
Тёді: прёстö сідз оз крукöд.
Тайö – оз! Кöть вермас муköд...
Немвиччысътöг ёртöй кыйис.
Лэбигкостi ньöвйöн лыйис.
Сарöг изийöн муö уси.
«Аттö дивö, – быдсöн шусис. –
Тёда, тэнад чорыд ки.
Ранитiн кö, – сідзкö, ви...»

Тима Венълы сиём

Мыйла ния пулён чусмö сьёлём би?
Помнитан на, кёнкö, Тима Венълысь ки?
Садитiс тай, пунктiс. Лелькуйтiс да быдтiс,
Сöмын ачыс сылiс, авъя пи.
Эндöма тай дзикöдз ния пытшкын горс.
Важёнкодь нин сэнi некодi оз ворс.
Жугыльмисны миян вильыш лэбачпиян.
Эновтiсны нэмöвойся поз.
Восьты меным збыльсö, дзормём ния пу...
Инды меным юрнад Тима Венълысь гу!
Инмöдчывны кöсъя, гу дiнас вай ну,
Тима Венълон радейтана пу.

Югдiс

Зарни чунь пома.	Пырой, томулов,
Зарни киа...	Сэтчö бурён!
Керка лэптёны	Каньён-понйён да
Ая-пиа.	Няньён-сурён.
Дивъя чачаён	...Кымёр гачасис.
Князьбöдз воис.	Зэрыс дугдiс.
Тёждён-лачаён	Керка-чачасъыс
Бевта лоис!	Гöгöр югдiс.

Владимир Тимин

Владимир Васильевич Тимин родился 2 июля 1937 года в селе Пажга Сыктывдинского района Коми АССР. Закончил Петрозаводский речной техникум, заочно окончил филологический факультет Коми педагогического института, работал учителем, был сотрудником Коми филиала АН СССР, старшим и главным редактором Коми телевидения, главным редактором Коми книжного издательства, председателем Госкомиздата Республики Коми, главным редактором журнала «Войвыв кодзув». Член Союза писателей СССР с 1982 года, заслуженный работник культуры Республики Коми, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Викинг из Биармии

Роман

Начало в № № 3 и 4 2011 года, № 2 2012 года

Викинги о Бъярмаланде

...

— Мы много потеряли, если не будем общаться с такими народами и странами, — осадил его Эдвин. — Совет конунгов изучил многие карты и описания земель. Их собрали в Эфиопии, Вавилоне, Палестине, Элладе, империи османов, земле скифов, владениях Киева и Гольмграда. И всюду присутствует Бъярмаланд. Находящийся на западе от него Гольмград расширяет свои владения, но к северу и северо-востоку преградой его притязаниям стоит Бъярмаланд. Конунги полагают, что постепенно Бъярмаланд будет терять свои земли, пока полностью не перейдёт под руку многонаселённого Гольмграда. О Киеве речь не идёт — он гораздо южнее и западнее, ему идти на далёкий северо-восток не с руки... А мы, викинги, в борьбе за свои выгоды наиболее упорны и настойчивы, не считаемся с жертвами. И при нынешнем положении дела медлить нам нельзя. Эта таинственная страна для нас может оказаться самой важной и ценной. Норманны по крайней мере готовы помочь Бъярмаланду, чтобы этот край не потерял своей самостоятельности, своего названия и значения. Вот и Бъярма...

— А что из всей этой запутанной истории достанется лично мне? — перебил Эдвина Хундинг.

— От совета конунгов тебе обещаны золото, серебро, богатство — хватит на две жизни. Нортумбрия и Лютеция откупились от викингов в полной мере, достаточной, чтобы удовлетворить наши интересы и остановить дальнейшее кровопролитие. Италия сейчас тоже готова пойти на мировую и уступить свои земли южнее Рима... Есть ещё Винланд, хотя он и очень далеко. Но я считаю: сейчас викингам можно богатеть и с помощью торговли, как делают многие страны...

Локи всё же ввязался в разговор. Бросив взгляд на Бьярму, спросил Эдвина:

— Конунг Эдвин Сильная Рука, ты сказал, что Бьярмаланд богатая земля. А чем именно она богата, чем так заинтересовала совет конунгов?

— Богатства Бьярмаланда сказочны. Так говорили викинги, которые уже побывали там. Перечислить?

— Да, интересно было бы узнать, — кивнул Локи.

— Там есть всё, что душе угодно и что только может быть на свете. Во-первых, богатства природы: бескрайние могучие леса, полные щедрых даров полярные моря, разнообразные звери, которых нет в наших краях. Шкуры многих из них ценятся очень дорого. Ещё, кроме древесины, запасы железа и более ценных металлов, соли — у них там развито солеварение. Богаты и творения их мастеров-ремесленников. Они строят свои драккары и называют их кочами, они изготавливают охотничье снаряжение — всё, с ног до головы, а их оружие сделано ими из местного металла. Нам бы надо приобрести бьярмаландские наконечники стрел — у них на каждого зверя своя форма наконечников. А ещё у них много домашнего скота, они сеют пшеницу, рожь, ячмень, овёс, горох, да ещё много всякого другого.

— Ну, раз так... — глаза Локи загорелись хищным огнём.

— С помощью меча кое-что возьмёшь, но много не унесёшь: могут остановить. Их лодки-кочи догонят даже нашу «Нортумбрию». Разозлённый охотник-промысловик бывает яростней викинга да и ловчей, находчивей: так говорят побывавшие в Бьярмаланде норманны, из которых не все были викинги. Да и смелость викингов — не всегда залог верного успеха... Понял, Локи?

— Да, понял, — ответил Локи, покосившись на Бьярму.

— И вообще, не распаляйся, Локи. Здесь тебе не Фрейя и даже не Лондиния или Лютеция. Здесь совершенно другой мир. Ничего заранее невозможno предвидеть. А делать всё надо толково и в доброжелательном духе, мирно...

Такие разговоры велись на драккаре в течение всего долгого пути.

Там, где кончается тёплый гольфстрим

— Может, ты чего посущественнее скажешь о своей родине? — спросил у Бьярмы Эдвин Сильная Рука.

— Ты ведь сам знаешь, меня слишком рано оторвали от родной земли, — пожал плечами Бьярма.

— Это так, но скажи, среди племён Бьярмаланда вы считаете себя... кем?

— Сами себя мы называем коми. Несведущие люди зовут нас чудью. Если язык не понимают, значит, чудь. Так я понял из бесед с Хеймдалль скальдом — он

ведь тоже этим интересовался. А свою землю между собой мы называем Биа Ур Му – на нашем языке это значит Земля Огненных Белок.

– Бъярмаланд легче произносится, – пожал плечами Эдвин.

– Пусть будет так, раз уж норманны к этому привыкли.

– А твой народ не хочет взять пример с Запада? В смысле устройства, порядков жизни.

– Нас переучивать – только портить, – рассмеялся Бъярма. – Лису не научишь повадкам волка, рысь – повадкам горностая, у каждого живого существа они свои. Это я теперь особенно хорошо понял. И меня тоже уже не изменить: живу как живу, понимаю всё вокруг как понимаю. Стараюсь держаться тех правил, которые признают все нормальные люди.

– Понятно... А в Бъярмаланде богу Юмале поклоняются везде?

– Его, как я в детстве слышал, знают все и относятся к нему почтительно. Но для коми ближе богиня Зарань. С малых лет они привыкают к этому светлому имени. Есть ещё и Войпель, бог северного ветра, есть другие. У нас говорили: чем больше богов, тем больше помощников. А от матери я слышал, что издалека к нам идёт ещё один бог. Может, самый большой и главный...

– Значит, в Бъярмаланде люди не любят сражаться, как привыкли викинги?

– Да, это так. У коми даже снаряжения никакого нет для сражений, по крайней мере, у отца я не видел. Есть лишь разные приспособления для охоты. Но многое из этого оснащения, если надо, сгодится для любых дел, даже для войны.

– У вас там кругом непроходимый, бескрайний тёмный лес. Разве не жутко и не тоскливо там жить?

– Как я теперь понимаю, Эдвин, лес-парма защищает мой народ от многочисленных непрошенных гостей, которые приходят не только грабить, но и завоёвывать земли, селения, людей. В наших лесах им это сделать не так просто. А ещё парма наделяет народ коми пищей, одеждой, жильём. Дом ведь или хотя бы землянку без брёвен не сложишь. Пришельцу-чужаку кажется, что лес наполнен чудищами, нечистой силой. А коми так не кажется. Напротив, в лесу легко дышится, чувствуешь себя здоровым и крепким. А что касается обилия хищных зверей, то смелость охотник показывает на охоте, а не в битве.

– Я уже слышал, что убийство человека у вас – тягчайшее преступление...

– Да. Хотя при мне таких случаев не было, но от отца я слышал, что убийцу уводят в глубину леса, там привязывают расставленные в стороны руки к жерди и так оставляют одного в чаще. Для чужаков этот обычай может казаться жуткой сказкой, но вообще он всего лишь предупреждение всем недобрый и жестоким людям.

...«Нортумбрия» приблизилась к самому северному мысу Скандинавии. Всё вроде бы складывалось хорошо, только погода начала портиться, да и тепло могучего Гольфстрима постепенно перестало ощущаться. Вскоре вдалеке даже замелькали льдины, а с холодным дождём иногда смешивался снег. На драккаре натянули дополнительный парус – для защиты от пронизывающего ветра, хотя была ещё середина лета. Качка усилилась, но её-то викинги никогда не боялись.

Название мыса – Нордкап, но это лишь выступ небольшого острова. Его обошли. А впереди показался одноимённый мыс уже материковой Скандинавии.

Дальше на север – безбрежье нетающего льда. А ещё где-то дальше живёт своей жизнью непонятный, загадочный, но богатый Бъярмаланд, раскинувшийся невообразимо широко на запад и восток, на юг и на север. Край, не знающий кровопролитных битв, не касающийся дел европейских монархов, он просто живёт и ревниво оберегает свою жизнь и своё достоинство. Тамошние князья воздерживаются от союзов и договоров, не позволяют втянуть себя в конфликты по чуждым местному населению поводам. Кое-где норманны, по-здушнему, варяги-руочи, всё же проникали в эти земли, но постепенно смешивались с местными людьми и не пытались изменить что-то в их жизни на свой лад. Видимо, боги Один и Юмала договорились о согласии и решили не вредить друг другу. Где-то помогал Юмала, где-то Зарань. Боги помогали бъярмаландцам затеряться в своей парме, откуда сами не выходят во внешний мир, но и чужаков к себе не очень-топускают. Живут сами по себе, а до других им дела нет.

Эдвин больше других знал о бъярмаландцах, но не спешил открывать викингам всё сразу. Например, совет конунгов узнал от него, что Бъярмаланду пришлось отбиваться от дружин Гольмграда, Суздаля и Владимира (Москвы ещё не было). Известно, что возле Югдина* они успешно отразили нападение иноземцев, и после того добрых сто лет чужие ратники в пределах края не показывались. Зато после вестей об этом интерес норманнов к Бъярмаланду только усилился.

…После мыса Нордкап Эдвин Сильная Рука велел снять дракона и спрятать его подальше, чтобы не раздражать богов Юмала и Зарань, да и не пугать здешних людей. Надо учитывать всё, чтобы сделать поход полностью мирным и тем самым как можно успешнее выполнить задание совета конунгов. Драккар принял вид торгового судна, тем более что на мачту подняли мирный стяг.

«И я тоже проникаю на свою родину крадучись, тайком, – думал Бъярма. – Ингрид и маленький Сноррик сейчас далеко-далеко от меня, зато всё ближе и ближе родная река Винла, где живут отец и мать, сестра Шаньча».

Время от времени приходилось садиться за вёсла. Сменяя друг друга, викинги усиленно гребли, изо всех сил стараясь приблизить конец затянувшегося пути. Как хотелось им сейчас почувствовать под ногами твёрдую землю!..

Эдвин изредка сверял маршрут по лоции, а после мыса Нордкап сам взялся за рулевое весло, заменив молодого викинга.

– Если так будем плыть и дальше, попадём в Свальбард**, – пошутил он, в очередной раз скорректировав маршрут, – а там нас, могу сказать точно, никто не ждёт.

Вообще-то, их никто не ждал и в Бъярмаланде. Даже Бъярму. Дома наверняка считали, что за столько лет ему никак было не выжить в чужой враждебной дали.

Эдвин велел выставить на палубу, на видные места огромные деревянные сундуки с товарами, чтобы люди на берегу при их приближении видели, что корабль викингов плывёт с мирными намерениями. В разную тару были уложены арбалеты, с помощью которых можно попасть в цель за восемьсот и более шагов, тяжёлые, средней тяжести и лёгкие мечи, боевые топоры и палицы, длинные пики и дротики, шлемы – они в сражении оберегают и лицо, и шею, кольчуги и

* Югдин – Великий Устюг.

** Свальбард – Шпицберген.

кольчужные рукавицы, наколенники для защиты колен, щиты – как и кольчуги, самые разнообразные, от самых дешёвых до особо прочных и дорогих. Викинги везли с собой также шелка, всевозможные украшения, благовония, а ещё посуду, глиняную и из хрусталия, предметы быта, собранные во дворцах Нортумбрии и Галлии. Тут были и колчаны с золотыми украшениями и простые, дешёвые, инструменты для строительства и разных ремёсел, даже для женщин, молодиц приготовлено было всё для шитья и вышивки.

Правда, в чреве дракара викинги спрятали своё оружие: мечи, лёгкие боевые топоры, луки со стрелами, арбалеты. Спрятали также переносные камнемёты, камни к которым можно удержать в ладони. Конечно, все были строго-настрого предупреждены: прибегать к помощи оружия из этого тайника можно лишь тогда, когда сложатся обстоятельства, при которых обойтись без оружия будет невозможно.

...Драккар обогнул полуостров Колу. Справа лежала забытая богом земля – Похъёла. Где-то тут заканчивались западные земли Бьярмаланда, это его граница, край. Но Эдвину нужна была голова и сердце этой страны, а не кончик хвоста. Он держал путь к Винле. А уж что будет потом...

Большой Князь Айка и Святой Провидец Айка

Гандвик, он же – Белое море, пересекли за три дня. Ветер часто менялся, приходилось преодолевать волны – не такие большие, но уж очень своенравные, они не только бились о борта дракара, но и как будто боролись между собой. Берега достигли ближе к сумеркам, приткнулись к нему в небольшом речном устье. Вокруг было пустынно, деревья надёжно скрывали драккар от нежелательных глаз. Расставив дозоры, предназначенные для охраны и разведки, викинги разделились и двинулись вдоль берега в противоположные стороны. Старались идти незаметно, но сами очень внимательно наблюдали за окрестностями. Проведённая на ногах часть ночи прошла спокойно, без происшествий. Прежде чем расположиться на ночлег, поужинали, но легко, как перед сражением: овсяная каша, селёдка, сочни из ржаной муки и, конечно, крепкая брага. Насчёт браги Эдвином было сказано строго:

– Пейте, понемногу!.. Здесь нельзя расслабляться. Необходимо срочно научиться пользоваться не мечом, а тем, что мы с собой сюда везём: и товарами, и умением слушать и согласно улыбаться. И – не более того!

Утром на ближайший холм подняли небольшую часть привезённого товара. Сменившийся дозор заметил дым на своём берегу – выше по течению. Вскоре и на противоположном берегу возник столб дыма. А товар выложили так, чтобы было хорошо видно издалека, кроме того на высокий шест повесили яркий флаг-вымпел, какие поднимают на ярмарках, чтобы окрестные люди знали, откуда пришли купцы: яркие золотые полосы и – никакого дракона!

Ближе к полудню дозор заметил нескольких человек. Озираясь по сторонам, они бесшумно и медленно приближались к аккуратно сложенным товарам. Викинги незаметно наблюдали издали. Пришедшие люди постояли у товаров, покивали головами, затем повернули назад и вскоре исчезли под горой, откуда появились.

До конца дня больше никто не показывался. Лишь утром, а день выдался погожий, на холм снова поднялись люди. Они несли в руках какую-то свою поклажу. Принесённое положили рядом с товаром викингов, выбрали из него кое-что, положили эти вещи возле своего товара, но с собой ничего не взяли, ушли с пустыми руками.

К вечеру Эдвин с несколькими викингами из тех, кого на всякий случай было решено оставить при драккаре, осторожно приблизился к этому необычному заочному торжищу. Оказалось, местные жители оставили шкуры пушных зверей. Взятый Эдвином в поход главный торговец викингов, человек пожилой и опытный, перечислил: норка, соболь, куница... Что ж, начало неплохое, решил Эдвин, приказав забрать пушнину.

В последующие дни людей, приносивших местный товар, стало больше, как и самого товара. Викинги и бьярмаландцы постепенно узнавали пристрастия друг друга. Местные жители приобретали в основном нужные в хозяйстве железные изделия и украшения, шелка. Почему именно это? Вскоре обнаружилось, что в двух-трёх пеших переходах отсюда красовался своими большими домами город Кармыльк. Начало названия – «кар» – как раз указывало, что это город. Город на холмах. Бьярма объяснил викингам, что Кармыльк и есть главный город, можно сказать, столица этого большого и таинственного княжества. Вскоре довелось убедиться, что это действительно так. Прискакали два молодых всадника на рослых конях, спросили, кто из пришельцев старший. Викинги указали на Эдвина, после чего один из всадников приблизился к нему и сказал:

– Большой Князь Айка и Святой Провидец Айка ждут ваших предводителей в княжеском доме...

Поскольку Эдвин и Бьярма стояли рядом, посланцы поняли, что их и надо звать. У них на поясах торчали из ножен рукоятки ножей, но высоким гостям они велели всякое оружие оставить.

Возражать не стали. Эдвин и Бьярма сняли с себя ножи с рукоятками, украшенными золотом, и отдали их викингам. Показали посланцам раскрытые ладони: дескать, безоружны и готовы отправиться в путь. Эдвин движением руки успокоил нескольких викингов, которые были недовольны разоружением своих вожаков и готовы были дать отпор послам.

Отправились в путь. Недалеко от места переговоров их ждали люди с запасными лошадьми. Двух из них подвели к Эдвину и Бьярме, все сели верхом, и кавалькада помчалась вперёд. Спустя некоторое время достигли переправы через реку. На карбасе, а их здесь было несколько, перебрались на другой берег.

Кармыльк оказался не так близко, как можно было предположить, но всё же весть о прибытии большого судна викингов дошла до города быстро, и там успели подготовиться к тому, чтобы обставить возможные переговоры, как положено по здешним законам. В пути гости обдумывали происходящее, каждый оценивал его по-своему. Эдвин считал, что это бог Один помогает викингам, Бьярма согласился поехать к местным правителям, считая, что это ускорит поиск его родных. Однако, не пренебрегая помощью Одина, он заодно обратился и к Зарань с просьбой о помощи, ведь теперь он вступил в её владения.

Издали они увидели высокий частокол из остроконечных брёвен. Им открыли широкую дверь, они вошли. За невысокой внутренней каменной стеной показался

разукрашенный дом с высокими окнами. Судя по большим размерам – присутственное место. «Построен умелыми руками, – отметил про себя Бьярма, – и, кажется, недавно». Вообще, было заметно, что Кармыльк растёт, вокруг ровными рядами стояли такие же нарядные дома, только поменьше. Людей было много, но праздношатающихся не наблюдалось.

По высокой лестнице поднялись на просторное, с навесом крыльцо, вошли в дом. Их встретили два рослых седоволосых человека. Они представили гостям друг друга без лишних церемоний:

- Большой Князь Айка.
- Святой Провидец Айка.

Один из них кивнул сопровождающим, и они вышли из комнаты. Бьярма успел оглядеть помещение: чисто, нарядно, просторно, но в этом просторе нет пустот. В углу стоял забавный деревянный старичок с собакой, шкафы вдоль стен были украшены замысловатой резьбой. У полуоткрытого окна росла в кадке берёзка – чуть выше человеческого роста, от дуновения сквозняка она шелестела зелёными листьями. По стенам висели лампады, а пол покрывали домотканые ковры с орнаментом, знакомым Бьярме с детства. Ни один предмет, ни одна вещь не казалась ему чуждой. Напротив, от всего веяло чем-то домашним, умиротворяющим духом отчего дома. Тем более, солнце свободно заливало комнату светом и теплом, которые будто проникали в душу.

– Прибыли с добром или напротив? – после краткого приветствия спросил тот, что представился как Большой Князь Айка. Он внимательно поглядел на Эдвина, угадав в нём старшего.

Эдвин изумился, услышав, что Большой Князь говорит на языке норманнов. Потом он узнает, что правитель Бьярмаланда владеет несколькими языками, что и Святой Провидец Айка в этом ему не уступает.

Собравшись отвечать на вопрос князя, Эдвин предупредил:

- Мой рассказ не будет коротким, почтеннейший Большой Князь Айка.
- А ты не бойся, рассказывай.
- Я и не боюсь – ничего.
- Мы это знаем.

– Вышло так, что из-за наших бедных, неплодородных земель норманны стали расходиться-расплыватьсь по всему свету. Но позже даже и таких бедных земель нам стало недоставать. Поэтому...

– Мы знаем о великих и малых переселениях народов и их причинах, – мягко перебил Эдвина Святой Провидец Айка. – Лучше поподробней расскажите о цели вашего прибытия.

Эдвин Сильная Рука коротко рассказал о недавних событиях в Англии, Галлии, Италии, в других уголках Европы, о том, что викинги бывали также и в Бьярмаланде, и в Гардарики, а в Киеве первыми князьями и вовсе стали норманны, которые заложили камни в основание сильного и богатого княжества. Норманны не хотят вторгаться ни в Бьярмаланд, ни в Гардарику, для этого нет серьёзных поводов, нет и смысла. Но, заметил Эдвин, наши высшие руководители хотели бы завязать с вами хорошие отношения. У вас богатая природа, у нас есть товар для продажи. Вот с помощью разнообразного торгового обмена мы и хотели бы наладить взаимовыгодные связи.

— А ведь вам, — Эдвин многозначительно посмотрел не обоих иерархов, — есть кого опасаться, и помимо викингов. Я хочу сказать про Гольмград, который быстро расширяется, особенно в северо-восточном направлении. Так говорят наши конунги. Нас прислал сюда как раз совет конунгов, который объединяет все территории, находящиеся под их рукой.

— Мы надеемся на божественный разум мира и на наше единство, — заметил Святой Провидец Айка. — Да и на вечный порядок вещей, ведь и нашему народу не одна сотня лет.

— Полагаю, мы не потеряемся в этом мире, — подтвердил Большой Князь Айка.

— Ваш край населяют самые разные племена, но язык у вас один, — сказал Эдвин. — Вот мой товарищ Бьярма, он выходец из ваших мест, с реки Винла, по-вашему, Вынва. В детстве попал в руки викингов, теперь у него своя семья — жена и маленький сын, жена — норманка. Бьярма хорошо говорит по-нормански, но не забыл и свой язык, говорит, что это язык коми. Говорит, что всегда он сначала — коми, а уж потом — из Бьярмаланда.

— Коми? — с улыбкой приятного удивления спросил Святой Провидец Айка. — И я ведь тоже коми, из Биармии. Все так наш край называют, а я считаю, что правильней будет называть Бия Ур Му, Земля Огненных Белок, так? — Святой Провидец Айка повернулся к Бьярме.

— Так, Святой Провидец Айка, ваша правда, — кивнул тот.

— Тебя зовут?..

— Бьярма.

— Это имя дали мы, — поправил Эдвин. — У него было другое имя.

— Какое? — уточнил Святой Провидец Айка.

— Чожур, — с поклоном ответил Бьярма. — Он без колебаний принял авторитет духовного иерарха родины, чем как бы подтвердил свою приверженность вере предков.

— Значит, для нас ты будешь Чожур. Это ближе к истине, — сказал Святой Провидец Айка.

Бьярма приложил руку к сердцу, как бы сказав, что согласен.

— Наша задача, — продолжал разговор Эдвин Сильная Рука, — узнать, какие возможности и потребности у Бьярмаланда: что сюда следует привозить и что здесь можно купить, разумеется, с вашего согласия. Всё, о чём я узнаю здесь, потом я должен сообщить совету конунгов. Я уже сказал, что совет конунгов так или иначе контролирует территории в Скандинавии, Англии, Ирландии, Дании, Нормандии — это на севере земли франков. Поэтому нам надо побывать во многих местах, и очень хорошо, что знакомство с Бьярмаландом началось со встречи с первыми людьми этой обширной земли, мы можем узнать всё интересующее нас из первых уст. Лелея надежду на вашу помощь, мы просим предоставить нам возможность посетить земли к востоку отсюда — туда отправится с небольшим отрядом Бьярма-Чожур. Они дойдут до Ортдина, а возможно, и дальше, познакомятся с людьми...

— Это далеко, — заметил Большой Князь Айка. — До Печоры придётся добираться долго и трудно. Я бывал там: коренные печорцы держат северных оленей, занимаются охотой, рыболовством.

— Ловят ценную и очень вкусную рыбу, — добавил Святой Провидец Айка. — В Винле у нас рыба хорошая, крупная и вкусная, но когда люди с Печоры приезжают к нам, они смеются, говорят, что эта наша рыба — алямазга, а настоящая рыба, сёмга, сиг, нельма и много других, есть только у них на Печоре.

Святой Провидец Айка шутил. Вернув Бьярме его прежнее имя Чожур, он явно почувствовал симпатию к земляку, прибывшему издалека, и заметно смягчился.

— Дед Лесовик вам тоже поможет, — пошутил и Большой Князь Айка. Видно, хорошее настроение от Святого Провидца передалось и ему. — И Лесной Человек Яг-Морт — тоже.

— И Зарань вас не оставит, — сделал важную поправку Святой Провидец.

— Конечно! Но ни в коей мере нельзя забывать и Юмалу, — строго подправил и его Большой Князь Айка.

— У вас — два бога, я знаю, — сказал Эдвин.

— Юмала покровительствует людям, главным образом, к западу от Винлы, а Зарань — к востоку, в дали неизведанной, но два бога не разделяют верящих в них, а, напротив, объединяют. И надо бы, чтоб так было везде, — поучал Святой Провидец Айка. — А от стен византийских и киевских приближается к нам ещё один бог, учение которого не противоречит вере в наших исконных богов. Купцы с юга и наши, которые возвращаются оттуда, привозят новые верования и слова, как приносит семена попутный ветер, многие из них дают всходы. Если новая вера укрепляет дух и не разрушает вековые устои народа, то это хорошая вера...

— У нас много богов, но главный — Один, — сообщил Эдвин Сильная Рука после многозначительной паузы.

— Есть великое чувство родины, — задумчиво произнёс Святой Провидец. — Бия Ур Му, Бьярмаланд, по-вашему, — это земля наших отцов и дедов. Где бы ни проживал человек, от полуострова Колы и до Печоры, от земли ливов и до устья Вятки, откуда начинаются земли Булгарского княжества, — везде он крепко стоит на ногах, потому что там его родина. Большой Князь Айка — лив. Но мы хорошо понимаем друг друга. И стараемся понять языки наших соседей...

— Булгарское княжество... Как раз к нему лежит и моя со спутниками дорога, — подхватил Эдвин Сильная Рука. — Это — города Иднакар, Чердынь, затем Биляр, главный город булгар...

— Тоже путь неблизкий, — заметил Большой Князь Айка и заключил: — Значит, так. Мы разрешаем вам путешествовать по земле Биармии. И даже поможем в этом. С людьми Чожура пойдёт, — он взглянул на своего соправителя, — охотник Ягсин, хорошо нам знакомый человек, он знает язык коми. А вот, м-м-м... — он взглянул на Эдвина.

— Эдвин Сильная Рука, — подсказал конунг.

— Да. А с викингами Эдвина пойдёт Черпута, он из Иднакара. Это — стольный город удмуртов, по величине и оборонительной мощи его сравнивают даже с нашим Кармыльком, — сказал Большой Князь Айка и с улыбкой добавил: — Вот думаем даже, не перенести ли столицу Биармии в Иднакар... Там теплее и ближе к владениям Хорезмшахов, водная дорога прямо туда ведёт...

— Мы люди открытые и искренние в своих мыслях и словах, и уже могу сказать: мы считаем вас своими людьми, — заявил Святой Провидец Айка.

— Только... — загадочно подхватил Большой Князь Айка.
 — Слушаю вас, — насторожился Эдвин.
 — Это самое «только», мою оговорку мы раскроем завтра за утренней трапезой. Конечно, это ничего не меняет в наших взаимных намерениях. А пока отдыхайте. Вам в доме выделили помещение. А завтра вас пригласят... Мы тем временем найдём назначенных вам проводников.

...В просторном помещении, в которое назавтра привели Эдвина и Бьярму-Чожура, стоял длинный стол, уставленный едой. Эдвин Сильная Рука видывал и более роскошные столы, но и этот скромным не выглядел: разнообразные холодные и горячие блюда, рыба, мясо, напитки, даже кисель из ягод черёмухи. Чуть позже принесли и грузди в сметане. Украшали и оживляли трапезу улыбающиеся молодки в ярких сарафанах, вышитых красивыми узорами — под стать светлым лицам красавиц. При всём том они держались скромно, хотя и с достоинством.

Святой Провидец был в одежде с орнаментами, которые понятны здешним людям и что-то могут сказать чужакам. Большой Князь был одет в белый шабур, тоже украшенный умело и со смыслом. Эти украшения особенно понятны людям с родственными наречиями. Шабур — одеяние на все случаи жизни, и, надев его, Большой Князь как бы обозначил рабочий характер приёма.

— Если вас послал совет конунгов, нам следует рассматривать вас как послов империи скандинавов, — торжественно приветствовал двух викингов в начале обеда Большой Князь Айка. — Передайте пославшим вас правителям, что мы готовы установить хорошие отношения с норманнами, где бы они ни проживали!.. А пока ешьте досыта, вас ждёт долгий путь. У нас есть поговорка: за хорошее угощение путешественника десять лет будешь с хлебом, то есть, не познаешь голода...

Разговор шёл на языке норманнов, что не переставало удивлять обоих викингов.

— Спасибо вам, — подобрав момент, встал и поклонился хозяевам Эдвин. — После возвращения домой я расскажу конунгам о вашей готовности установить между нами добрые отношения!

Большой Князь Айка, чтобы подчеркнуть великокняжескую высоту приёма, встал с резным деревянным кубком в руках, торжественно изрёк:

— В Биармию приезжают многие люди, гостей мы не чураемся, и все они убеждаются, что наша благодарность всегда больше сделанного нам добра. Это в нашем характере испокон веков. Предлагаю скрепить этим напитком будущие добрые отношения между нами! — он испил брагу и поставил кубок.

Эдвин Сильная Рука и Бьярма-Чожур почти одновременно подняли и осушили бокалы. Провидец Айка сделал полупоклон, как бы извиняясь за то, что должен воздержаться от вина, а поднятой рукой показал, что согласен с Большим Князем.

— Общение наших соплеменников в самых разных делах и во время встреч, притом в равноправном духе, весьма нужны и полезны, — подтвердил Эдвин.

— Наши главные люди, совет старейшин, — опять заговорил Большой Князь, — всегда особо отмечают, что мы за мирное и разумное устройство жизни и не одобляем вражды и военных столкновений с кем бы то ни было. Кое-кто в других землях, видя это, опрометчиво делает вывод, что у нас «ни зубов, ни когтей», и готовы надеть на нас рабскую узду.

— Мы полагаемся на тех, кто почитает своих богов и их наставления. У вас Один — самый главный бог, у нас — Юмала и Зарань. Так живите на здоровье!.. Только пусть знают в дальних и ближних землях: наши люди не допустят насилия над собой, нами нельзя управлять окриками со стороны. Так было, есть и будет во веки веков! — добавил Святой Пророк Айка.

— Это действительно так, — согласился с ним Князь. — На днях здесь были послы из далёкой Персии. Они заявили, что Юг не может обойтись без Севера, так же, как Север не может обойтись без Юга. Мир нуждается в согласии всех населяющих землю народов, ибо мы дополняем друг друга. Очень справедливо сказано. Между тем, мы храним свою землю, а с вашей стороны, к сожалению, были и недружественные выпады.

— Согласен, — посерёзнее, кивнул Эдвин. — Были. В одной нашей саге даже говорится, как воинственный отряд викингов ограбил молельню Юмалы. Наши разбойники сумели уйти от погони.

Большой Князь Айка и Святой Пророк Айка дружно рассмеялись.

— Молельня у нас не одна, — уточнил Святой Пророк Айка. — Потому что в разных концах нашей земли множество людей приходит просить помощи у богов. Приносят богам кто что может: золото, серебро, богатые украшения, дорогие шкуры — они-то и притягивают жадных пришельцев. Хотя в некоторые молельни приходят с простыми дарами очень небогатые люди. Несколько раз я видел принесённый в дар богу хлеб — явно от бедняка...

— Но сага... — хотел продолжить Эдвин.

— Мы не беспокоимся за главную молельню Юмалы. Никакой викинг в неё не проникал, — не дал ему договорить Святой Пророк Айка. — Эта главная молельня известна нашим старым, достойным большого уважения людям, без которых воистину погаснет в нашей земле огонь жизни. Они для нас — великие, они входят в совет старейшин, который собирается в главные моменты нашей жизни, — он посмотрел на Большого Князя. — А кто и когда несёт в молельни свои подарки, я сказать не могу, дороги в них ведут длинные. И это — тайна великая... А на одну из молелен набег впрямь был, что верно, то верно. Смогли урвать тогда кое-что из золота, серебра, обработанных дорогих шкур. Вот и прославились на весь мир — героя!..

— Биармия от этого не обеднела, — добавил Большой Князь Айка.

— Но ведь им удалось унести много ценного, — возразил Эдвин.

— Нам потом помогли норманны... Не те, что похватали, что под руку попалось.

Другие норманны заплатили вдвое больше потерянного.

— Как это? — изумился Эдвин.

— В Биармии проживает не одна сотня норманнов, — ответил Большой Князь Айка. — Приехали уже давно, живут спокойно и в достатке, потому что всё успевают делать: ловят рыбу, охотятся, занимаются земледелием, держат всякий скот — от кур до коров и лошадей. Пришлось набавить на них налог, и всё, что унесли с собой викинги, удалось вернуть, даже с лихвой. К тому же теперь и наши норманны следят за тем, чтобы всё было ладно, спокойно, берегут безопасность нашей земли. И от чужаков, между прочим. Ведь они ныне тоже полноправные жители Бьярмаланда. Это хорошо, мы не против...

— Викинги нападали и на молельню Зарань, — не удержался Бьярма.

– Одну из молелен Заарань действительно пытались ограбить, это случилось давно, – согласился Святой Провидец Айка. – Молелен Заарань у нас много. Они ухожены, там всегда многолюдно. Но сама Заарань из чистого золота – в главной молельне, там мы её охраняем надёжно, бережём как зеницу ока – никакому викингу не добраться. Без неё и Биармии не бывать. Потому что она сама нас всех охраняет-бережёт. Вот так, Чожур-Бъярма!..

– Долго вы намерены пробыть в Биармии? – поменял тему Большой Князь Айка.

– Думаю, месяц нам понадобится. Ведь, кроме главных дел, например, Бъярме-Чожуру надо найти своих родных: отца и мать, сестру. Они должны жить где-то в верховьях Винлы.

– Может, и сам ты останешься у нас, бесстрашный викинг? – спросил Бъярму Большой Князь. – Мы бы включили тебя в отряд, охраняющий нашу землю, с хорошим жалованьем...

– Не знаю пока, – не стал кривить душой Бъярма-Чожур. – Надо с родными встретиться. Есть и другие заковыки...

– Хорошо, – кивнул Большой Князь. – На обратном пути вы обязательно заглянете сюда, к нам. А я пошлю моих людей к князьям Биармии, всех её племён: от суоми и эстов до коми и удмуртов. По тому, что они скажут, мы и составим ответ для совета конунгов.

– Мы на обратном пути, конечно, сами доложим вам свои мнения и соображения, – пообещал Эдвин Сильная Рука. – А пока спасибо за дружественный приём, нам надо двигаться дальше, – он встал из-за стола.

– Вы вчера сделали оговорку, сказав «только...», – напомнил Бъярма-Чожур, переглянувшись с Эдвином.

– Я не забыл об этом, – кивнул Большой Князь Айка. – Мне сообщили, где стоит ваша большая лодка-драккар...

– Да, она у нас называется драккар, – подтвердил Эдвин.

– Умелые руки смогут из одного сделать другое, – добродушно усмехнулся Большой Князь Айка. – Целый месяц вы ведь не будете стоять на одном месте, верно?.. А у вас есть что продавать весь этот месяц?

– Да, у нас хватит товара на целый месяц, и, я надеюсь, найдётся и что купить, высокочтимый Большой Князь Айка, – ответил Эдвин.

– Что купить найдётся. Не зря вашим приездом и нашей встречей заинтересовались люди всюду вдоль вашего будущего пути. И не из одного праздного любопытства, но и из ответного торгового интереса, – заверил Большой Князь. – А теперь скажу, что таилось за вчерашним словом «только». Оно означало, что возле ваших викингов всё время будут наши люди. Недоумевать или удивляться этому, тем более, раздражаться не стоит. Вас тоже необходимо охранять, ибо край наш большой и глухой, не только люди есть разные, но и зверей вокруг много. Надоедать мои люди не будут, но до вашего возвращения сюда мы в ответе за ваш коч-драккар. Люди в нашей охране умеют владеть мечом, кроме того, с вами всегда будет человек, знающий язык норманнов, такие у нас есть, вы сами это поняли... Стеснять вас все они не будут. Вы сами должны понимать, что в этих первых наших сношениях необходимы некоторые предосторожности. Может, самое неприятное тут будет то, что, по нашим правилам, мы должны будем провести

осмотр вашего судна... Конфисковывать ничего не будем, но всё, что обнаружим, будет включено в перечень товаров...

Викинги молча обменялись взглядами, потому что вслух упоминать о том, что в тайниках судна у них спрятано оружие, они не решились.

– Этот порядок не нами заведён, – решил успокоить Большой Князь Айка.

– Кое-какое личное оружие там есть... – смущённо сказал Эдвин.

– Если вы будете настаивать, то особенно дорогие вам предметы, именные подарки, поощрительные призы мы можем вернуть вам при отъезде, в знак расположения, – уступчиво произнёс Святой Провидец Айка. – Так, Большой Князь?

– Ладно, – на миг задумавшись, согласился Большой Князь Айка, – об оставленных в порядке исключения вещах вы дожжите вашему совету конунгов, а мы учтём это со своей стороны. Нам тут между собой всё решить. Это вам, надеюсь, понятно.

– Делайте так, как считаете нужным, – чуть подумав, сказал Эдвин Сильная Рука. – А мы отправимся в путь. Как намечали и договаривались.

– Проводников мы вам нашли. На них вы можете полностью рассчитывать во всё время пути... А как Чожур попал к норманнам? – вдруг вспомнил Большой Князь Айка.

– Они увели его насильно, – посмотрев на Бьярму, не стал скрывать Эдвин, однако в подробности вдаваться не стал, чтобы здешние правители не ужесточили контроль за драккаром и за ними самими.

...На тех же лошадях, на которых они прибыли в Кармыльк, Эдвин Сильная Рука и Бьярма-Чожур подъехали к месту стоянки драккара и увидели, что там судна нет.

«Ещё одна неожиданность, проистекающая из оговорки “только”», – подумали викинги.

Волны могучей Винлы плескались так же, как век за веком прежде, но рассказать о том, что произошло, они не могли...

С охотником Ягсином* – в верховья Винлы

...Третий день пять человек шагали по лесным тропкам к верховьям Винлы. Четверо из них были викингами с «Нортумбрии». Они шли по большей части молча, но каждый держал в голове и в душе собственные мысли и желания по поводу целей этого путешествия.

Цель Бьярмы-Чожура была ясна давно: найти отца и мать, сестру. Об этом Эдвин Сильная Рука предупредил викингов, когда отбирал троих в отряд Бьярмы. Вызвались одноглазый Хундинг, Рольф и... Локи. Да-да, и Локи. Его Эдвин приметил ещё в Нортумбрии и приблизил к себе, посчитав, что остров Фрейя достаточно подготовил, закалил Локи для таких вот дальних путешествий. А Локи согласился пойти в дальнее плавание, чтобы сблизиться с сыном своего бывшего хозяина – Бёльверка. И вот теперь сам напросился в отряд Бьярмы. Кто знает, что он при этом держал в голове.

* Ягсин – буквально – «глаза леса».

Бъярма, конечно, взял бы вместо него кого-то другого, но при Эдвине не стал раскрывать щекотливой причины неприятия Локи. Ведь этой причиной было их соперничество из-за Ингрид. Об этом Эдвин не знал да и не должен был знать.

И Хундинг – тоже с Бъярмой. Все помнят, как поссорились они и подрались на драккаре на пути в Англию, позже Бъярма спас Хундинга в бою за Орлеан, после чего задиристый гигант стал относиться к нему с непривычным миролюбием. Но, может, это до поры до времени? Он тоже охотно предложил себя в отряд Бъярмы, но теперь шагал сумрачный: перед дорогой правители Бъярмаланда приказали всем оставить мечи, сказав, что, коли идут не на битву, то и нечего пугать людей по пути. А меч для Хундинга – самая любимая игрушка. Иногда лицо его перекашивала гримаса боли или напряжения: раны его зажили, но, видимо, всё же иногда напоминали о себе. Кроме того, он всё старался научиться видеть одним глазом так же хорошо, как получалось двумя.

Рольф... Его Бъярма знал лишь по совместному плаванию и битве за Орлеан. Но, узнав этого викинга в боях, он как-то внутренне, необъяснимо поверил ему. И, кажется, это было взаимно. С тех пор Бъярма чувствовал себя в обществе с Рольфом спокойно.

Но Локи... Снова Локи. При нём надо быть всегда настороже. Смелый викинг, меч в его руке работает стремительно. Может, он уже смирился с недоступностью Ингрид и забыл свою недавнюю страсть? Да и к чему теперь неприязнь, если Локи знает: у Бъярмы и Ингрид растёт сын. Да и с братом Ингрид Эдвином у Бъярмы теперь родство. А это уже не шутки.

...Перед выходом в путь Бъярма успел порасспросить местных жителей про молельню Зарань – где её можно найти?.. Никто не ответил на этот вопрос. Или в самом деле не знали, или не решались открыть то место прибывшему издалека незнакомцу? Это очень раздосадовало Бъярму.

Проводника Ягсина викингам предложил сам Большой Князь Айка. Этот опытный охотник знал здешнюю тайгу отлично, нигде не заблудится, даже в незнакомом лесу – очень толковый и полезный в дальней дороге человек. Он и впрямь оказался таким – обязательным, скромным, держал себя со спутниками просто и ровно, не кичясь знанием здешних лесов и путей-дорог в них. Словом, быстро доказал, что на него можно положиться.

К примеру, Ягсин знал места, где можно днём сделать привал, подкрепиться и даже отведать горячей пищи, а где можно устроить ночлег. Дни и ночи были тёплые, комары донимали путников на всём протяжении пути, и викинги не знали, как избавиться от этой напасти. А Ягсин заранее раздобыл для каждого сетки от комаров, хотя сам шагал с открытым лицом, даже руками не разгоняя тучу маленьких кровопийц. Впрочем, комары к нему почему-то и не приставали – лицо, что ли, загрубело в походах по ближним и дальним лесам, на открытом воздухе?..

...Шагая вслед за проводником, путники прокручивали в голове каждый свои мысли. Бъярма вспомнил, как сразу за ближайшим поворотом реки нашёлся их потерянный драккар. Оставленные на нём викинги сообщили, что им посоветовали отвести драккар именно на это место, поскольку здесь обычно проводятся местные ярмарки, люди привыкли ходить на торжище, и теперь многие пришли. Близ драккара причалили большие лодки, а в стороне гордо качался на волнах даже внушительных размеров коч.

А ещё оставленные при драккаре викинги сообщили, что на судне провели обыск, предупредив, что делают это по распоряжению князя. Собственные луки-стрелы, мечи и боевые топоры викингам велели выставить как товар для продажи. А покупателей найдётся достаточно, ведь они приходят издалека, даже из Биляра, столицы булгар, да и из ещё более дальних мест. Вот такой удивительный поворот событий.

У людей Бьярмы с собой были только охотничьи топоры, прикреплённые на спине к лузанам, охотничьим накидкам, которые на плечах топорщились как бы крыльышками из кожи, на поясах у них были небольшие ножи, на ногах – кожаные же коты с высокими голенищами. В Кармыйльке их снабдили сушёным мясом, вяленой рыбой и сухарями, взяли они и свою еду с драккара. По виду в этом снаряжении викинги почти не отличались от здешних жителей, поэтому встречные или обгонявшие их всадники не обращали на них особого внимания. В коробах за спиной они припрятали в укромных уголках немного золота да серебра – могут пригодиться. А насчёт их несерьёзного вооружения любитель оружия одноглазый Хундинг ворчал:

– Что за ножи нам оставили?! Такими и кота не кастрируешь!..

– А зачем его кастрировать? Пусть живёт себе в удовольствие, – шутливо подколол его Рольф.

– А если медведь нападёт? Таким ножиком его только пощекочешь...

– Медведь в это время сыт, не нападёт. Может, он уже попадался на нашем пути, но вовремя сворачивал в лес... А вот как раз, – указал Ягсин на что-то под ногами, – пар идёт от той отметины, что медведь оставил после себя. Видите, убежал, мы ему не нужны.

– На человека, значит, не нападёт... А если найдёт что-нибудь более подходящее? Скажем, оленя? – вмешался в разговор Локи.

– Олена он может завалить, – согласился Ягсин. – Выроет яму, спрячет в неё убитого оленя и разровняет землю над ним. Медведь себе на уме: проголодается и вернётся, разворочит яму и победает вволю.

– Но ведь с запашком будет мясо? – не отставал Локи.

– Такое мясо и любит медведь, он во вред себе ничего не делает. Это мясо полезно, и не только медведям. За рекой Мезенью, в Печорском крае, особенно ижемские коми, любят малосольную, можно сказать, проквашенную рыбу с не очень приятным запахом. Но это блюдо полезно для здоровья, потому и зубы у ижемцев даже в преклонном возрасте не выпадают, оставаясь белыми, крепкими, здоровыми. А у меня – о-хо-хо, – Ягсин открыл свой рот и громко рассмеялся. – В щели между зубов ворона свободно залетит!..

– А свежее мясо и ягоды от болезней защищают? – спросил Бьярма.

– Защищают, конечно. Ведь я брожу по лесу и в стужу, и в жару. На охоте и замёрзнешь, и вспотеешь, и промокнешь не один раз, но тогда-то о себе забываешь. А потом разными лечебными травами выгоняешь из тела недуги...

– Сам ты, Ягсин, из Кармыйлька? – Бьярме с самого начала пути очень хотелось довести разговор до особо волнующих его тем.

– Я из племени суми, просто вроде откололся от него... А ты по разговору на коми, вижу, смахиваешь?

– А ты их встречал? Знаешь?

— Как же не знать? От Винлы до Мезени доводилось слышать их говор. Теперь меньше его слышно: подались к востоку, да не в одиночку, а целыми родами. Природа в тех местах, конечно, нетронутая, потому богаче... А может, по каким-то другим причинам манят их те места. Я вот как бы с далёкого запада, но дальше Винлы меня не тянет. А возвращаться на родину... Кто сейчас меня там ждёт!..

— Много лет тому назад пришлые викинги напали на молельню богини Заарнь — искали золото, серебро, — напомнил Бъярма. — Кое-что там ухватили, но потом им пришлось убегать — охрана услышала крики. Об этом ты что-нибудь слышал,уважаемый Ягсин?

— Слышал. Говорят, нападали и на молельню Юмалы... Но вы-то не головорезы, а мирные викинги, как мне сказали.

— А что стало потом, после нападения на молельню Заарнь?

— В Кармыльке я тогда ещё не жил, но от других слышал: викинги много нахватать золота не успели, зато увезли с собой коми мальчишку... Но это ведь было уже очень давно, люди забывать стали. Да ещё, говорят, нападение на молельню Юмалы было...

— Ты был в тех местах?

— Нет, но Юмала — в моей душе. И поклоняться ему я могу даже в своей лесной избушке.

— Ты сказал «ему»,уважаемый Ягсин?..

— Да, на родной земле, в kraю Суоми, старушка-знахарка Суомитар подарила мне вырезанную из кедра небольшую фигуру Юмалы. Полагаю, Суомитар — добрая венчунья. Несколько лет я приносил ей лесную дичь, и перед тем, как неведомая даль поманила меня в сторону Винлы, как теперь и вас, она подарила мне Юмалу, сделанного очень искусно. Видимо, руками мастера водил сам бог. Размером всего в две пяди, но я очень привык к фигурке. Юмала провожает и встречает меня в моей лесной избушке. Ведь большую часть времени я провожу в лесу. Он кормит-поит, одевает-обувает и придаёт здоровья. У нас тут можно найти лечебные растения на все случаи жизни, просто их надо знать. Да, долго жить надо уметь!.. А в Кармыльке я прихожу сбывать шкуры зверей и дичь. Это бог Юмала мне помогает...

...Бъярма до сих пор хранил в своей памяти рассказ матери о Суомитар. Она шла откуда-то издалека и заночевала у них. Суомитар и предложила дать ребёнку имя — Чожур. И вот она словно помогает Бъярме найти родных. С помощью охотника Ягсина. Действительно, добрая фея эта Суомитар!

В лесной избушке

Пробираясь сквозь густые леса к востоку от Винлы, путники натыкались на поселения и большие, и малые — всего в несколько домов. В Бъярмаланде мирный, но гордый народ ценил независимость, в том числе и личную, часто устраиваясь жить особняком или рядом лишь с несколькими соседями. Бъярма всматривался в высоченные дома, у которых ещё и окна были сделаны высоко. На окраинах

поселений он заметил дома с множеством небольших прорезей в ставнях. Оказалось, это – дома-крепости. «А прорези эти – для стрельбы из лука, – объяснил Ягсин. – Кто знает, каких людей сюда пригонит ветер нежданно-негаданно». Видно, уже были случаи, когда ставни закрывались, и за ними вставали стрелки.

На пятерых незнакомцев встречные посматривали с настороженным интересом, надеясь, что это – мирные путники, шагающие по бескрайним лесам Биармии по своим делам. Мало ли может быть у них дел, да и для чего-то в конце концов существуют все эти дороги и тропинки. А поскольку не было у путников за поясом никакого оружия и одежда не отличалась от здешней, местные жители не пытались остановить ходоков, не привязывались с расспросами. Лишь провожали глазами и снова брались за свои повседневные дела. Жизнь вокруг шла обычным чередом: детишки ли пробегут, догоняя друг друга, петух ли голосисто прокукарекает, коровы ли промычат бестревожно... Там и сям много лошадей: одни запряжённые – в работе, другие просто пасутся на воле, к ним жмутся пугливые жеребята. А уйдут, скроются с глаз незнакомцы, и внимание людей вовсе переходит на привычные занятия. Дома в селениях крепкие, чувствовалось, живут здесь спокойно, устоявшейся жизнью, хотя можно было заметить, что народ готов ко всякой неожиданности.

Бьярма присматривался к тропам, полянам, приметным деревьям, но ничего похожего на знакомые места не замечал. Да и забылись те места и приметы: ох, время, оно стирает память... Оставалась одна надежда на чутьё, на голос сердца. Вот повеет согревающий душу ветер и подскажет что-то важное, родное. Неловко ему было лишь от сознания, что идут они искать его отца с матерью целой гурьбой, а ведь это его личная забота, и потому идти в эту дорогу надо было бы одному. Как и в детстве, Бьярма-Чожур в глухом лесу никого и ничего не боялся. А уж сейчас, если понадобится, он защитить себя сможет достойно. Но пока здесь никто и ничто не угрожало. Иногда Ягсин подходил к местным жителям, по-свойски вступал в короткие разговоры. Никто ничего о его родных сказать не мог.

– Радостно слушать знакомый говор. А лишний раз поговоришь с пожилым человеком – обязательно узнаешь что-то интересное... – говорил Бьярма Ягсину.

– Что верно, то верно, – отзывался проводник и вёл викингов всё дальше и дальше вглубь пармы.

– Молока бы сейчас – соскучился по нему, – вдруг громко заявил Локи, когда отряд снова углубился в безлюдный лес. – А ещё по женщинам, по их глазам и смеху...

– Можно сделать привал, – согласился Бьярма.

– Нынче ночуем в лесной избушке, а завтра – как скажете, – объявил Ягсин, оглядевшись, и двинулся вдоль ручья.

Бьярма и Рольф зашагали за ним молча, а Локи и Хундинг приотстали, вполголоса переговариваясь.

С утра было солнечно, но к вечеру небо затянули тучи, помрачнело. Поднялся ветер. Как только вошли в берёзовую рощу, опустились сумерки, начался дождь. Все быстро промокли. Между тем, никогда не теряющий охотниччьего чутья Ягсин несколько раз останавливался, вскидывал лук, пускал стрелу. Так, почти на ходу он подстрелил нескольких рыбчиков.

– Сушёное мясо, верно, уж всем надоело, – сказал он, снова спуская тетиву.

Луков ни у кого больше не было, с собой викингам разрешили взять только лёгкие охотничьи топоры, отличавшиеся от боевых коротким топорищем, да ещё ножи в кожаных ножнах за поясом. С этим снаряжением на птицу не поохотишься.

Всё понимавший Ягсин об этом и не заговаривал.

Тропинка спускалась под гору, за деревьями показалась приземистая лесная избушка. Невдалеке красовалась рябина, висевшие на ней красные гроздья украшали и даже освещали окрестность.

– Много рябины, – кинул Ягсин. – А много рябины, много рябчиков.

– Рябчики, конечно, дело хорошее, только мяса у них мало... А ты мог бы завалить медведя? – спросил у Ягсина Локи.

– Здесь... и теперь? А зачем?

– Ну, скажем, ближе к твоему лесному домику, чтоб мясо зря не пропало? А мы были могли потом хвастаться, что видели, как охотятся на медведя!

– Но ведь моя избушка отсюда ещё далеко!

– Так я и говорю, не сейчас, а потом...

– И всё-таки зачем?

– Ну... Во-первых, за медведя я заплачу. У меня есть даже золото. Но мне не мясо нужно. Я хочу посмотреть, как этот великан будет прощаться с жизнью, дух испускать. А шкура мне бы пригодилась как боевое облачение.

– Никакого золота мне не надо, – помрачнев, ответил Ягсин. – Я должен делать то, что мне поручено. А насчёт того, чтобы убить медведя... Мне это ни к чему!

...В лесной избушке было темно. Но не напрасно проводником назначили именно Ягсина. Он и в темноте быстро нашёл берёзовое полено, отщепил от него несколько лучин, затем из своего лузана вынул кремень, высек огонь, бережно перенёс его на сухую лучину, ловко пристроив её к приспособлению над особым корытцем. В избе сразу стало светло. Затем охотник принёс дров и разжёг печку-каменку. Дым не мешал, он уходил через дымоход над печкой. А скоро запахло и вкусным: Ягсин ловко разделал рябчиков и сварил их в железном котелке, который с собой же и носил. Всё у него получалось споро, но без суэты, аккуратно. Усталые викинги только успевали удивляться. Дичь готова, сухари есть у каждого – что ещё нужно? Тем временем их промокшая одежда сохла над горячей печью. Всё получилось ладно, и викинги приободрились.

После ужина Бьярма один на один открыл Ягсину все цели их путешествия, сообщил и о своём личном интересе.

Ягсин внимательно слушал, не перебивая, лишь мимикой выражая удивление по поводу сложных жизненных переплетений, которые выпали на долю Бьярмы. Помолчав, он сказал:

– Всё будет хорошо, Чожур. Я в это верю.

Ночью в избушке стало совсем уютно и тепло, даже жарко. Знакомые с детства запахи лесного жилья успокаивали, умиротворяя, вселяли в душу благость. Но сразу уснуть не удавалось. Разговоры обо всём понемножку, как бывает после отдыха в тепле и сытной еды, угасли лишь вместе с огоньком лучины. В ожидании сна Бьярма думал о своём. А заснув, увидел во сне отца и мать, сестру и плачущего ребёнка. Подумал про него сквозь сон: «Видно, болеет или ушибся». Бьярма шагнул к нему, чтобы успокоить. Но не успел – проснулся.

Дождливый день в избушке

Всю ночь лил дождь. И утром небо было в серых тучах до горизонта. Викинги договорились переждать непогоду и идти дальше, когда разведрится.

Ранним утром Ягсин спустился к быстрой речке по соседству – ловить хариусов. По крутой тропинке за ним последовал и Бьярма. В светлой воде был виден каждый камушек. Наперегонки, словно играя, торопились мелкие волны, мелкий дождь совсем не раздражал. Бьярма внимательнее разглядел проводника. Сухощавый, с длинным прямым носом, Ягсин был колоритной фигурой и по внешнему виду, и по характеру: независимый, знающий себе цену, но очень миролюбивый, избегающий всяких размолвок, тем более, споров... Сейчас он вытаскивал из речки одного хариуса за другим, и они тотчас оказывались в его котелке.

Бьярме опять захотелось поговорить с Ягсином:

- Скоро уже котелок твой наполнится. На уху ловишь, Ягсин?
- Если не сварим, так засолим, князь Бьярма.
- Я не князь.
- Ты старший. Святой Провидец Айка сказал, что ты и вдалеке, откуда прибыл, человек большой, не простой. А раз большой, значит, князь. У вас это по-другому называется, но я забыл как.
- Младший конунг, это да. Но одно из главных дел для меня в этом походе – найти родителей. А что дальше, я не знаю.
- Нужны какие-то приметы того места, где они могут жить.
- От молельни богини Зарань до них, может, будет менее дня пешего хода.
- Где примерно эта молельня?
- Не знаю, но сердцем чую, не так далеко, – Бьярма обвел рукой вокруг.
- От Винлы далеко?
- Наверно, недалеко. Но в Кармыльке мне сказали, что после набега викингов молельню перенесли на восток, вроде к реке Пинеге.
- До Пинеги мы ещё не добрались. А где точно, если возле Пинеги – на левом берегу или на правом?..
- Молельню многие ищут. Старец, прибывший оттуда, означил место очень смутно – между двумя Пинегами.
- Это хоть чуть яснее, – хмыкнул Ягсин. – Река делает полукруглый изгиб, значит, молельня где-то в середине этого полукруга.
- Молелен много, и везде есть изображения Зарань, но золотую Зарань после набегов викингов охраняют особо, – напомнил Бьярма. – Отец мой – тоже охотник, удачливый, потому уважаемый. Ему, думаю, доверили охрану как раз золотой богини, и он перебрался куда-то вместе с ней...
- До Пинеги мы дойдём за день. Надо будет найти лодочника и переправиться. Дальше, недалеко от горы под названием Камень, находится Памкар, второй после Кармылька город. Там нам должны помочь, там можно узнать и о молельне Зарань, если умно подойти к знающим людям. Это ведь – тайна Биармии. Может, на этом наша дорога и завершится...

Котелок поверху наполнился хариусами, и Бьярма с Ягсином поднялись к избушке. Остальные викинги разбрелись, кто куда, но на зов собирались быстро.

— Видели медведя! — ещё издали крикнул Локи. — Уплетал малину. Чуть лбами не столкнулись.

— Что сейчас сказал, то и может сбыться! — предупредил Ягсин.

— На зиму жир нагуливает, — похвастал знанием повадок хозяина пармы Локи. — Зима укроет землю снегом, и ему придётся свернуться калачиком в берлоге аж до весны.

— Медведь прячется в заранее приготовленной берлоге ещё за месяц до первого снега, — уточнил Ягсин, он посолил разделанную рыбу в котелке и, поколдовав над нею, поставил на коротконогий стол. — Прощу попробовать, а за это время кипяток с пакулой будет готов! — берестянную коробочку с солью он спрятал не абы куда, а в свой охотничий лузан.

— Там у тебя всё умещается, — слегка удивился Рольф.

— А ты на — подержи, — предложил Ягсин.

Хундинг взял лузан в руки:

— Ого!.. Да как ты такую тяжесть таскаешь?

— Зато того, что ношу, мне хватает на месяц жизни в лесу, — усмехнулся Ягсин. — Всё есть, что надо, а чего недостаёт, добудем. Своя ноша не тянет!

Поели хариусов, а потом ещё и суп из рябчиков похлебали. За обедом договорились: завтра, что бы ни было, а в дорогу выйти.

— А далеко ещё идти? — полюбопытствовал Локи. Видно, долгая дорога ему уже надоела, — кроме усталости, больше ничего в барышах.

— Впереди — Памкар, там и остановимся, — успокоил Ягсин. — К вечеру, думаю, будем там. Познакомимся кое с кем, поспрашиваем, что и где...

— Ты ходишь везде,уважаемый Ягсин, и ничего не боишься, — с одобрительным удивлением заметил Рольф.

— А кого мне в Биармии бояться?

— Ходишь один, ночуешь в одиночестве в какой-нибудь лесной избушке или даже под старой елью, в шалаше из хвои. Как ты не боишься неведомых сил, которые могут тебе навредить. Сглазить, мозги свихнуть или иное зло причинить? У нас в Скандинавии покоя не дают вредные твари — тролли.

Ягсин смущённо улыбнулся и развел руками, не найдя, что ответить... Он попросил викингов до ужина немного поработать: для каменки заготовить дров и аккуратно сложить их, чисто прибраться в избушке и вокруг неё. В укромном уголке оставил сухари, отделил толику соли из спрятанной в лузане солонки. Её у него вообще немного осталось, но даже толика кому-то путнику пригодится. Ягсин всё делал споровисто, основательно, что-то приговаривая про себя.

— Ты кому богу веришь, уважаемый проводник, — спросил Хундинг, — Юмале или же Зарань?

— Обоим.

— А у нас бог Один, он самый могущественный в мире.

— Все на своём месте могущественные, — возразил Ягсин. — Мир многолик, и в каждой его стороне свои боги, свои порядки...

Во время ужина не зажигали лучины. Ещё не пришло время ранней осенней темноты. Сполохи огня из каменки подсвечивали лица людей ровно настолько, чтобы они видели друг друга. Огонь, как всегда, успокаивал, сплачивал своим светом и теплом. Промытый дождём лес не то что шумел, а скорее убаюкивал.

– День и ночь ты, Ягсин, в лесу. А здешний невидимый хозяин леса не досаждает? – снова спросил Хундинг. – Против него, наверно, не защитишься. А богу Одину ты не веришь...

– В лесу я лесу и верю, – ответил Ягсин. – Если будешь к лесу уважительно относиться, всё тут будет за тебя. Даже Лесовик...

– А каков он... этот Лесовик?

– Если ты ничем не вызвал его недовольства, Лесовик не только не будет тебя беспокоить, но даже не станет показываться. В лесу живых душ много, и у всех свои дела и... обязанности. А Лесовик... Как известно из сказов, он живёт в самых глухих чащобах, чтобы, значит, никто не досаждал. По виду похож на медведя, уши мохнатые, но может принять и обличье человека. Если поднимется сильный ветер, говорят, это Лесовик вышел из своего убежища и прохаживается по лесным просторам, которые считает своими владениями. Я думаю, пусть он будет в общей жизни людей и всех обитателей леса, может, по-своему он тоже нужен. Ведь всё – от бога... А в лесу я – как дома. Тут везде всё для меня как будто своё. Как и дома, где обитает домовой. Кстати, и с ним тоже надо ладить...

– Дома ведь четыре стены и дверь, никто мимо хозяина не пройдёт.

– Парма тоже не всякому открыта. Только если придёшь в неё с добрым сердцем, поможет. Каждое дерево здесь от чего-то бережёт. Берёза или сосна, кедр или осина... Ты только ладонь прижми к стволу да постой с открытой душой – дерево и поможет в том, в чём ты нуждаешься в этот миг. И легче станет на сердце, маesta отляжет.

– Если надо избавиться от заботы или болезни, обязательно надо идти в лес? – спросил Локи.

– И вдали от пармы дерево, опять же взятое из лесу, способно помочь. Пальцами постучи по столу, стулу, лавке, по стене – дерево и уберёт сглаз или порчу. Ибо дерево есть дерево. Только от души надо просить.

– Ты считаешь, что у леса есть душа, что он, как я и ты, как все люди? – удивился Бьярма.

– А в природе и так всё живое, князь Бьярма. Когда пробираешься сквозь густой лес, встречаешь деревья, которые согревают душу, возле них хочется постоять. Я тогда сердцем чувствую, что дерево слушает меня и понимает. А откровенно сказать, всё: воздух и солнце, огонь и вода – все они живые.

– А волки? – с усмешкой спросил Локи. – От них тоже какая польза есть? Воют, словно провожают нас. Чего от них ждать? Навряд ли чего хорошего...

– Может, и так. Волк делает то, что ему самому подходит. Себя защищает открыто, не прячась. Он не человек, обманывать не умеет.

Возле Чёрного озера

Утром, после завтрака вышли в путь. После дождя лесные речки и ручейки разлились, и путникам пришлось переходить низины, бредя по воде иногда даже выше колена. А потом сушились у костра. Хундинг вспоминал всех на свете чертей, но этим и ограничивался. Обещанная солидная плата за этот поход вдохновляла его и остальных, чтобы шагать всё вперёд и вперёд.

К Хундингу то и дело подходил Локи, они вполголоса разговаривали, но о чём, остальные не знали, ведь их негромкий говор до других ушей не доносился, а особо за ними никто не следил – Бъярма шагал рядом с Ягсином, а Рольф держался особняком.

По заболоченному седому ельнику, прыгая от кочки к кочке, они пробирались к Памкару. Поднялись на возвышенность и, наконец, вышли на скромную молельню.

– Молельня богини Заань, – по каким-то приметам подсознательно определил Бъярма. Ягсин посмотрел на него и махнул рукой, мол, пойдём дальше, не задерживаясь. Бъярма не стал противиться. Таких небольших молелен в парме было много, особенно в сухих сосняках, некоторые даже безо всякой изгороди. А это значит, что уже недалеко до какого-то селения. Но и переход до него предстоял ещё немалый. А точнее, один-два перехода, по-здашнему, чомкоста, как тут называют расстояние от одного охотниччьего шалаша или избушки до другого.

Снова вошли в ельник. Движение замедлилось. А тут ещё на пути встретилось озеро, которое придётся обходить. Хундинг заметил большое упавшее дерево, предложил присесть, отдохнуть. Бъярма не стал возражать. Освободившись от поклажи, викинги расселись, вытянув ноги. Поначалу молчали – порядочно устали. Даже Ягсин, видно, утомился и платком вытирал вспотевшее лицо. Подкрепились сушёным мясом и сухарями, глотнули подслащённой мёдом воды, которая была у каждого в маленькой фляге из бересты. После привала и еды приободрились, вздохнули веселее.

Впереди посверкивала гладь озера. Видно было, что оно глубокое, неподвижная вода была какая-то чёрная. Викингам захотелось посмотреть на озеро вблизи. Лишь Ягсин остался на месте, остальные пошли лесом по сторонам озера. Бъярма двинулся по левому берегу. Но его не особенно манило озеро – просто хотелось остаться наедине со своими думами. Мысленный взор его как бы раздваивался: то он был рядом с Ингрид и Снорриком, то сердце начинало волноваться в предвкушении встречи с родителями. Для них он до сих пор был просто Чожур, сын, а для сестры Шаньчи – брат. Где, в какой стороне они сейчас?.. Отец учил его всему, что сам умел, например, выйдя из дома, находить дорогу в лесу. Но как отыскать путь в незнакомой парме?..

А мать больше учила жить по совести и по божеским законам, чтобы это нравилось Заань и всем людям вокруг. Заань ведь всегда придёт на помощь, если её хорошо, от души попросить. А ещё мать и отец учили надеяться на собственные силы, они не любили нытиков. Как и сама Заань, которой не нравились бесконечные жалобы.

Невдалеке Бъярма увидел огромный камень – в рост высотой. Такой большущий он, конечно, был очень тяжёлым. Какая силища требуется, чтобы сдвинуть его с места? Наверно, даже если бы они впятером взялись, всё равно не осилили бы. Только земля его держит-подпирает. В детстве Бъярме рассказывали сказку про Перу-богатыря. Отец говорил, что в старости Пера ушёл в парму и превратился в огромный камень. А кто его сдвинет, тот сможет заменить Перу-богатыря. Вряд ли такой силач объявился. Может, вот это и есть камень Перы? Бъярма упёрся и нажал на камень плечом, тот, конечно, даже не шелохнулся. Как будто кто сверху лишний раз подсказал: надо жить в меру своих сил и воз-

можностей. Бьярма огляделся, не заметил ли кто его попытку сдвинуть камень, ведь это – ребячество...

За камнем послышались приближающиеся голоса. Бьярма узнал Локи и Хундинга. Он затаился и стал вслушиваться.

– С пустыми руками негоже из Бьярмаланда уходить, – говорил Локи. – На смех поднимут. Надо что-то... такое... придумать и сделать.

– А что сделать? – не понял Хундинг.

– Ну... это... – видимо, Локи жестом что-то показал Хундингу.

– Ягсина? – уточнил тот. – Зачем?.. И как без него? Да нас отсюда и не выпустят, если Ягсина порешим.

– На драккаре ещё обговорим. Но Ягсин мне никак не нужен.

– Но ведь нам обещали большие деньги, хватит на весь наш век!

– Денег много не бывает. На кашу-овсянку, может, и хватит, а мне надо очень много. Чтобы своих работников нанять... зажить в своё удовольствие.

– Но ведь мы можем и обещанного лишиться, если ничего не удастся!

– Тише! Не спеши. На драккаре точней договоримся. Я хорошо знаю всех на драккаре, кто помешает, уберём.

– А что дальше?

– Ты викинг. В Италии солнечная Сицилия в руках викингов, а может, и целиком вся Италия. Вот где жизнь у нас будет! А этого... Скажем, что его убили в Бьярмаланде. Тогда и дорогу оплатят, а потом золото – пополам и...

– Нельзя делить шкуру неубитого медведя...

– А мы убьём!

– Всё же нехорошо это, непорядочно...

– А мы всё обстряпаем хорошо, Хундинг. Крылатые женщины-валькирии по воздуху доставят его душу в Валгаллу, там будут с ним пировать и веселиться. А?.. Как это тебе?

– Да, но наш бог Один...

– Смерть одного человека, потерявшегося где-то между Юмалой и Заранью, ему, думаю, абсолютно безразлична. Пусть разбираются валькирии. А мы как бы принесём жертву Одину. Со всех сторон подходит...

Голоса отдалились. А Бьярма растерялся: «Уберём... Кого? Его, Бьярму? Но кто он для них?.. Просто викинг... Нет, это... Это речь об Эдвине! Эдвин Сильная Рука поперёк их дороги! Богиня Зарань! Бог Юмала! Бог Один!.. Вы слышали?»

Бьярма шагал к месту привала совершенно ошеломлённый, всё в его голове перевернулось: «Вот тебе и викинги! А как же бог Один, их защитник и судья? Воровство, грабёж – вина перед лицом Юмалы и Зарани. А убийство человека – вина вдвойне... Или перед лицом Одина грабить и убивать можно? Что же тогда хорошего в звании викинг, если убийство человека, грабёж, насилие простительны и даже похвальны?.. В Бия Ур Му такому викингу нет места для жизни».

Сызмала втолковывали Чожуру поучения Зарань:

Честно, праведно живи
Да родителей люби-
Уважай, а будет дом свой –
В нём заботься о потомстве.

Не убей ты человека
 И природу век от века
 Береги, жалей и зверя,
 В божьи гнев и милость веря!

«А теперь – что? Оказался между двух огней?.. – Бьярма, наконец, стряхнул с себя растерянность и принял решение. – Эдвина надо защитить. Нужно ещё в Кармыльке, когда они опять сойдутся вместе, рассказать ему всё, что он услышал. И уже сейчас следует осторегаться Локи и Хундинга, особенно Локи. Это ведь не донос, не сплетня. Более того, обо всём надо рассказать на драккаре открыто, при Локи и Хундинге. В первый же день, как соберутся, чтобы не успели навредить... Но, может, Хундинг отвергнет предложение Локи? Он всё-таки честнее Локи... Нужно какое-то время переждать, чтобы не ошибиться. А до того – ни гу-гу, словно ничего не слышал...»

Когда Бьярма уже подходил к остальным спутникам, его осенило: «Враждебность Локи по отношению к конунгу связана с враждой против самого Бьярмы, ведь Бьярма теперь в родстве с Эдвином. Надо быть вдвойне осторожным: с Локи – само собой разумеется, но и с Хундинга нельзя спускать глаз. А вот почему Эдвин Сильная Рука взял с собой в Биармию Локи? Неужели лишь потому, что тот работал у Бёльверка на острове Фрейя? И ещё, по рассказам, оказался бесстрашным в бою? Может быть. Но ведь и характер Локи Эдвин должен был бы знать!..»

Возле Чёрного озера больше задерживаться не стали. Отправились дальше. Уже привыкли к тому, что впереди всегда шагал Ягсин, за ним – Бьярма, остальные шли в разном порядке. Сейчас третьим шёл широкоплечий Рольф. А последними после Чёрного озера теперь всегда шли Хундинг и Локи: Хундинг обычно с суровым лицом, а Локи – с холодным взглядом, чуть тронутым усмешкой. Теперь их объединял опасный сговор...

...Из-за деревьев показались светлые пятна свежетёсанных бревенчатых стен недавно построенных домов. Среди них были и двухэтажные.

– Памкар разрастается, – заметил Ягсин. – Здесь княжит Грим Айка. Его власть и влияние простираются далеко – аж до Северного океана, где вечный лёд. Наш Большой Князь Айка его ценит, выделяет среди всех князей Биармии. Потому как у Грим Айки из Памкара твёрдая рука, крепкая хватка. И говорит он всегда прямо, не скрывая своих мыслей. Сможем ли мы встретиться с ним, не знаю. Мы ведь гости нежданные, каких немало в нашем kraю. Правда, таких приходится держать на глазах, чтобы, к примеру, плохого человека заметить вовремя...

Внезапно из-за домов показался и зашагал навстречу путникам парень с коротким копьём в руке. В бою такое копьё метали очень далеко, оно могло пронзить человека насекомый. Остановившись невдалеке, человек с копьём стал ждать приближения незнакомцев.

Ягсин показал ему раскрытые ладони: что означало – идём с добром.

Князь Грим Айка из Памкара

Молодой посланец из Памкара с коротким копьём в руке проводил Ягсина и четырёх викингов к дому с высоким крыльцом. Встречавшиеся люди почтительно здоровались с ним, праздно гуляющих не наблюдалось – все были заняты делом. А сам Памкар, толково составленный из добротных домов, среди синеющей бескрайней пармы выглядел сказочным.

Подойдя к крыльцу, видно было, важного дома, путники увидели крепкого седовласого человека – язык не повернулся бы назвать его дедом. К некоторому удивлению пришельцев, он... кормил кур, бросая им по зёрнышку и что-то приговаривая. Рядом с ним крутилась девочка, на взгляд Бьярмы, лет пятнадцати-шестнадцати, может, и постарше. Черноглазая, бойкая, даже, кажется, озорная, она тоже кормила кур. С детским нескрываемым любопытством она взглянула на подошедших, сопровождаемых, как оказалось, её братом.

– Князь Грим Айка! – указал тот на седоголового.

Да, этот простой человек с цепким взглядом был действительно Грим Айкой, князем не только Памкара, но и многих окрестных поселений. Он лишь скользнул беглым взглядом по пришедшим, побрёсал курам ещё немного зерна и только потом внимательно осмотрел каждого. С улыбкой он показал гостям на кур, заметив:

– Вот ведь какова курица: по зёрнышку, по одному зёрнышку клюёт, а всегда сыта. А среди людей есть такие, что не довольствуются тем, что имеют, недовольны своей жизнью и постоянно заряжаются на чужие богатства... На, – он отдал дочери лёгкий короб с зерном, – может, с твоей руки охотней будут клевать.

– Высокое почтение и самое искреннее приветствие тебе, многоуважаемый князь Грим Айка, – обратился к хозяину Ягсин.

– Но, но, – поправил князь. – Я не один. Вот моя дочь Райна.

Райна поочерёдно посмотрела на каждого из пришельцев, улыбнулась и отошла. На её шее тускло поблескивало ожерелье из янтаря. В Биармии янтарь называют солнечной смолой, он, говорят, защищает от сглаза и помогает человеку жить дольше – об этом позже напомнил Ягсин.

– Видза оланныд, здравствуйте! – с лёгким поклоном сказал Бьярма и посмотрел на Райну, невольно сравнив её с Ингрид. Лицо её привлекало свежей девичьей красотой, и фигурка у неё была ладная. Но Ингрид точно не уступала Райне. Впрочем, обе по-своему пригожие.

– А встретил вас мой сын – копьём ещё учится владеть, – улыбнулся Грим Айка. – Ничего, научится, хотя стрельба из лука пока ему лучше даётся. А имя его отвечает нашему жизненному стремлению – Ури, то есть, Мир, по-коми. А вот и наша мама Нола, она родом из Иднакара.

– Издалека, видно, люди идут. Пусть уж быстрей в дом входят, – обратилась к мужу вышедшая на крыльцо Нола ань.

– Подожди, Нола бурань... Надо узнать, что за гости... Кто вы и откуда идёте? Охотника Ягсина я знаю, а остальных?..

Ягсин и Бьярма переглянулись.

– Норманны, – сказал Ягсин.

– Так переводи их слова, – велел князь Грим Айка, – коли уж с тобой идут.

– Да вот Бьярма, – начал Ягсин.

– Я сам расскажу, если можно... – заговорил Бьярма, шагнув вперёд.

– Что-о? – удивлённо поднял брови Грэм Айка. – С каких это пор норманны заговорили по-нашему?

– Я коми человек, – объяснил Бьярма. – В детстве норманы-викинги увезли меня с собой в Скандинавию, жил на острове Фрейя. Там и научился говорить на языке норманнов. И ёщё кое-чему обучился, – Бьярма вкратце рассказал о своей судьбе, о том, как и почему они сейчас попали в эти края.

– Ну и ну, – удивился князь. – Коли так, коли вы не противники нам, заходите немедля!..

– Конечно, не противники, – подтвердил Бьярма уже в доме князя. – Я так и вовсе ваш сородич, правда, ваш говор немного отличен от разговора моих родителей.

– Это Нола привезла из Иднакара свой говор, – громко рассмеялся Грэм Айка. – Дети съезжала говорят на языке мамы, да и я наполовину стал человеком из Иднакара.

– Я понял, – кивнул Бьярма. – Наш конунг Эдвин Сильная Рука отправился на юг Биармии, в Чердынь, потом побывает в Иднакаре, а если получится, и в Биляре, столице булгар.

– Биляр – очень большой город, – подхватил Грэм Айка. – У булгар сильное княжество. Мы многому научились у них. Стали по-новому растить хлеб, овощи, содержать скот. Многие слова от булгар переняли. Я уже не говорю о предметах роскоши: боюсь, как бы ради них наши молодки не убежали к булгарам, – Грэм Айка снова громко рассмеялся, – а мы не пустим. Сами булгары часто приезжают к нам торговать, даже пытаются хитрить. Но это всё же лучше неприязни, тем более, вражды.

Бьярма кратко переводил слова Грэму Рольфу, Хундингу и Локи.

– А что, князь, ты скажешь про Иднакар? Разве там ничего хорошего нет? – повернула разговор Нола ань. – Ты ведь несколько раз приезжал в наши края, пока меня не нашёл... У нас там пристань, каких здесь нет, многие люди на больших длинных лодках приплывают туда.

– Да! – согласился князь. – Это действительно большой, богатый и защищённый от вражеских набегов город. Он стоит на слиянии двух прекрасных рек – Пызепы и Чепцы. Он больше даже Кармылька. Тамошние жители называют себя удмуртами. Одно время князья Биа Ур Му даже подумывали, не перенести ли нашу столицу из Кармылька в Иднакар, потому я и был послан туда. Но, всё обсудив, не пришли к согласию и решили всё оставить как есть... – Грэм Айка посмотрел на Бьярму: – Так ты говоришь, викинги желают поддерживать с Биа Ур Му хорошие отношения?

– Чтобы завязать такие отношения, и прибыл в Бьярмаланд, как называют нашу землю викинги, Эдвин Сильная Рука. Мы отправились на восток, а он двинулся к югу. С согласия Большого Князя Айки.

– Бьярмаланд, – как бы про себя повторил князь Грэм Айка. – Пусть викинги так называют. От этого у нас ничего ни прибавится, ни убавится... А ты, значит, хочешь найти своих родных?

Бьярма посмотрел на викингов. Вот он, момент истины! Все цели обозначены, и всем всё должно стать ясным!

– Да, так, князь Грэм Айка. Всё в нашем походе взаимосвязано.

– А что посоветовал насчёт этого Большой Князь Айка в Кармыльке?

– Он точно не знает, куда переместили главную молельню Зарань, нашу золотую

богиню. Последнее место, я помню, было недалеко от нашего жилища, но после набега викингов его, конечно, поменяли.

...Бьярма не стал вдаваться в подробности и умолчал, что из родных мест егоувёз именно Эдвин Сильная Рука, которому он теперь служит.

— Я тоже не знаю, где сейчас молельня, — сказал князь Грим Айка. — В старой части нашего города, посреди сосновой рощи, стоит дом из белого камня, где мы отмечаем Праздник полного солнца, незримая хозяйка праздника — богиня Заань. Ей мы поклоняемся и обещаем выполнять все её заветы, беречь свою честь и честь родной земли. День праздника — самый длинный в году, а ночь — самая короткая. То, что богиня незримо находится с нами, придаёт нам силы. А золотая Заань... Тревожное время заставляет нас всё самое дорогое и сокровенное хранить в глубокой тайне. Я верю, что Большой Князь Айка вправду не может сказать, где хранится золотая Заань. Кстати, дом Заань из белого камня есть и в Кармыльке. Вам показали?..

— Нет, — качнул головой Бьярма. — Мы спешили... Может, на обратном пути.

— Ну, ладно... Ещё увидите. И здесь, и там, в центре — башня, сторожевая, с колоколом. Ведь наш долг — сохранить Биа Ур Му от возможного нападения. Но на нашей земле есть всеми уважаемые старейшины, которые охраняют первозданную богиню Заань. Эти почтенные хранители выше всех наших князей, ибо у них работа ещё ответственней, чем у нас. Они — слуги Заань. Я не исключаю, что в их числе и твой отец... Как его звать?

— Гормёг айка.

— Да, я не исключаю этого, — повторил князь Грим Айка.

— Но где же его всё-таки искать, князь? — взмолился Бьярма.

Грим Айка пожал плечами, дав этим жестом понять, что разговор о поисках отца Бьярмы закончен. Но прежде чем отпустить гостей, пусть и незваных, князь тоже устроил им приём, поужинав с ними в комнате, которая одновременно была и залом. На столе даже появилась брага, изготовленная по местному рецепту, очень вкусная, умеренной крепости. Рядом с родителями сидели княжеские дети Ури и Райна, внимательно слушали разговор. Локи ловил взгляд Райны, стараясь обратить на себя её внимание, как он считал, соблазнительной полуулыбкой. Рольф слушал краткий перевод Ягсина на нормандский язык, кивая головой. Хундинг внимал всему, что звучало за столом, с преувеличенным вниманием, хотя трудно было угадать, что в это время прокручивалось в его голове. А Бьярма снова, как в Кармыльке, внутренне оживился, воспрял душой, почувствовав себя словно бы уже окончательно дома. Тело приятно расслабилось, всё существо его почувствовало приволье, дышалось свободно. Этому, может быть, способствовали обслуживавшие стол нарядные и пригожие девушки, наряды которых несколько отличались от тех, что красовались на девушках из Кармылька.

После ужина князь отпустил гостей отдохнуть, пригласил в отдельную комнату лишь одного Бьяруму, заговорил:

— Завтра вам снова можно пускаться в путь, вас проводят мои люди. Что тебе сказать в продолжение ранее начатого разговора, викинг из Биармии?

— Так меня звал Хеймдалль скальд с острова Фрейя, я жил под его опекой, — улыбнулся совпадению своего прозвища Бьярма. — Хороший был человек.

— Хорошие люди есть везде, — заметил князь. — Но как всё-таки тебе помочь?.. К западу от нас поклоняются Юмале, к востоку — богине Заань. Её после

нападения викингов, да, перевели далеко на восток, хотя рядовые молельни можно встретить везде. Само имя Зарань объединяет людей, делает их как бы членами одной большой семьи, и этим мы сильны. Я думаю... даже уверен, что твои родные тоже ушли на восток. Мы все проявляем священную заботу о том, чтобы золотую Зарань охраняли надёжные, тщательно отобранные люди, которые наблюдают за всеми остальными ещё издали. Вот и о вашем приближении мне доложили заранее: не случайно вас встретил Ури, хотя до золотой богини отсюда ешё далеко... Вот так, викинг из Биармии! – снова повторил князь.

– И всё-таки где искать молельню, моих родных?

– Ну, давай прикинем вместе: если идти на север, в сторону наших поселений Ортдин и Сардор, наиболее близких к Ледовому океану, главной молельни, полагаю, там, на дальнем севере, не может быть. Идти на юг, в сторону Сузdalского княжества – тоже не будет толку. На восток подадитесь – уткнётесь в большой Урал-Камень. Нет, вам надо переправиться через реку Пинегу и идти на северо-восток, больше некуда. Переправиться через реку поможем... – задумчиво помолчав, Грым Айка перешёл к своим земным заботам. – Большой Князь в Кармыльке – человек очень осмотрительный, даже осторожный. Ныне это неплохо, только на пользу. А тебе я бы советовал поступить к нему на службу. Вижу, человек ты смывшлённый, можешь принести немало пользы своей родной земле – Бия Ур Му-Биармии.

– Спасибо на добром слове, князь Грым Айка. Вправду, ведь не было дня, чтобы не думал я о своём родном крае, даже воздуха его мне не хватало.

– Да, – продолжил свою мысль Грым Айка, – Большой Князь в Кармыльке всё хочет делать так, чтобы жизнь нашей Бии Ур Му улучшалась. Как и все мы. За это его уважают, я – тоже. У него забот много, и у нас их прибавляется по мере того, как жизнь меняется. На своих просторах мы расширяемся и как бы удаляемся друг от друга, стараемся лучше устроить жизнь – каждый в своём уголке. Мы сами это понимаем, и люди со стороны тоже видят. Но викинги, скажем, для нас не угроза. Нас больше тревожат те, что поближе. Но и от волка можно отбиться, если палец ему в рот не сунешь. Нельзя потерять свои лицо и имя, надо в своём дому всегда оставаться хозяином...

Князь говорил о своём, наболевшем, у Бьярмы же давно зрел вопрос:

– Уважаемый князь Грым Айка, вот город этот называется Памкар, и о нём я слышал с детства. Мол, очень большой, раскинулся просторно во все стороны. А почему, однако, он так называется?

– Наш город старинный и по сию пору всё растёт. Думаю и дальше будет разрастаться... если, конечно, сами будем расти. А имя Пам в нашем народе издревле живёт; старые люди говорят, что это наш оберег...

«Оберег», – повторил про себя Бьярма и сразу орла Хеймдалль скальда вспомнил, орёл ведь тоже с ним путешествует. Он невольно произнёс:

– В мифах викингов, как мне рассказывал упоминавшийся мною Хеймдалль скальд, есть священный, могущественный Большой Орёл, который когда-то спас Солнце и Землю от гибели из-за людских пороков и междоусобиц. Изображение этого орла стало оберегом для самих викингов, помогая им выживать среди суровой природы и побеждать в любых битвах. Оберегая.

– Может, так оно и есть, – согласно кивнул князь Грым Айка. – Нам тоже очень нужен оберег, потому что всем, сообща, надо беречь нашу Землю Огненных Белок. Мы, в отличие от викингов, ни у кого земель не отираем, но нам важно и,

честно говоря, непросто свою землю беречь. В Гольмграде-Новгороде удивляются, когда узнают, что мы до сих пор не платим им дань. Все вокруг платят, а Биармия – нет. А почему, спрашивается, мы должны им платить? Их еды мы не едим, питья не пьём, на своей земле растим и берём всё, что нужно для жизни. Если хотите купить что-то, мы вам продадим и у вас купим то, что нам нужно и нравится, как покупаем у булгар и у людей более южных. А вообще, у нас самих есть всё необходимое для жизни.

– Гольмград-Новгород славится своей силой и богатствами так же, как и Биармия, – вставил Бьярма. – О нём я слышал и в Англии, и в Нормандии...

– Новгород по себе знает, каково это бывает, когда на тебя нападают чужаки, – сказал князь. – Лет сто назад, может, и больше норманны неожиданно совершили набег на земли Новгорода да и сам город захватили. Правда, ненадолго: новгородцам всё же удалось этих викингов прогнать, так что те не успели освоиться и пустить там корни. Но этого в Новгороде не стыдятся, напротив, слава о разгроме викингов до сих пор живёт там в преданиях... Так пусть же боги не позволят, чтобы хоть кто-то жил под властью чужаков и на собственной земле не был хозяином...

– Спасибо за милость и добро, – поблагодарил князя, заспешив, Бьярма.

– Здесь заночуйте, наберитесь сил, а завтра утром я вас отпущу! – шутливо пообещал князь Грэм Айка. – Доберётесь до реки, переправитесь, а там ваш путь на юго-восток. Придёте, куда надо. Если потребуется, сама Захрань вам поможет!..

Утром верхом на лошадях пятеро путников и один сопровождающий доехали до Пинеги, лодочники переправили их на другой берег. И они пошли дальше, отпустив провожатого.

...И вот уже далеко позади остался Памкар с его остроконечной изгородью из ошкуренных брёвен, высокой насыпью и глубоким рвом с проточной водой вокруг.

В памяти Бьярмы запечатлелись образы Ури и Райны, которые немного проводили путников. Это тронуло сердце викинга из Биармии, может, оживив смутные воспоминания детства...

Волк повадку не меняет

А дорога в неизвестную даль продолжала вести вперёд. Иногда это была тропинка, иногда – берег небольшой речки или даже ручейка. Шли на юго-восток. Ягсин по-своему оценивал лесные картины. Если встречался брусничник, он останавливался, молча осматривался и говорил:

– Брусника добрая народится, значит, и хлеб будет добрый. Это хорошо...

И снова шли дальше – до самых сумерек.

Бьярма снова и снова мучительно обдумывал то, что перед выходом в путь, отведя в сторону, сказал ему Грэм Айка:

– При людях говорить не стал: с тобой, вижу, товарищи, вроде один кулак, но, кажется, они в чём-то проворнее нас и... себе на уме. Викинги, сам видишь, распространяются по всему свету. А мы, напротив, ужимаемся, сужаем границы наших земель. О давнем набеге на молельню богини Захрань я наслышан: это произошло недалеко от берегов Винлы. После этого Захрань перебралась на восход солнца, где её охраняют вдвое бдительней. Вы ещё не вышли из Памкара,

укладывались спать, а там, может быть, о вашем сегодняшнем выходе уже знали. Вот как теперь всё складывается: чем дальше, тем скрытнее будет молельня. Так что, прямо скажу тебе, вас и близко не допустят до святилища богини. А о своих родных ты, скорее всего, услышишь ещё до подхода к молельне...

— А как же узнают о наших передвижениях, уважаемый князь Грым Айка? Ведь мы идём тихо, не нарушая молчания пармы...

— Везде есть глаза и уши. И потом, видимо, твои родные вправду связаны с судьбой Зарань. Им, точнее, отцу твоему, доверили быть в охране её. Так?

— Так, князь Грым Айка.

— Ну вот. Чтобы приблизиться к Зарань, надо двигаться на юго-восток, к реке Енве. Там предначертано основать жилище нашей покровительнице. Так решили старцы, прорицатели и добрые чародеи. Об этом тебе не сообщил в Кармыльке Святой Прорицатель Айка?

— Нет.

— Это и понятно: глубокая тайна сопровождала тебя до Памкара. Но и после она не перестаёт быть тайной.

— Спасибо, уважаемый князь Грым Айка!

— Вот в ту сторону и шагайте... Но, если откровенно, спутники твои внушают мне тревогу. Надо быть начеку и в пути, и дома.

— Я приму во внимание твой мудрый совет, князь Грым Айка.

— Ну, и хорошо. Ближе к Енве, думаю, что-то прояснится. Но не обходи и других святых мест: богиня, она всё видит. Из южных краёв в души людей проникает и другая вера, рождённая в могущественной Византии. Что она нам с собой принесёт, мы пока не знаем. Веяния новых времён не знают границ. Но вечно будет вдохновлять и укреплять нас любовь к родному краю, где и воздух с рождения свой, чистый воздух...

День выдался тёплый, дул лёгкий южный ветерок, весело перешептывалась листва. К вечеру все устали. Локи вонзил топор в берёзку у тропинки:

— Уфф! Выбился из сил! Бьярма, вели остановиться — отдохнём!

По распоряжению князя Грым Айки перед выходом из Памкара им всем дали в дорогу вкусную еду: мясо, сыр, пышные шаньги, не забыли положить и фляги с крепкой брагой, сказав: «Когда устанете, пригодится».

Бьярма посмотрел на Ягсина, дескать, стоит ли тут сделать привал?

— Здесь? Можно, почему нет? — ответил на вопросительный взгляд Бьярмы Ягсина и покосился на воткнутый в берёзу топор Локи. — Надо бы посмотреть, есть ли поблизости ручей с чистой водой.

— Но у нас же есть брага! — воскликнул Локи.

— В дороге я не пью, — отрезал Ягсин.

— А я выпью, раз уж нам её дали. Как ты на это смотришь, Бьярма? Ты же у нас старший?!

— Я не против. Но сначала найдём чистый ручей. Схожу поищу.

— Если можно, Бьярма, я с тобой, — предложил Рольф.

— Хорошо, пошли!

Рольф был несколько старше Бьярмы, но это особенно не бросалось в глаза благодаря его добродушному характеру. Рольф мог ладить с каждым, не раздражался из-за мелочей, даже чья-то неприятная выходка не вызывала у него

явного неудовольствия, он не таил зла на мелкого обидчика. Бъярма удивлялся, как Рольф стал викингом, которому надо не улыбаться и шутить, а в постоянных боях стараться сразить как можно больше врагов. Натура и характер этого человека очень уж не соответствовали привычному образу викинга.

– Не хочу ни на кого наговаривать, – вдруг произнёс Рольф, когда они достаточно удалились от места отдыха. – Не хочу ни на кого доносить, но не знаю, чем всё это кончится...

– Ты это о чём... о ком?

– Ты сам знаешь, Бъярма.

– В этом походе мы пробудем недолго, а вернёмся – разойдёмся по домам.

– Каждый день приносит что-то новое, Бъярма, и, к сожалению, не только хорошее. И тебе надо быть осторожнее. Больше я ничего не скажу... потому что большего и сам, по правде говоря, не знаю.

– Спасибо за предупреждение! Но, думаю, всё будет ладно.

– Да хорошо бы, чтобы было так...

Небольшой быстрый и светлый ручеёк они нашли, нашёлся даже берестяной ковш на ветке берёзы. Бъярма сполоснул в воде походный котелок Ягсина, наполнил его чистой водой и дал Рольфу напиться. Потом и сам с наслаждением сделал несколько глотков. Они молча постояли, затем Рольф отправился назад, к остальным, а Бъярма ещё захотел пройтись вдоль ручейка, полюбоваться им. Он не сказал Рольфу, что в общем знает о некой грозящей опасности, но после намёков Рольфа хотел лучше обдумать то, что может произойти. Ясно, что Рольф намекал на какие-то замыслы Локи. Видимо, Локи предлагал и Рольфу присоединиться к его замыслу. Согласия, похоже, не получил, но вообще-то, этот пересчур пронырливый парень времени не теряет. А вот насчёт Хундинга неясно: отказался ли он от преступного предложения Локи или стал соучастником?.. В таком случае их уже двое, и, значит, скорее надо раскрыть этотовор. Впрочем, не здесь и не сейчас...

Бъярма пересёк берёзовую рощу, вошёл в ельник и спустился вниз – там виднелся изгиб того же ручья, что обнаружили они с Рольфом. Зачерпнул воды, поднялся по тропинке вверх и наткнулся на изгородь из остроконечных жердей. Найдя калитку, он открыл её и вошёл внутрь. Понял: здесь молельня. А вон и богиня, сделанная из дерева. Это – Зарань. В руках её – длинное копьё, на руках у груди изображён ребёнок. Здешние люди украсили её своими дарами: на шее – ожерелье из разноцветных камней, на плечах – шкуры соболя и куницы, вокруг на земле разбросаны монеты – как местные, отчеканенные в Биа Ур Му-Биармии, так и привезённые издалека. Бъярма пошарил в карманах и осторожно положил возле богини всё, что нашёл, подумал: «Мало для Зарань». Конечно, в заплечном мешке, оставленном на месте привала, были деньги, предназначенные для отца с матерью, но... Зато с собой была полная фляга с брагой из Памкара. Положил её возле богини. Может, это не совсем то, что подходит для такого дара, но от сердца... Пятым лицом к богине, он вышел за изгородь, поклонился, попросил помочь найти родных. Он знал, что Зарань слышит его мысли: «Ты самая строгая и самая ласковая, видишь каждого и знаешь каждого. Меня не за что любить и оберегать, но ведь есть ещё время, и я докажу, что достоин быть сыном своей земли...»

Бъярма постоял у молельни ещё немного и поспешил к месту привала. По пути вновь наполнил котелок водой.

Ягсин умеет добывать огонь, он мастерски делает всё, что надо и как надо. Вон полыхает уже костёр – бодрит, успокаивает, изгоняет сумрак из этого глухого уголка земли... Да и – из души тоже...

– А мы подумали, ты уже до родительского дома добрался! – нарочито громко и язвительно рассмеялся Локи.

Бъярма лишь вздохнул и ничего не ответил. И подумал: «Сейчас помогать в поисках моих родных будет Заань. Мольба моя долетела до самой большой молельни, до самой богини, которая вся из огненно-пламенного золота. Пусть до неё пока ещё далеко, но она услышала, услышала...»

– Дорога длинная, но – дойдём, – ободряюще заявил Рольф.

– Дойдём, – подтвердил Бъярма. – Заань поможет.

– Точно! – согласился Рольф.

«Как будто он знает о моём посещении молельни, – подумал Бъярма. – Этот человек, верно, свой, ему можно доверять!»

– Столько шагаем – куда-нибудь да дойдём, – согласно кинул и Ягсин.

– Ты устал уже наверняка, – бросил на него взгляд Бъярма.

– Я ведь дома, в нашенских лесах. Так и так бы бродил.

– А разве ты не с берегов Винлы? До неё ведь не близко, – подал голос одноглазый Хундинг, самый молчаливый из всех.

– Я в Бия Ур Му, – ответил охотник. – Не на чужой земле.

– А велика ли твоя Бия Ур Му? – кажется, с тайным смыслом спросил Локи.

– До тех границ, до каких понимают мою речь.

– А где перестают понимать? – продолжал допытываться Локи, ловко играя ножом.

– На стыке с вашими землями, с владениями норманнов, – ответил Ягсин. – На юго-западе – близ Нового Города, на юге – в соседстве с булгарами...

– Сам ты вроде везде бываешь, а бывал ли в тех местах? – поддел Локи.

– Везде не бывал, не буду хвастать, – добродушно усмехнулся Ягсин. – Далеко до тех краёв. А знаю всё от умных людей, которые умеют свои мысли выражать на бумаге, иные из них знают много языков. Земли весьма богатые есть.

– Бъярмаланд ваш тоже славится своими богатствами, – заметил Рольф.

– Да. Чтобы только не сглазить, да сохранят нас боги. В бедный край я бы и не пришёл. А теперь на наших ярмарках увидишь даже смуглые лица: значит, люди прибывают издалека...

Ягсин устроил костёр-нодью, сложенный по-особому из целых брёвен, которые долго горят без пламени. И тут огонь не полыхал, а мирно светил и грел.

– Толково ты всё делаешь, Ягсин айка, – похвалил охотника Бъярма.

– А ты ведь тоже наверняка многое из этого умеешь, – возразил тот.

– Я, увы, другому обучен в чужом kraю.

– Но сам-то ты отсюда. Отец учит сына с самых ранних лет, а отцовские уроки не забываются никогда. С одного взгляда вспомнишь, умение и вернётся.

...Из свежей хвои каждый приготовил себе место для ночлега.

– Для викинга походные условия привычны, – укладывая хвою, приговаривал Рольф, вроде успокаивая себя и спутников. – Но всё-таки на мягкой постели лучше.

– Но и на мягкой постели одному не уснуть, – подковырнул Локи. – Вернёмся домой, об этом надо будет серьёзно подумать. Как ты считаешь, старина Хундинг?

– Мне и это подходит, – махнул рукой одноглазый гигант.

– Разве тебе не хочется почувствовать под рукой что-то тёплое и мягкое?

– Мне больше всего подходит, если под рукой мой меч – самое надёжное, что есть на свете. Я с ним расстался в последний раз. Когда вернёмся, я с ним больше не разлучусь никогда.

– А что ты скажешь, конунг Бьярма? – с преувеличением почтением спросил Локи.

– Я думаю о завтрашнем дне, – бросил Бьярма.

– Что о нём думать, он и так наступит, – сказал Локи, допил свою брагу и смачно почмокал губами. – Вкусно. И костёр Ягсина подходящий. Но всё же нет лучше моря под плывущим драккаром. Лететь фордевином, и чтобы все вокруг боялись нашего дракона!

– Разве людям нравится такой дракон и они ждут его? – возразил Ягсин. На своём веку он повидал немало драккаров викингов и составил своё мнение о них.

– А нам не нужно, чтобы дракона ждали. Самое лучшее – когда не ждут, – отрезал Локи.

– Но... это когда как получится, – пожал плечами Ягсин.

Брагу перепробовали все, кроме Бьярмы и Ягсина...

– Быстро темнеет. Какая нечистая сила начнёт приставать к нам, когда погаснет огонь? – прищурился Локи.

– Огонь будет гореть всю ночь, – заверил охотник. – Если, конечно, злой ночной дух не вмешается, но он к нам приставать не будет, потому что я попросил защитить всех нас...

– Кого попросил? Тролля? – перебил Локи.

– Тролли здесь не живут. Я позвал Лесовика, он посильнее любого духа и не допустит, чтобы нас обижали, защитит. Конечно, если мы сами не рассердим его.

– Ну, раз так, тогда – сойдёт... – бормотнул Локи, уже заметно навеселе. – Да я и не боюсь никого... и ничего! – он широко зевнул и вскоре захрапел.

А Бьярма вспомнил маму. На ночь она обычно говорила ему: «Спи, сынок, спи. Всё будет хорошо. Добрый дух лёгким крылом помашет и навеет приятный сон!»

...И действительно, светлый сон увидел он ночью. Драккар «Нортумбria» возвращается к дому, к тому, который в Нормандии. Волны весело покачивают судно. И вот уже прибыли, причалили, выходят на берег. Ингрид бросается навстречу, они обнялись. А вот и улыбающийся Сноррик протягивает маленькие ручонки из колыбели. Бьярма спрашивает у Ингриды: «Почему я в Нормандии, а не в Бия Ур Му-Бьярмаланде?» «Моя любовь привела тебя сюда», – отвечает Ингрид. Бьярма хочет что-то возразить, но не может. Опять он на судне, его снова качает, да так, что драккар вот-вот утонет...

И снова – метеорит...

Утром всех разбудил Ягсин. Он уже обошёл окрестности и встретил незнакомого пожилого охотника. Оба они были в лузанах – охотники как охотники. Потому, наверно, и разговорились быстро. Ягсин прямо поведал, кто он и кто его спутники, куда и зачем идут. Рассказал и о Бьярме, об отце его, о молельне Зарань...

- Ничего не знаю, – отрезал и сразу замкнулся незнакомый охотник.
- Но ведь сын его ищет!..
- Пусть ищет.
- Значит, здесь ничего такого нет?
- Да, ничего такого нет.
- А где же нам искать этих людей, добрый человек?
- Говорю же, пусть ищет! – встречный охотник резко развернулся и, несколько раз обернувшись, скрылся в лесу.

Бьярма, ещё толком не раскрыв глаза, укоризненно посмотрел на Ягсина: такой сон нарушил. Но постепенно до него дошли слова Ягсина, и он решил: «Значит – вперёд!..»

- Охотник что-то скрывает. Неспроста, – пробормотал Ягсин.
- Тогда – подъём!.. В дорогу!.. Быстро!.. Вперёд, викинги, конец пути близок! – крикнул Бьярма, стремительно вскочив со своего ложа.

Позавтракали насекоро. Как перед сражением. И тотчас – в дорогу. Бьярма чувствовал необыкновенное возбуждение, прилив воодушевления. Снова шли долго, не чувствуя усталости. После обеденного привала Бьярма поделился с Ягсином мыслями:

- Этот охотник знает, что молельня близко, и постарался скрыться, чтобы не выдать её местоположение. Возможно, до неё потребуется всего один хороший переход.

И снова двинулись викинги и неустанно шагали, пока солнце не спряталось за горизонт.

В обступавшем их ельнике сразу сгустилась темнота. И стали слышны какие-то непонятные звуки. Бьярма распорядился, чтобы люди разошлись по сторонам и двигались вперёд, захватывая широкую полосу тёмного леса. Время от времени подавали друг другу голос, чтобы не потеряться, ведь шаг у всех разный, одни уходили вперёд, другие отставали. По ельнику и днём-то шагать нелегко, а уж с наступлением темноты деревья словно сцепились друг с другом лапами, образуя живую ограду. Постоянно приходилось нагибаться, раздвигать колючие ветки. Пятеро людей всё дальше и дальше расходились друг от друга, голоса звучали всё тише.

Резкий звук оборвал ночную тишину где-то левее. Крик. Бьярма инстинктивно устремился туда, почуяв, что там, возможно, находится разгадка давней тайны. Сухая ветка больно оцарапала лицо, но он даже не заметил этого, потому что на открытой полянке за старой елью увидел ошеломляющую картину...

...Он не поверил своим глазам. Темнота была не столь густа, и можно было всё чётко разглядеть. Мальчишка лет десяти вцепился зубами в руку Локи. Викинг мотал мальчика влево-вправо, стараясь отбросить его в сторону, но малец был словно привязан к нему невидимой крепкой верёвкой. Локи, наверно, было больно, но ещё более он нервничал из-за невозможности быстро и легко освободиться от своего маленького противника. Наконец, он не выдержал, заорал что есть мочи и свободной рукой выхватил из-за пояса нож, направил остриё на мальчика. И в то же мгновение Бьярма рванулся вперёд и оказался рядом с Локи. Волчьими глазами Локи зыркнул в сторону Бьярмы, и из его рта... нет, из пасти вырвался взаправду не голос, а какой-то рык.

«Господи! – промелькнуло в голове Бьярмы, – почему мальчишка попался на пути Локи, а не на моём, Ягсина, Рольфа или хотя бы уж Хундинга?!» Локи рассвирепел, словно раненый волк. Он готов был с маxу вонзить нож в мальчишку.

Бьярма почти инстинктивно вывернул вооружённую руку Локи. Мальчишка, видя, что его защитили, наконец, оторвался от Локи и, обессилев, прислонился к ближайшему дереву. А Локи, освободившись, развернулся в сторону Бьярмы и со всей силой и яростью обрушился на нового противника. Бьярма не ожидал от своего викинга такого вероломства. В тот же момент его грудь словно прожгло раскалённым железом, потом ещё и ещё. И в этот же самый миг с неба неожиданно блеснул неестественный в ночи яркий луч. «Метеорит. Как тогда, когда викинги напали на нас», – превозмогая боль, подумал Бьярма и потерял сознание.

А Локи, прижав упавшего Бьярму к земле, ревел нечеловеческим голосом, кажется, продолжая бить его ножом. Вскоре его голос перешёл в крик боли, жуткий нутряной стон, а потом Локи вовсе смолк, тоже истекая кровью. Это прибежавшие на дикие крики Рольф и Хундинг остановили разъярённого викинга и, чтобы спасти Бьярму, сами ножами добили его. Лишь смертью можно было усмирить это бешенство.

…Прибежал на шум и Ягсин. Он замер от неожиданности, не в силах вымолвить ни слова. И никто ничего не успел сказать – слишком быстро всё произошло. Мальчик, наконец, пришёл в себя, вытер слёзы и побрёл в лес. Никто его не остановил, никто не спросил, кто он, чей, откуда? Да и не до него было в эту страшную минуту. Ягсин первым склонился над Бьярмой, стал осматривать и осторожно ощупывать его, стараясь определить, где и какие у него раны. Его руки тотчас окрасились кровью. Охотник спешно сбросил с себя весь походный груз, порылся в своих запасах, вытащил первый попавшийся под руки материал, годный для перевязки, и стал торопливо накладывать эти тряпицы на раны Бьярмы, стараясь остановить кровь. Лицо Бьярмы стало белым, как полотно, дыхание едва-едва улавливалось. А вот в лице и теле Локи признаки жизни уже не угадывались: он не дышал.

Картина была, конечно, страшная. Но викингам не впервой было после жестокого боя подбирать раненых и павших. Быстро вырубили жерди, сделали носилки для Бьярмы. Хундинг потащил за собой на берёзовых слегах мёртвого Локи – до первого болота, где его бросили в чёрную глубокую жижу.

– Вальдхунду!* – заключил в момент этого жуткого погребения Рольф.

Дальше шагали молча, хмурые и подавленные. Время от времени оглядывались, не догоняет ли их кто, ведь мальчишка вряд ли был в глухом лесу один, где-то поблизости от него должны быть взрослые. Может быть, уже близко молельня богини Заарань, может, до неё они не дошли совсем чуть-чуть. А значит, совсем немного не достиг цели и Бьярма. По велению какого бога он, возможно, платит жизнью за это приближение к своей цели?..

Бьярма был пока жив, он дышал. На короткое время открыл глаза, застонал. Из последних сил попытался улыбнуться, но единственно смог выдавить:

– Больно – не могу. Почему всё так?..

– Терпи, не спеши в могилу. Под толстым земляным одеялом успеешь ещё належаться! – приободрил его Рольф. – Просто Локи тебя опередил. Но перед Одином он уже никак не сможет предстать.

Бьярма уцепил какую-то мысль, силился высказать её, но сил не хватало.

* *Вальдхунд* – существо вроде бешеной собаки, выскакивает из тумана и пожирает трупы людей (из скандинавской мифологии).

– Да, Локи... У кого запах пота тяжёлый, тот плохой человек, – сказал Ягсин, он тоже тащил самодельные носилки, чувствуя и свою вину.

– Ты его понял по запаху, а почему не сказал? – спросил Рольф.

– Он из ваших, вы и сами знали, какой он.

К вечеру Бьярме стало совсем плохо, он кое-как выдавил:

– Бросьте меня! Долго я не прятану...

Ягсин, хотя печальные глаза и выдавали его, постарался приободрить раненого:

– Конунг Бьярма, тебе свыше ещё не суждено умирать, поверь мне, бывалому человеку. Не поддавайся тоскливым мыслям, поживём ещё!

– Спасибо на добром слове, – усилием воли выдохнул Бьярма и закрыл глаза.

Дед Урсюзь

Уже ближе к очередным сумеркам на краю лесной опушки заметили одинокую избушку. Сильно устали, хотя и менялись за носилками довольно часто. Ведь на ногах их осталось трое: Рольф, Хундинг и Ягсин. А потому решили, если получится, отдохнуть в избушке.

Хорошо, если тут кто живёт. Постучали, но на стук никакого отзыва не получили. Открыли дверь, чуть подождали и все втроём вошли. Бьярму положили на лавку у стены. Ягсин не решился трогать повязки на ранах.

Сидели долго. Бьярма глаз не открывал, видно, снова был без сознания. Он то и дело глухо стонал – боль давала себя знать. А тут ещё неизвестность: если кто и живёт в избушке, позволит ли хозяин им отдохнуть здесь?.. Нет, жить-то здесь живут, изба не выглядит заброшенной.

Стало уже совсем темно, когда открылась дверь, и в жилище вошёл совершенно седой старик.

– Ты, дедушка, нас не осуждай, не брани, что зашли самовольно, – первым подал голос Ягсин. – Устали очень, а один у нас и вовсе ранен, идти не может. Очень надо нам отдохнуть. Мы пробираемся домой...

– У каждого своя дорога, – миролюбиво отозвался дед.

– Значит, мы отдохнём маленько? – продолжал Ягсин. – А как кличут-то тебя, добрый человек?

– Дед Урсюзь... Отдохнуть, говорите? Отдыхайте, – сказал дед и подошёл к Бьярме: посмотрел на него, потрогал. – Какую-то часть своей дороги вы его ещё пронесёте, но недалеко. А далеко – не унесёте.

– Что же делать?

– Ничего.

– Я один по-коми говорю, потому что со мной рядом норманны, викинги. Но ты не бойся, дедушка Урсюзь, – объяснил Ягсин.

– Стар я уже, чтоб чего-то бояться, – вздохнул дед.

Викинги молчали. Дед посмотрел на них, поставил на стол большую деревянную посудину-бекар с солёными грибами, положил в неё сметану.

– Держу козу, – объяснил Ягсину, узнав, что два других путника его языка не понимают. Рядом с грибами положил хлеб, ещё принёс рыбу, квас в ковше.

Ягсин вынул из своего мешка серебряные монеты, положил на стол. Заодно спросил, оценивая опытным взглядом принесённые кушанья:

– Сам охотишься, по лесу ещё ходишь?

– Только на свою охоту надеяться старику – ноги протянешь. Наши князья – пусть их боги хранят – заботятся о таких, как я, одиноких и старых. Вот и давеча подумал: от князя пришли. А вы вон как...

Пришельцы без приглашения сели за стол. Рольф попробовал кормить с руки Бьярму, но дед отодвинул его и поднёс к губам раненого брусничный сок в берестяной кружке. Бьярма, не открывая глаз, сделал несколько глотков.

После недолгого ужина дед Урсюз показал нежданным гостям деловито журчащий невдалеке от избы родник, а ещё баньку, велел наносить родниковой воды в котёл, что стоял, обложенный до половины камнями, в середине каменки. Сам разжёг огонь под котлом. Когда вода стала тёплой, Рольф и Хундинг осторожно перенесли Бьярму в баню, раздели. Дед велел им выйти, оставил только Ягсина – и так уже тесно.

Через некоторое время Бьярма уже лежал на деревянной кровати деда. Старые повязки заменили чистыми, что нашлись у деда. Обострившаяся во время мытья и перевязки боль, может, лишь чуть поутихла, но всё ещё искала лицо раненого. Дед покрутился вокруг ложа Бьярмы, по выражению лица угадывая его состояние, повздыхал, потом куда-то засобирался, наказав:

– До утра будьте здесь, места для ночёвки хватит, люди вы бывальные. Дрова для каменки найдёте. Ухожу до утра – так надо. Но меня дождитесь!.. – и вышел из избы.

Путники расположились кто где нашёл место. Несмотря на усталость, спали беспокойно, с перерывами. Бьярма-Чожур ворочался, в бреду то и дело вспоминал Ингрид, Сноррика, Эдвина, родителей. Если и замолкал, то ненадолго. Тогда обычно вставал Ягсин и прислушивался, дышит ли раненый...

Дед Урсюз и тётушка Лезя

Утром путники встали рано – конечно, кроме Бьярмы. А вскоре в избу вошли дед Урсюз и с ним бойкая полная женщина лет пятидесяти со строгим взглядом. Она называлась тётушкой Лезей. Видно было, что она готова тотчас же взять в свои руки выхаживание раненого. Она сразу подошла к Бьярме, потрогала его пальцами, пощекотала языком и обернулась к тихо сидевшим деду Урсюзу и его гостям:

– Лишним людям, которые ничем не могут помочь, здесь делать нечего. А о том, чтобы нести куда-то человека в таком виде, не может быть и речи. Раны глубокие, теперь его даже трогать нельзя.

– Да-да, понятно, – закивал головой Ягсин. – Но обо всём нам надо сообщить князю Грыму Айке и Большому Князю в Кармыльке...

Тётушка Лезя жестом остановила дальнейший разговор:

– Делайте свои дела. Этому человеку вы всё равно ничем помочь не можете.

– Но... – начал, было, Ягсин.

– Доброго пути и всего хорошего! – сухо отрезала тётушка Лезя, повернувшись и стала развязывать принесённый с собой берестяной короб, открыла его. Посмотрела на деда Урсюза и строго показала на холодную каменку. Дед поспешил и молча стал затапливать её. Путники поняли, что тут они теперь и вправду уже не нужны...

Вскоре Ягсин, Рольф и Хундинг уже шагали в обратном направлении – к Памкару. Невдалеке они нашли речную курью-старицу, где, покачиваясь на воде, была привязана лодка деда Урсюзя. Ягсин всё ещё не пришёл в себя после всего происшедшего. Оба викинга тоже шагали молча. На своём веку они много раз лицом к лицу сталкивались с болью, ранами и смертью в бою. Но во всех тех случаях они знали, кто с кем и за что сражался. Здесь же поступок Локи был совершенно непонятным, безумным, диким. Как и почему скрестились их с мальчиконкой дороги?.. Почему взрослый человек, матёрый викинг взялся за нож, разве не мог он освободиться от мальца без ножа?.. Но что случилось, то случилось.

Что теперь скажет Эдвин Сильная Рука? Ведь жена Бьярмы – сестра Эдвина, самого Бьярму ждут и Ингрид, и маленький сын Снорри. А его встреча с родителями не состоялась вовсе...

Богиня Зарань и Бьярма

Уже не одно утро Бьярма приходил в сознание, когда тётушка Лезя меняла ему повязки с лечебными мазями на ранах и давала пить отвар из целебных трав. От повязок шёл неприятный запах, от которого и Бьярма морщился.

– Не нравится? – укоряла его тётушка Лезя. – Лечебные мази, сынок, это не душистые благовония богатых красавиц, которые им доставляют из далёкой Персии и других дальних стран, покупая их за баснословную цену. А благоухание ещё будет, ты только не грусти, ты терпи!

Тётушка Лезя посыпала избу деда через день. Дед привозил и увозил её обратно на лодке.

А сам Бьярма... Его сознание включалось какими-то полосами. Вечера обычно совсем не оставались в памяти, а по утрам, хотя и тогда он время от времени дремал, в памяти всплывали картины, в общем-то, светлые, успокаивающие. О том, что мелькало тогда перед его внутренним взором то ли во сне, то ли наяву, он никому не смел поведать. Да и как он мог рассказать об увиденном в полуслене-полубреду, если каждую ночь беседовал... с богиней Зарань?!

В первый раз Зарань явилась ранним солнечным утром. Ночью прошёл дождь, и утро выдалось особенно чистым и светлым. Это было впрямь чудесное, божественное зрелище, и Бьярма смотрел на богиню, затаив дыхание, благоговейно. Приятное ласковое лицо, похожее на материнское, на шее – алмазное ожерелье с оберегающим от болезней янтарём в середине, венок на голове – игра дорогих разноцветных камней, на широком поясе – яркие, наверно, магические узоры, подчёркивающие мудрость и красоту северной богини. Вся она яркая, как бы светящаяся, но блеск её не слепит, от всего её облика веет умиротворяющей теплотой.

– Знаю, тебе тяжело, – мягко произнесла при первом своём явлении Зарань и одарила Бьярму прикосновением, которое несло с собой облегчение, а может, даже некоторое исцеление.

– Спасибо, богиня Зарань, мне действительно тяжело, – не стал возражать, бодрясь, Бьярма. – Жжёт всё тело. И тяжкие мысли одолевают. Что будет с Ингрид... со Снорриком?.. Где же всё-таки мои родители?

– Не вспоминай о том, что было, не печалься от того, что будет, – с нежной мягкостью в голосе продолжала Зарань. – Живи сегодняшним – так будет легче.

– А как же ты свою молельню оставила, Зарань? – спросил Бьярма, даже не удивляясь тому, с какой смелостью он говорит с богиней.

– Меня есть кому охранять. Я дочь Солнца и потому могу быть везде, где мне хочется. Вот буду и к тебе приходить, Чожур-Бьярма.

– Достоин ли я такой твоей доброты?

– Очень даже достоин, Чожур-Бьярма. Ты не допустил ко мне плохого человека ценой тяжёлых ран.

– Только вот не рассчитал сил, не получилось у меня...

– Получилось. Ты защитил мальчишку, сына одного, уже пожилого хранителя молельни, заметь, не меня, а молельни. Я сама не нуждаюсь в защите, она навечно дана мне небом.

– Мальчика я защищал. Когда-то в детстве со мной такое же случилось, но я тогда защититься не смог – мал ещё был.

– Знай, Чожур-Бьярма, мальчишка, которого ты защитил, – твой младший брат!..

* * *

Затем ночь ослепила его своей чернотой...

Бьярма снова открыл глаза и посмотрел на окно, затянутое бычьим пузырём. Явление Зарань заметно уменьшило боль, но вот из сказанного богиней он многого не понял. Почему он достоин её доброты? Про какого брата она говорила? У него есть сестра, но не брат?..

* * *

– ...Мои руки, случалось, делали и плохое, может, даже злое, – Бьярма сомневался в праве на доброту Зарань, когда богиня явилась ему во второй раз.

– Плохое? В чём же это проявилось?

– Я участвовал в сражениях с мечом в руках, когда ходил завоёывать чужие земли в рядах викингов.

– Хорошее и плохое есть во всём. Об этом знает каждый. Человеку приходится всю свою жизнь защищаться от плохого в себе самом. Вся жизнь наполнена этим. И тебя я нисколько не обвиняю, Чожур-Бьярма.

– Ты хорошая, богиня Зарань.

– Я хранительница душ... оценить меня ты не в состоянии.

– Но ты... вот здесь...

– Роду человеческому я нужна, всегда рада помочь каждому. Любуюсь каждым рождённым малышом, каждый человек постоянно перед моими глазами. И каждый меня может увидеть, если будет необходимость в этом...

– Есть ещё и Юмала, я много слышал о нём.

– Да, есть. Он – в сердцах людей. Как и я – в сердцах наших людей.

* * *

Являлась богиня Заань и в дождливую погоду. Однажды пасмурным утром Бъярма спросил:

– Ты сказала, что живёшь в сердцах наших людей, но ведь люди у нас разные!..

– Мне дороги именно люди нашего просторного края, сурового, но дорогого сердцу каждого. Мне дороги их строй жизни, их речь, их работа, заботы и тревоги, а тревоги у них из-за обыденных мелочей, а думы у них о необъятном. Со здешним народом я с самого его появления. Я уже говорила и повторю: жизнь каждого из них была, есть и будет перед моими глазами. Что бы ни случилось.

– Чужаки давно бы уже стёрли нас с лица земли или заставили бы им служить... если бы не страшила их наша бескрайняя, на чужой взгляд, угрюмая парма, глубина и неразгаданность её тайн...

– Народы Бии Ур Му, в том числе и коми, люди мирные, чистые душой. Я это знаю. Они любят всё, что их окружает, и верят, что каждое дерево, каждая травинка живые. Они сами живая часть пармы и способны тонко и остро переживать физическую и душевную боль. Но они же с недоверием и неприязнью воспринимают тех, кто бездушно относится к нашей природе, готов терзать парму и её обитателей ради своей выгоды.

– Мы излишне терпеливы, – заключил Бъярма.

– Да, – подтвердила Заань... и исчезла.

* * *

– Мы излишне терпеливы, – повторил Бъярма в ещё одно утро, когда снова явилась Заань. – И этим сильно отличаемся от викингов. А потому они расширяют свои пределы. А мы, напротив, как бы съёживаляемся. Так говорили умные люди и в Кармыльке, и в Памкаре. Нам вроде неловко даже, что мы... просто существуем. Мы порой уступаем даже тогда, когда нас об этом не просят.

– Но нам, несмотря на мягкий характер, нельзя терять свои корни, иначе земля перестанет нас держать.

– Бии Ур Му богата природой и людьми и потому свою исконную самобытность пока сохраняет, – возразил Бъярма.

– Если люди потеряют свою землю, своих богов и свой язык, они потеряют и собственное имя. Перестанут существовать, – заключила Заань.

* * *

Заань долго не являлась Бъярме, а он уже жил общением с ней, ему стало не хватать её. Еда не лезла в рот, ничто не утешало боль ран, он стонал и не находил себе места на своём скромном ложе. И он взмолился:

– Явись, богиня Заань, ты мне очень нужна! Разве ты не слышишь мои мольбы?!

И Заань услышала Бъярму – явилась...

Бъярма так боялся, что богиня скоро снова покинет его и затеряется в своих вышних мирах, что тотчас же, даже немного дерзко, попросил:

— Как ты покидала меня в эти дни — не покидай нашу Биа Ур Му, священная Зарань!

— Тебя я не покидала и никогда не покину. Я была у твоих родителей: вспоминают тебя, беспокоятся, говорят так, словно что-то о тебе знают. Хороший сон я им подарила. Сестра твоя Шаньча замужем, её ты бы и не узнал, так повзрослая и похорошела. Она растит с мужем двух сыновей и дочь. И она тебя не забыла. А твой младшенький братик по имени Танур говорит о тебе, конечно, со слов родителей. И вся семья благодарит незнакомого доброго человека, то есть, тебя, за то, что ты спас их младшего сыночка. Было сказано: ты счастлив, хотя и счастье твоё тяжёлое.

* * *

— Богиня Зарань, я много думал о своей жизни, но у меня много вопросов без ответов, — однажды сказал Бьярма. — Почему со мной всё так получилось? Или я исчез из-под твоего пригляда? Людей вроде меня очень много...

— Повторяю, каждый человек живёт под неусыпным божьим взором. И не только человек, но и всё, что есть вокруг.

— А почему же тогда ты допустила Локи встать поперёк моего пути?

— В божьем мире всё предопределено. Сколько людей, столько и жизненных путей. И они часто пересекаются. Но говорю тебе: ты ни в чём не виноват. Ни перед богом, ни перед людьми.

— Я знаю, что нахожусь накануне долгой дороги. Что меня ждёт там?

— В божьем мире ты по-прежнему будешь нужен и поэтому останешься счастливым. Я это вижу.

— Но отдалятся все, кто мне дорог, все, кто пока живёт со мной на земле: родители, сестра Шаньча, Ингрид и маленький Сноррик...

— Твоё счастье будет согревать их. Их и брата Танура, которого ты недавно спас...

Чожур-Бьярма проснулся, потому что от обсуждения его предстоящего бесконечного пути ему стало невыносимо жарко.

Дед Урсюзь, тётушка Лезя и Бьярма

— Чожур наш по утрам оживает, — сказала тётушка Лезя деду Урсюзу.

— Да, это заметно, — согласно кивнул дед.

— Надо помочь ему найти родителей, — предложила тётушка. — Это лучше всего его сейчас исцелит. Благословение родителей сохраняет и на земле, и на воде — везде.

— Но пока, думаю, его ещё нельзя оставлять без помощи даже на один день, — возразил дед. — Ты ведь приезжаешь ненадолго.

— Это так, — кивнула она. — У меня слишком много забот.

— Понимаю, — вздохнул дед, который в лёгких лапотках на босу ногу возился у стола, деревянным валиком разглаживая стиранную одежду Бьярмы.

— Он глаза открыл, дед Урсюзь, — встрепенулась тётушка Лезя. — Где мой целебный отвар?!

Наверно, можно было бы дать больному и немного поесть. Тем более, что Бьярма даже попытался приподняться на локтях, но дед его сразу остыдил:

— Ты давай, парень, лежи пока. На всё своё время!

Он наложил в миску-бекар мясного супа с овсяной крупой. По обычаям обратился к родственникам, ушедшим в мир иной: «Помним вас — присоединяйтесь!»

Каждый раз перед едой дед вот так обращался к предкам. Бьярма тоже ещё не забыл: в его детстве родители так же обращались к родичам, ушедшим на тот свет — в мёдарьюгыд. Ведь они издалека помогают оставшимся на земле живым вести домашнее хозяйство, охотнику и рыбаку — промышлять, а ещё — просто хранить мир и покой в доме и вокруг. Умершим достаточно бывает одного этого обращения, они всегда бывают сыты вниманием родичей, даже просто запахом еды.

— Помянешь родню — и силушки прибавится, быстрей на ноги встанешь, — уверяла тётушка Лезя, которая кормила Бьярму с ложки, как ребёнка.

Бьярма чуть заметно улыбнулся. Оба ходивших за ним человека заметили это и переглянулись, тихо порадовавшись в душе.

— Спасибо, — чуть слышно шепнул Бьярма и отвернулся к стене, хотя, кроме супа, был приготовлен ещё вкусный ляз — кисель из толчёных черничных ягод.

— Ну и ладно! Поел супу, и то хорошо. Сегодня ты выглядишь лучше, — заметила тётушка Лезя. — Пусть бережёт тебя от порчи, от сглаза наша богиня Зарань!

«Попала в точку», — мысленно оценил слова тётушки Бьярма, на душе у него действительно стало светлее, хотя боль по-прежнему не давала даже поменять положение тела.

Каменный очаг догорал. Дед Урсюзь закрыл дымоход. Горящие угли светились. Смотришь на них, а они будто живые. Потому, наверно, и дают не только телу тепло, но и душе радость жизни. С детской поры Бьярма знал: об огне даже думать плохо нельзя, как и нельзя затаптывать ногами гаснущий костёр. Огонь надо тушить чистой водой. Аккуратно, поблагодарив за подаренное тепло.

...Изба у деда Урсюзя старая, но ещё крепкая. Тётушка Лезя с укоризной говорит деду, что можно было бы сделать дом и покрепче. Дед отвечает коротко:

— Хоть какая изба, да своя. Давно породнились с ней и доживём уже вместе.

Бьярме, постепенно привыкшему терпеть боль, нравится и смотреть на них, и слушать их. Одеты они не сказать что бедно: в этой одежде можно хоть на вечерние посиделки идти, хоть повседневную работу делать. А ведь обзавестись одеждой-обувью не так-то просто... Тётушка Лезя вся в домотканном: входит в избу, снимает свой шушун из чёрного сукна, под ним — красивый сарафан, на ногах кожаные коты. Дед Урсюзь — в холщовой одежде, на ногах у него обувка из бересты, но в углу тоже стоят кожаные коты. Своего времени ждёт за занавеской зимняя одежда.

После обеда между старшими завязывается разговор:

— Живём неплохо, — говорит тётушка Лезя. — Мужчины хорошо управляются с луком со стрелами. Знают, когда и какую рыбу можно ловить. И ловят всякую. Неводом, острогой.

— И женщины тоже всё умеют делать, — дед Урсюзь вздохнул, вспомнив свою

ушедшую в мёдарьюгыд жену. – Пашут, сеют, запрягают и ездят верхом на лошади – ещё и не угонишься за ними. За скотом ухаживают. Ни лошадь, ни корову прутом даже не тронут, говорят: хлестнёшь корову хворостиной – три года не будешь пить молоко. Дома и во дворе надо жену за старшую считать, слушать её. Тогда и муж будет счастливым.

– Я согласен с тобой, дед Урсюзь, – с трудом открыв глаза, выдавил Бьярма.

– Да, с годами жизнь всему научит, – заметила тётушка Лезя, обращаясь к деду. – Вот нынче оба твоих сына подались на Печору. Давно ли приезжали отца навестить?

– Приезжают. Дрова-то они мне готовят. Всё к себе зовут. Дескать, жизнь на Печоре тебе, отец, понравится. Только я буду доживать здесь и, если уж и подамся куда, то только в землю. Ведь вся жизнь тут прошла. Доныне в лес ещё сам выхожу, правда, не очень далеко. Но в лесходить одно удовольствие. И дерево, и вода делают человека чище и душой, и телом... А в молодости я служил своему князю. По своей охоте. И он хорошо за то отплатил. Потом женил сыновей, всех обеспечил, да и себе кое-что оставил, чтобы, значит, как позовут Юмала да Зарань, достойно в тот мир уйти. Так что, считай, я всем доволен.

– Плохое у нас не приживается, – сказала тётушка Лезя и взглянула на Бьярму, который молча слушал их разговор. – Вот и у этого парня с добрым сердцем с груди сильная птица собирается взлететь. Знать, оберег это...

– Да, оберег, – тихо проговорил Бьярма. – Дал мне один хороший человек.

– Из нашей земли, из Биа Ур Му?

– Нет. Сам он норманн, но хороший, мудрый...

– Из норманнов многие у нас пустили корни, – сказал дед Урсюзь.

– Зовут этого человека Хеймдалль скальд. Яркую жизнь прожил, правда, далеко отсюда. Всякое повидал, многое совершил, но лучше всего складывал руны, такие особые стихи. Уже умер он... Жаль человека с мудрой головой и добрым сердцем.

– Значит, это и вправду оберег: напомнил о хорошем человеке – ты и разговорился сразу, – одобрительно заключила тётушка Лезя.

– Да, этот орёл – оберег, – твёрдо повторил Бьярма.

– А нас в наших лесах бережёт Зарань. Надо лишь с умом жить.

– Зарань обещала, что не оставит меня, – решился выговорить Бьярма.

Тётушка Лезя и дед Урсюзь многозначительно взглянули друг на друга.

– Ну, и хорошо, ну и хорошо, – выдохнули они одновременно.

Больше Бьярма ничего не сказал. Он словно что-то вспомнил, улыбнулся этому воспоминанию и закрыл глаза...

Послесловие

Отряд викингов тогда совсем немного не достиг молельни богини Зарань, но переполошил всю её охрану – и внешнюю, и внутреннюю. Кто мог знать, что за люди там приближались – уж явно не свои!.. Но вышло так, что мальчик, сынишка одного из охранников, преградил дорогу незванным гостям. После того случая Зарань в сопровождении значительной части коми общины была тайно отправлена

к берегам реки Емвы, или, на местном наречии, Енвы*. Обосновалась она на новом месте, как оказалось, надолго – до новых пополнений на её всенародное уважение и поклонение. В золотом своём сиятельном величии она ушла, а духовно осталась в этих землях вне зависимости от хода времён.

…К приходу на берега Емвы Стефана Пермского, в полном наименовании которого отразились этнические следы легендарной ныне Биармии, Биа Ур Му, эта обширная земля уже не была самостоятельной. Стефан Пермский при поддержке стремительно растущей русской государственной машины, кардинально изменил образ жизни и даже мышление сотен тысяч людей, чьё национальное самосознание само по себе не успело к тому времени в полной мере созреть. У прославившегося своим православным миссионерством просветителя зырян – кстати, это название коми людей тоже пришло извне – получилось, по сути, всё, что было задумано. Кроме одного. Не удалось ему завладеть самой золотой богиней. Она избежала участия ритуальной «прокудливой берёзы», которую срубили.

Сегодня практически доподлинно известно, что князь Пам из рода древних князей Памов сразу же, как только почувствовал опасность, грозившую главной святыне пермян (понятие «Биармия» было уже искоренено) и всех родственных угорских племён, в сопровождении верных ему людей переправил золотую богиню за Урал.

Её спрятали в глубокой горной пещере, строжайше охраняя и даже близко не подпуская никого из посторонних. Весьма редко впускали туда немногих избранных, сохранивших в своих сердцах веру пращуров и учение верховного жреца Пама. Прежде чем войти в святилище, эти люди долго постились и выходили из него лишь на третий день. Богиня Заань всегда сообщала что-то важное каждому из них…

Где именно сегодня Заань?.. Об этом спрашивали и у хантов, и у манси, зауральских угров. Отвечали они всегда одно: «Про Заань ничего не можем сказать. Столетиями люди об этом молчали, а мы что, самые болтливые?» Богиня Заань на их языке – Сорни Най…

А чем завершилась судьба Чожура-Бьярмы?.. Эдвин Сильная Рука вернулся на драккар «Нортумбрия», стоявший на Винле, через месяц, как и намечал. Побывал он в Чердыни, Эднакаре и даже добирался до Биляра, столицы булгар. Хундинг и Рольф, встретившись с ним, рассказали обо всём, что видели и знали… Викинги не ведали лишь одного: что стало с Бьярмой после того, как они оставили его в избушке деда Урсюза. Эдвин Сильная Рука поговорил и с охотником Ягином, который от себя, конечно, кое-что добавил, но особо нового не сообщил. Локи, значит, остался в одном из вязких болот Биа Ур Му, трясина давно и бесследно поглотила его тело. «Его нельзя называть викингом», – сделал вывод из всего случившегося конунг.

Эдвин Сильная Рука встретился и с Большим Князем Айкой и Святым Провидцем Айкой. Ему дали лошадей, нескольких сопровождающих, в том числе и Ягина. Через несколько дней пути по Биа Ур Му Эдвин нашёл деда Урсюза, который и рассказал о последних днях Чожура-Бьярмы. Дед всё повторял, что ему до слёз жалко Бьярму – очень уж хорошим человеком тот был. При погребении

* Енва – Божья Река.

в домину его положили огненный камень, чтобы покойнику было тепло и светло. Дед Урсюзь передал Эдвину берег Чожура-Бьярмы – фигурку орла, клюющего собственную лапу, показал и место захоронения. На могиле все помянули Бьярму брагой.

Эдвин Сильная Рука щедро отблагодарил деда, оставил ему достаточно золота и серебра. И прибывшие на место смерти Бьярмы люди отправились назад, чтобы больше сюда никогда не возвращаться.

После отплытия «Нортумбрии» в этом kraю долго ходила молва, что какой-то приезжий норманн-викинг спас от убийцы маленького сынишку Гормёгайки и Горадзуль ань – Танура. В этой семье есть ещё взрослая дочь Шаньча, которая уже замужем и растит детей. Старший их сын и брат Чожур пропал давно, во время одного из набегов викингов на молельню Зарань. И до сих пор о нём ни слуху, ни духу.

И никто не знал, что младшего брата спас от верной гибели именно старший брат Чожур.

Безутешно горевавшей вдове Бьярмы Ингрид Эдвин Сильная Рука передал берег Бьярмы. Из рук матери взял орла в свои маленькие ручонки сынишка Бьярмы Сноррик. Они могли только догадываться о том, что Бьярма вспоминал об Ингрид и Сноррике до последнего своего вздоха в своём родном и очень далёком Бьярмаланде.

Эдвин Сильная Рука отправился в Англию, в захваченную викингами Нортумбрию, а затем отплыл на Фрейю, где, сменив отца, взялся за ведение хозяйства, полученного в наследство.

А в Англии происходило смешение народов. Коренные жители-бритты постепенно слились с прибывшими из Германии англами и саксами, а также с юттами, пришельцами из земли данов Дании. И, конечно, с норманнами.

Многое, перекликаясь, переходит из века в век. В 1815-м году 74-пушечный фрегат «Нортумберленд» (отнюдь не драккар) доставил бывшего императора Франции Наполеона Бонапарта на остров святой Елены. Англичане после поражения Наполеона при Ватерлоо заточили его на затерявшемся посреди океана острове до конца его жизни.

На севере Франции, в Нормандии, растёт и умножается род Снорри Бьярмы, сына Чожура-Бьярмы. Снорри благополучно вырос, стал авторитетным конунгом и побывал на могиле отца в Бьярмаланде. С ним приезжала и его мама, Ингрид. А спустя тысячу лет, в годы Первой мировой, с дальним потомком Бьярмы-Чожура и Снорри Мишелем Бьярмой встречался во Франции наш коми земляк из Удоры Изосим Пантелеев.

Время не прерывается. В древних сказаниях и сагах, в устных преданиях, в сердцах многих и многих людей живёт Биармия, Биа Ур Му, земля давних предков нынешних финно-угорских народов.

Обращение к верлибуру

Что появилось раньше — метрическая поэзия или верлибр? Об этом долго спорили и, кажется, в последнее время большинство склоняется к тому, чтобы первенство признать за верлибром. И не надо далеко ходить за подтверждением: и в русской, и коми поэзии сначала были былины, плачи, причитания, песни, — разве это не свободный стих? А молитва оптинских старцев? Или псалмы? И американский поэт У. Уитмен возник не на пустом месте, за его спиной богатый опыт англоязычной поэзии, начиная с «Беовульфа»... Больше того, Библия, её ритмы, — вот что усматривают литературоведы в его знаменитых «Листьях травы»...

Свободным стихом писали Ксения Некрасова, Владимир Соловухин, Николай Заболоцкий, Александр Блок... Помните его стихотворение «Она пришла с мороза»...

Пожалуй, не было поэта, который хотя бы однажды в жизни не написал верлибр. Есть они и у Надежды Мирошниченко. Загляните в её первые книжки. Но, кажется, позже Надежда Александровна более не возвращалась к верлибуру.

А вот Анна Ахматова начинала с верлибра. А потом всю жизнь писала метрические стихи. Я познакомилась с верлибром в институте, благодаря курсовой работе о творчестве литовского поэта Э. Межелайтиса. Но хочу подчеркнуть, что мой выбор формы в поэзии определил не пример Межелайтиса, а всё-таки, прежде всего понимание того, насколько верлибр совпадал с «ритмом» моей души...

Думаю, у наших молодых авторов обращение к верлибуру тоже было продиктовано не данью моде, как иногда упрекают нас некоторые.

А как говорил Э. Межелайтис, чтобы «в нём (верлибре) уместилось больше природы, жизни и Человека...»

Г. Бутырева,
главный редактор журнала «Арт»

Наталья Стикина (Усинск)

Поздние астры

поздние астры
не сохранили тепла
стылые лужи

радость от встречи
прячу... в карманах плаща
старые письма

небо меняет свой цвет
только ли звёзды
могут прощенья просить
у снегопада

На расставание с сыном

синий мячик.
проводя взглядом
стайку воробьёв

Кто не спорит с судьбой

кто не спорит с судьбой, тому нет оправдания...
и спешащим за ночью в пакетиках чайных не чай,
а нечаянно павшее слово
на скользкое дно
фарфоровой разности слёз...
и в целом тебя не найти:
ни в морях, отбивающих солнце у чаек крикливых;
ни в пустынях из сахарных звёзд;
ни в руках, что пытались лицо разобрать
на неровные крестики нитяные.
соскользнувший напёрсток не станет виной всем уколам иглы,
что воруют дыхание, требуя тишины
у разомкнутых раковин губ,
и воздух застывший расчерченным полотном
на пальцах, проспоренных небу, напомнит,
что можно вернуть и причёску, и правильный адрес –
когда-то разорванный круг
непонятно-привычных понятий.
но, хватит ли сил?
хватит?...

Дмитрий Сиротин (Воркута)

Время

В детстве мне часто снилось,
Что я научился летать:
Всем телом чувствовал,
Как, отталкиваясь от стен,
Подымаюсь выше и выше –
Немного даже захватывало дух...
«Растёшь!» –

Говорила мать утром, улыбаясь,
Когда я рассказывал ей свой сон.

...Я и теперь во сне
Часто нахожусь в воздухе,
Но только не лечу,
А падаю, падаю,
Наталкиваясь на стены...
«Стареешь!» –
Усмехается ночь.

Родные

Дед не любил рассказывать о войне.
Поэтому в День Победы
его редко звали в библиотеки и школы
на встречи с молодёжью.
Дед ворчал: «Вот ещё!
Представляться перед всеми...
Что я им, Муслим Магомаев?!»...
Дед не любил рассказывать о войне.

Зато бабушка – любила.
Любила вспомнить:
«Дети, у нас в полевом госпитале
был хирург Ефим Зюхельман.
Умница, врач от Бога,
но внешне – вылитый Гитлер!
Мы его с санитарками ласково звали:
«Фимочка Гитлер».
«Софья Ароновна, а посерёзней?» –
мягко обижались организаторы встречи.
«Куда уж серёзней! – кипятилась бабушка. –
Ефим Шмульевич Гитлер!»
Аудитория хохотала.

«Расскажите что-нибудь о своих подвигах!» –
нервно умоляли организаторы.
«Я вам лучше о подвигах Зюхельмана расскажу!
Как он, бедный, ещё до войны,
во время первой операции так переволновался,
что вместо аппендицса – почку больному отрезал!
Вот это был подвиг!»
«В чём же подвиг?!»
«Так не кому-нибудь же вырезал, а секретарю обкома!»

То есть – уже тогда боролся с режимом...
Правда, сам о своей борьбе не знал, бедный Фимочки...»

Дедушка не любил рассказывать о войне.
А бабушка любила.
Но их редко звали в День Победы
на встречи с молодёжью.

Отчаянное

Уехать из этого города.
Сегодня. Сейчас.
Не взять ничего.
Только паспорт,
билет до станции N.
Город удивится.
Потом возмутится.
Потом рассмеётся:
«Мания величия одолела!»
Потом – забудет...

Уехать из этого города.
Как будто меня в нём и не было.
Меня в нём и так
давно уже нет.
Только имя.
И паспорт.
И билет до станции N.
Уехать из этого города.
Сегодня. Сейчас.
Разговаривать только с Богом.
Иногда по ночам – с тобой.

Держаться. Держаться.
Господи, не оставь.
Прости и спаси.

Ольга Изюмова (*Сыктывкар*)

* * *

пропало ощущение, что я иду над пропастью (во ржи)
по тонкому канату.

это значит, что я вышла на ровную дорогу
или упала.
когда я так долго еду к тебе, то уверена, что упала.
я запишу названия книг, которые читаю,
чтобы моим биографам было легче выяснить,
что помимо тебя оказало на меня влияние.
духи «Сальвадор Дали» (бесполезная попытка стать Галой)
пахнут «Красной Москвой» и «Опиумом».
мои мысли напоминают переводы с английского. суть – вторичны.
я сама, как переводная картинка на двери твоей комнаты.
о, не выходи из.

10

что может быть неосторожнее снега, нарушившего черноту моих ботинок,
кто может быть прекраснее меня, уснувшей от усталости в автобусе,
кто попытался бы понять, зачем, стремясь упасть, я падаю не ниже пола...
а от окна остался только отпечаток света на стене.

мне скучно повторяться, повторять и возвращаться на чьи-то там круги,
установив порядок.
знаешь, нарисованные люди мне кажутся гораздо совершеннее,
мне легче разместить их над столом, как бабочек.

• • •

Я – пустой лифт:
иллюзия полёта во сне
(мне снятся про тебя счастливые сны)
сухие кости каркаса из нескольких строк;
многозначительность забытой вещи,
одиноко глядящейся в зеркальную стену;
вера в вечную жизнь случайных слов.

Томление:

«быть любовницей Сапфо,
натурщицей Климта, пациенткой Фрейда,
любовницей Климта, натурщицей Сапфо,
пациенткой»

Я становлюсь велика для себе.

И это неприятно.

Так разношерстные туфли начинают натирать.

Мне не нужно всё это: руки, глаза, плечи, ноги.

Оставить бы: следы синего лака

и, например, запястье.

Преодолеть бы то, что осталось после тебя:

стихи и герпес.

Елена Сидорова (*Воркута*)**Дом**

Крик камина,
разгрызшего
бивни стола.
Студень лестниц,
ведущих
к стуку луны-метронома.
На полу – потолок.
В дверях – стальная стена.
Дыры сна.
Я закутаю
правду
в раму окна
моего
нового дома.

Чтобы

Чтобы книги
раскинули руки
и падали
в рифмы,
Чтобы мука
смогла
одомашнить
прожорливых карликов
мыслей,
Чтобы выжать из губ
Размытые тени
иллюзий,
Я стою.
Я пытаюсь уйти
вкривь и вкось
путём-за-три-моря.
Наизнанку пейзаж.
Спотыкаются краски –
Усталость преграды.
Светит дождь.
Можно что-то найти,
Если верить в сомненья.

Глотая время

В браслетах времени,
Задыхаясь тиканьем шагов,
Переворачивая многоугольники встреч,
Влачиться.
Безвозвратные пунктиры
Растряченных улиц –
По пятам.
Идти.
Ненавидеть глаголы,
Но всё равно – вперёд,
Прожевав позавчера,
Выплёвывать завтра.
Озnobом будущего
Заклеивать раны.

Призрак конца,
Собирающий камни...

Алексей Зубков (Сыктывкар)

* * *

Зимой в этом городе
Для нас важней всего является искусство кино,
Который день
На наших улицах не видно кошек и голубей,
На неискушённый взгляд
Архитектура здесь ласкает взгляд своей простотой,
Но я не помню названий улиц,
Номеров автобусов и домов.
И с каждым восходом солнца
Мне кажется, что небо так невысоко...
В заиндевелые окна несмелое солнце
Протягивает бледные ладони лучей...
И не обменять на деньги
То, что рядом играет и переливается,
Порой лишь хочется, чтоб великолепия
Чуть было поменьше – не так устают глаза.
И нам с тобой не пристало
Вести себя как все мужчины и женщины, мы
По характеру наших чувств

Ближе к вечным студентам и старикам.
И нам с тобою претит
Навеки нам незнакомое искусство любить
Одно и то же, мы так и не научились
Не нарушать покой.

Варвара Потапова (*Корткерос*)

* * *

Надеешься
Обогнать ветер.
Дождись сначала друга,
Который подарит тебе
Немного сердца.

Декабрь

Мне нравятся
Зимние мысли
Своей сложностью,
А зимние картины –
Своей простотой.
Падает снег –
И рождаются стихи.

Татьяна Югова (*Сыктывкар*)

* * *

Сердце моё, ты ешё только учишься дышать,
Сердце моё, ты словно новорождённый, открывающий свет и тепло матери,
Словно ребёночек, ждущий счастья, которое просачивается молоком из маминой
груди, и снова и снова с неосознанной радостью вдыхающий родное тепло.
Сердце моё, и тебе готово открыться счастье – вспыхнуть и направить
по венам яркие капельки-огоньки.
Как невозможно нанизать на одну нить все свои светлые чувства!
Они, словно бусинки, рассыпаются с твоей ладони, сердце...
Как красивы были бы бусы!..

Бусы любви!

Они переливались бы всеми земными и неземными красками!

— Такая любовь — самый дорогой подарок на земле, — сказал один мудрец.

И добавил:

— Но с первым поцелуем она исчезнет — скроется между небом и землёй.

Дождём пройдёт и навсегда исчезнет.

И ветер рассеет по земле серые печали.

А то, что было в нас святым, поднимется на небо.

И бусы любви снова украсят жизнь, но уже не твою.

Перевод с коми Андрея Попова

Александр Борисов (*Сыктывкар*)

* * *

Чего мы боимся,
то и происходит.
Надо научиться бояться счастья.

* * *

Когда ты одинок,
ты не чувствуешь себя свободным,
когда ты свободен, ты не одинок.

* * *

Закрываешь одну дверь
на жизненном пути
и смотришь,
есть ли ключи от следующей.

Андрей Фетисов (*Микунь*)

* * *

Когда небо устанет терпеть меня,
Я дождём упаду на землю...

Когда небо устанет дышать мне в лицо,
Я наполню его любовью.

Анастасия Татаринова-Токмакова (Ухта)**Взгляд ангела**

Мне небо знакомо до дна,
Я знаю его пустоту.
Но когда наступает момент,
Что не во что верить,
Я вдруг ощущаю
Взгляд ангела, полный любви,
Обращённый на меня с облаков.

Маргарита Петрова (Воркута)**Она**

Она твоя законная супруга,
А я всего лишь птица
В клетке твоих нежных рук,
Она будет с тобою всегда...
А я?
А я оденусь и уйду!

Клавдия Костромина (Сыктывкар)

* * *

В углу стоит большой деревянный шкаф.
На плечиках среди одежды пылится ДУША.
Молния на ней давно сломалась...

Диалог

- Из чего твои крылья?
- Из бересты.
- Но они же плохо летают.
- Зато как горят!

* * *

Странная тётка это Одиночество
То исчезает, то вновь появляется
Да появляется к тому же всегда не вовремя
Нет у неё, видите ли, постоянного графика работы
Надоело!
Накричала: «Перестань приходить! Только настроение портишь...»
Уже целых два дня не приходит. Наверное, обиделась...
Ну и пусть обижается!
Мне уже лучше...
Как одиноко без тебя, Одиночество...

Светлана Стоянова (*Сыктывкар*)

* * *

Ты говоришь мне:
– Мой ангел!

И я привыкаю
к крыльям за спиной.

Ольга Скрябина (*Сыктывкар*)

* * *

Полёт души не бывает
в неправильном направлении,
это всегда подъём.

Елена Афанасьева

Афанасьева Елена Евгеньевна чужис 1967-өд волын Удора района Важгорт сиктын.

Кыевбурзяссö да висътъяссö йöзöдлëс «Арт» да «Войвыв кодзув» журналъясын, «Белый бор» альманахын. «Енкёлаö ыбöс», «Каленик-лэбач» – Еленалён ашибр книгаяс.

Любовь Ануфриева

Ануфриева Любовь Андреевна чужис 1987-өд волын Изъва района Гам грездын. Помаліс Сыктывкарса государственной университет, коми филология факультет. Йöзöдлëс гижöдъяссö «Арт», «Войвыв кодзув», «Знай наших» журналъясын, «Белый бор» альманахын. 2008 волын Таллиннын петис коми, роч, эст, англия кывъяс вылын «Лэбачьяс оз дивитны» книга, 2011 волын – «Мукöд енкёлаын» кывбура небöг. Уджалö «Войвыв кодзув» журналын.

WWW.КЫК Ю.RU

Е. Ветлöдлі талун By¹ дортi, корсялi изъяс... эг изъяс, а ётик из... Ёсь йылаёс, кодзув кодьёс аддзи. Лэптi, ки пыдёс выlö босытi. Мыйла эськö тайö изсö, а эг мёдöс... Тайö изыйс, гашкö, коркö вёлi кодзулён... либö весигтö Шондiён?..

Вом дорö матысты. И сiё шоналiс менам лов руысь.

Вот тадзи гортын, менам югыд пельёсын, ставыс тырёма радейтöмён: быд туй рёч, быд турун сi, быд гуантор. Радейтöмён ме дорö... и менам радейтöмён.

¹ *By* – Удораын Вашка ю.

Ветлодла, нылала сынёдсө... Да шудсё... тайё рытсыыс, шондісъыс, турунсыыс, туй бокас кисьтём посни лўз дзоридзсыыс... Видзода эськө помтётг, видзода да югда лолён... а мый эм таысь мусаджыкыс тан?!

Л. Чайта, абу. Мусаджыкыс тан сэсся нинём абу! Радуйтчан шондіыслы, луныыслы... и тайё кө тырмымён, – кылан асьтö медся шудаён.

Öні Изьва ю пёлён восылала... сы мында тан катшасиныс! Öтиös, и мёдös, и коймёдös босыта. Найо шонділён мувывса чойяс, сомын югорныс еджыд. Дзоридзсо пункті ва дор из вылёр... да тёв ныр пёльыштіс, пёльыштіс, и найо разалісны ваас... и визулыс пондіс нуны... гашкё, кодкёлы олёмас...

Е. Кыр йывсянъ видзода ва вывті кылалысь дзоридзтö – и найо кутшомкё здукö топ дзодзбöгö портчылісны... и морёс пытшкам садымыліс жö лэбачыс – шпорк вёчис борднас. Тайё Изьваыд тадз меным ыстіс чолём. Мед и тёдтём юыс меным, некор аддзывлытöм, но муса. Карын олігён мёвпъяснам тшöкыда жö вола Ву дорö. Сиктöдыс ветлодлышта... гортö пырала.

Видзода öшиньё – ылі вёрыс ясыда тыдалö, матындыхык – байдъяс, корыйс налён зарни рёмён ворсö... Рытъя шондіыс ыстöма югор: и байдайыс сылы воча нюмъётö. Некымын лун мысти ставыс вежсяс, бальыддыхык и бальыддыхык лоас платтьёыс пу-байдлён... чöвлүн поздыясыс морёс пытшкё!.. И ми пондам виччысыны выльтор. Кыдзи тай виччысян радейтöм, морёсыд тёдö нин сы йылысь, а вежёрыд нинём на оз: кыдзи позьо водзвыв вежёртны лов веркёсад югыд лэбачлысь борд йывнас тёкотьо инмёдчылёмсö?..

Л. Он и удит вежёртны. Тайё здук. Чужлас и бёр вошас. Но сийös верман кывны сьёлём тіпкёмсъыд...

Менам вёлі жö татшом здукыс, сомын сийö абу югыд лэбач, сылён нимыс – торытъя лун. И слабог, сийö кытчöкө саймовтчис. Торыт ме кувлі и вылышыс чужи. Кор мейн жугаліс олём, син водзам ставыс пемдымыліс... здук кежлö веськавлі тыртöм вичкоö, сэн öзийисны сисяяс, быд ö образ видзёдіс зумыша – веськыда лолам, а ме шöпкёдёмён кори мездöм... Лёймторыйыс öдйö сыліс, и пемыздыс бара сывтъяліс менö. Кытчöкө муні кималасён. А кытчö? – вёлі дзик веськодь. Другысь джёмді, а гашкё, кодкё сконийыштіс, да уси кёдзыд вай... визулыс пышёдіс менö пемыдсыыс... берегас кыдзкё петём бёрын аддзи мыччысысь Шондісö. А гашкё, тайё и эм менам Шондій?!. Со од кыдзи синмös ёрö! Сы вылёр видзода, и югыдыс мыськё лолёс... Ме унмовси... Бёрыннас садыми пасъықид видз шöрын, видзода енэжас и кажитчö мен сийö ыджыд вичкоön. Тадзи ловзи... енэжыс мейн восьтіс выль олёмö öдзёс... Öні ме сэтшом на вынтöм, став дойыс сьёлёммам восьсас... Но, гашкё, му вылас выйым дзоридз, ловтö бурдёдьыс дзоридз... Кутшом эськө сылён нимыс? – тёдан кё, шöпнит пелям... ме од ловзи, но колё на бурдны...

Е. Сийö дзоридзыс, дерт жö, эм. И сийö тэ пытшкын. И сылён нимыс – лов вын...

Тэ кё аддзылін öні, öшиняс кыыыс кутшом! Быттьё ыпмунёма дзоридз. Видзод да чуймав сомын. Регыд гёйгрö тупкас сьёд вой. Кутшом ыджыд лэбач сийö, сир пемыдвойыс, но вежён, кор коляс кадыс да пондас му весьтöд лэбавны еджыд бордъя лэбач – ру, кутшом лёссыда ылькмунлас морёс пытшкё радлун. Шонді

мыччысяс ру пытшкысь – гёрд шар. Сійö тóрытъя кусём дзоридзыслён съёлёмыс. Вылъысь чужё.

L. Корсюрё мыйкё кутё, кутшомкё тóдтём вын, и сэки он гёгёрво весиг, кёні шондýыс. Сэк быттьё мортыд синтём. И думнад виччысян кодкóлысь меліа шыаломсö, оз-о сійö бергёт тэнö шонділанысы...

А талун вётам ме волі гортын, Гамын. Мыйлакö эг на тэрмас чужан керкаö, ветлодлі вадорті, шойччи чёвлунас. Локті муса Петыркоам¹, сэтысь корси кальчунысö², быд из бергётлі-малалі... и со öд – аддзи! Зептам кальчунысö дзебышті, радпрысь восьлалі Мича нырдлань... ылышын нин аддзи тóдса мыгёр... да тайö жё менам ае³! «Ае, ае!» – горзі ме. А сійö эз шыась. Тэрмасьтöг муніс лыа вывті, ме думысь да, кóсийис вуджны Куръясö. Коло вётöдны сійö... Став вынсым котörtі сы бёрся, кори виччысылыны... ю дорас нин ае сувтіс да мелань бергётчис... а ме ичотик нывка моз шамырті⁴ сійöс, гёгёрвотём дойысь топавліс моросёй... аеöс кори косны гортö. А сійö видзётліс мёдар берегас гажтöм синмён, сэсся довкнитіс юрнас, мунам пö... оні аеюд нин восьлалам лыа вывті, ёна огö сёрнитöй, прёста чёла восьлалам... со неыллын тыдалö эновтём-жугласьём пыж. «Кодлён нö сійö, ае?» – бара на юаси. А сійö видзётліс пыж вылас, чайті, водзö нином нин оз висьтав, но вочавидзис, тайö пö миян пыжыс... Қызды миян? Гортын öд пыжыс некор эз вёвлы?!.. Миян пыжыс пö... Тайö пыжнас коркё Сэбысяс ветлім, а оні некодлы... вывті водз ставён мунісны таладорсыс... коли сёмын жугласьём пыжыс... Ме садьми. Мый висьталіс меным тайö вётис? Ае öд кóсийис вуджны Куръясö, но менам горёдомыс бергётчис да косіс бёр... и ме удиті сы лоло кольны ассыым югорёс!

E. А ме эг вермы кутны батьös, сійö югыд лэбачён кайис енэжё. Мыйла тэрмасис сэтчö?.. И волывлö-ö тулыснас лэбачяскöд миянö? Лолыс оз öмой вись... Лэбалыштас Мозын весьтын, тыяссö кытшовтас, кёні чериасис. Нылыслён

да пыыслён öшинь дорö пуксылас: ставыс-ö ладнö?..

Батьö менам чужлёма Мозын⁵ вылын, а мамö – Ву вылын. Мамö визув – Вуным кодь жö – нывка, батьö – Мозын кодь жö – ыджыд дум думайтысь – зон.

Кык ю ме пыр визувтö – Мозын да Ву. Кутшом найö вынаёсъ!.. и налысь вынсо лолын нуа да, радла – кутшом ыджыд шуд тайö: кывны ас пытшкад кык ю. Челядьдырёй коли Ву дорын да, дерт, меным Вуыс

By. Фотоыс Евгений Афанасьевлён.

¹ Петырко – места ним.

² Кальчуны – иж. кульчунь.

³ Ае – иж. айö.

⁴ Шамыртны – иж. сывъявны.

⁵ Мозын – Мезень ю.

матынджык, Мозыныс тёдтёмджык... кыздзи и батьё. Мозыныс шлывгё. Олё. А сы дорö радейтöмыс – кёнкё мөйн пыдын-пыдын. Абу садымёма на. Узьё. Но сылы ас йылысь юёрсö мёдёда Вулён ва пырыс – югыд мёвпён, киам шонтём изторийён, öд Вуёй кёнкё сэні (абу ёна и ылын), Лешуконск дорын, усъо Мозынö.

Л. Кык ю тэ пыр визувтö, кык ыджыд вын! А менам сiйö öтик... менам Изьва. Кор сiйö гызыö, быттьö ыджыд шог песö ас пытшас, и верма-ö ме сылы вайны личöд? Дерт, ог. А сiйö менсыым шогös вермö нуны аслас визулён. Öд юыс сiйö менам кад.

...А сэки вётам, кор аекöд ю дорсяныс восылалiм гортö – ставыс разалiс... А бöрыннас нин, vemöсас, сыкёд паныdasим... сэтшöм шуда сiйö вöлi!.. и мамö радлiс! öта-мёдкöд быдтор йылысь удитiм варовитны, а кор ме водi нин узьны, ае мыйкö висыталiс мамёлы Вадим йылысь, налысь сёргисö ёна эг кызы, но Вадим нимсö кылём бöрын унмöй дзикöдз торксис... Вадим – тайё менам вок. Сiйö мугов чужёма, нэйджыд тушаа, и сэтшöм мусаник... Сiйö абу нин... Но аелы висыставлöма коркё, Михаил Архангельыс пö волiс вётам и шуис: «Дыр олан...» Та бöрын, гашкё, сöмын тöлlyсь и олис...

Аддзылi вётöн – лэбисны юсья... ме дзорги на вылö, и на пыныс öти ёна чуксалiс менё... Гашкё, вокой?.. Вочакыв пыдди гырысысь-гырысь лым заводитiс усъны и тупкис месиc кельёбсö... Чёла сулалi и бара виччиши юсьыслысь чукостёмсö – лымсö син водзысь вешталi, но выльысь эз шыась...

Е. Му вывсыс вошины чой-вокъянным, но волывлöны лэбачён. Вермам-ö ми найös аддзыны... Коркё, гашкё, кывлам сöмын борд шынысö...

А менам Важгортын талун усъома медводдза лым. И сиктöй сэтшöм жö кыпыйд лоёма, юсьяслён лэбём кодь...

Пёкрёв лунö
Медводдза лым усъё.
Менам сиктöй
Пöртчis еджыд юсьё...

Челядьдырысянь видза вежöрам серпас: ар, школаö котёрта, нач орччöн поски дорас зарни кыдз пу сулалö. Арбыд ысталас миянлы ичöтик зарни письмёяс, а ми сiйös лыддыны ог күжöй, кианым бергöдлыштам да бöр сетам тёврулы.

А кор усяс медводдза лым, быд чаль-вожё ляскысяс – бара радлам вöлi кыдзнымлён выль платтёлы, став письмёнымсö лыддьёма нин тёвруыс, тупкёма öнi медводдза лым, ветлöдлам, перъялам миянён лыддытöм письмёяссö, бара киын бергöдлам сьёдасыштöм нин, му кöра, медводдза лым кöра корсö. Тайё нин выль юёр. Но мый йылысь?.. Аскинас садымам, да пасытёмсö вожъясыс кыдзлён, лымайыс сылö, тёпалö – пуным бöрдö.

Коли уна во. Дерт, гортö волiгöн унаысь видзöда вöлi пусö, окала думнам быд кор, ректа морöс часысыс кузь туйын чукöрмём шогсö и радлунсö, а мукöддыштам да бöрдö, бöрдöда томлунöс, öд сiйö юасытöг-висытасытöг исковтö менам чужём вылысь...

А öтпир вои, а кыддзой водёма муас. Мый сыкёд лоёма?! – шымыртис менё помтöг шог да дыр-дыр эз лэдз аслас зэлыйд сывыйсь. Лолö сибдiс морöсам: став

зарнинас водёма вёлі кыддзой ва гуранё, няйт туй шёрас, да сылон вожъяс вывті и жургисны машинаяс...

Кадыс мыйён сёмын эз тыртлы лолёс, а кыдз пуюй эз вун. Ќі гёгрвоа: кыдзи и челядьдырий, кыддзыс мейн пыр на ёзйё сөстом биён.

L. Ме гёгрвоа тэнё. Коть мыйён кадыс оз тыртлы ловтö, век кыськö да кыськö югыдтор аддзан. А сэсся лолыштан да бара пондан овны...

Тёдан, а ме корсюрö сэтшома ставсыс мудзла. Олёмыс гугнас бергöдчыл. И мый олан либо он ов – дзик откодь... Кор ог тёд, кытчö пышыны – дзебся шы пöлэсам¹. Пемыдинас синва быртöд вашкодча чöв-лöньяскöд. А отпир унмовс-сьюма. Ясыда аддза татшом вёт: гожём, шондыс пёжё, ме водзын вёр туй. Гёгр кыдзяяс... Пуясыс кышöдчоны корнас, тайё шаракылёмыс нүйдö менё тöдтöминö... Сэсся другыс ме водзö петкöдчö паськыдсыс-паськыд видз. Сэн зэв уна морт, и мыйлакö ставён еджыд паськёмабось. Коди косаён, коди чарлаён ытшкёны турун. Муна йöз пöвстtыс и чайта: ставлы тыдатвöм. Некод мекöд оз сёрнит, и оз шыасьлы весиг. Видз шорсыс аддза ыджыд пач, öти морт сэн ноксё... гашкö, мыйкö сейны-юны дасьтö. Восылала пачланыыс... и со! öкмыс во кольём бöрын первойс паныдалi Микул Ќондрейöс! Тайё менам олёмын вёлі зэв шань морт! бур сьёлёма! Но мыйлакö эз вермы ловнас кыпöдны олёмсö да мунис. Ставлы висытасьтöг. Матыстчи сы дорö, окота вёлі си мында сылысъюасын... А Микул Ќондрей, менё аддзис да, кыв шутöг мыччис радайтана шоколад кампетöс (сёмын сийö чöсмöдлывлis татшомнас). Видзöдлi си вылö, кампетö топöдi киын... и синваöй шорён ылькнитi... татшом пöсси синваыс важён эз вöвлы. Сийö эз лöнёд менё и быттьёкö лолам видзöдöмён висыталiс: «Ставыс лоас бур. Олёмас юмовыс уна, видзöдлы гёгрбок, сюся видзöдлы... Ас кадö эг куж казявны мичсö, олёмсö оровтi... йöй! Думайтан, шудаджык лои? Эг. И арын, и тöлын, и тулысын, и гожёмын ломта тайё пачсö. Керкаой абу. Йивласö шонта. А сьёлёмö и лолё век ийзьёма. А позис дзик мёд ног овны. Эг кё тэрмась. Асьтö виöмис медыджыд грек!. Олёмыс öти. И весиг сьёкыд кё лоас, прёста думышт – аския луныс ставсö вежас. Бурланьö. Нюмъяв, пыр нюмъяв. И пемыдьыс повзяс тэнад югыд нюмъис!..»

Понлён тявлёмыс садьми. Лэччи шы пöлэсись. Дыркодь на юрын бергöдлi Микул Ќондрейлс кывъяссö... А сэсся пасьтаси-кёмаси и петi лавкаö да нёбии радайтана кампетöс. Наён гежёдика нин ачымös ышмöдлi, а талун позь...

Восылала, чöсмася юмовторнас, видзöда гёгрбок – кыдз пуюс кышöдчоны корнас. И кыла Микул Ќондрейöс, сылысъюасын... Сийö видзö и радайтö менё. А ме муна водзö, водзö... Бурас эсköмён.

E. Мыйён водзö ола, пондi гёгрвоны: лолыдлы выныс чужанiнын, сиктад олысъ бур йöзын да бать-мам мывкыдын...

Мамö коркö пасъявлöма места нимъяс. Лыддя найёс – и быттьё аддза чужанiныс югыд пельёс: Чеснöг вöм ёль, Чераньёльдiн, Мурзавар нюр, Лячкейшор, Тучкан ёль, Мупырвадор. Абу нин став кывыйыс гёгрвоана. Миян, талунъя вежöрысъ вошöма налён ылыс вежöртасыс. Он нин сийёс некысъ босыт, он ёкты... Но мед енкёлаам олёны и Шудэй таса ёль, и Енма, и Перакырём. А

¹ Шы пöлэс – иж. йирк выв, чердак.

меным найё водзёс сетасны – лёзаласны юён, малаласны юрсиёс небыд тёвруён да синлы козыналасны купальничаа видз, отасыс ота...

Л. Миян съёлёмным сэтшом дзоля, но збыльсь – сэтчё тёрё чужанінным... И ставыс-ставы! Но унатор, дерт, огö вермой гёгёрвоёдны. Менам выйым Крукасян, и Куръя, и Дандобича, и Сёд шор, и Сім ёль, и Кобра ты... А коді думыштіс наалы татшом аслысполёс нимъясс? Збыль, мукёд кывыйылысь вежортассё кадыс эжайон тыртёма. Но выльсь и выльсь гёгёрта став местасё, ю дорсö... Вочакывыс ва вылас ли, паськыд видз шёрас ли... Колёк, вёр-ва съёлёмас гижома дзонь книга Изъва йывсым... Но кутшом ордым вайёдас сы дорё?..

Е. Ордымыс öти – радейтём... Сійё медвына тані.

Л. Радейтём... Кутшом эсько сылён видзёдласыс? Син рёмыс? Гашкё, тувсов енәж кодыс жё – мича?! Но мыила тайё мичыс дойдлывлö? Тöдан, мен коркё коліс сомын öти лун, мед гёгёрвоны ачымёс... Век тэрмаси кытчоёк, чайті, удита на ставсё, удита. А олёмыс зэв гусьоника вештіс менё мёд туй вылö. Кыв шутёг миригчи. Оні со видзода карса öшиням и кедзовта ачымёс... менё ниномён оз гажёдны тайё уличаясыс. Зіля корсыны коть ичётик ордым гортам, Изъваö. И со аддзи сэтчё öдзёссö... и бара на веськалі Петыркоам... Зэрмис! менам Петыркоой бёрддзис шуда синваён, и ме пöttöдз мысси тайё синванас! Кутшом этша колё, мед лоны шудаён!.. А Петыркоыс мунігён нин пытшкам ставыс топавліс... и другысь кажитчис меным кодкёлён шыасьом: «Гашкё, кольччан, он мун?!» Чуймомён видзёдлі гёгёрбок, – некод эз вёв... но ме вочавидзи гёлосыслы: «Ог тёд...» Ачым вёлі сэтшом шудаён тані, а бара на лысты туны – ог тёд... Восьлалі водзё и ышмысь шор дорсыс тёдмалі радейтана мортёс... колис сизим во, а ме сійёс сідзи эг и вунёд, съёлёмой некор оз сорсы тёдмавны сійёс... Которті сы дорё, но кымын öдйёджык воед¹, сымын ылынджык сійё кажитчис. А гашкё, радейтана мортаной и чуксаліс менё? И шуи кё – «Кольчча!», эз пышый эсько...

Менам сы мында здук и весиг лун вёлі, мед вежны олёмёс... эг слоймы. И мыжа ачым. А съёлёмой, коньёр съёлёмой, эз велав сизим вонас овны татён, да и кыздзи вермас лоны олёмыс шудтöг?! Йöрми татчö. Ставсё, буракё, коліс вочны ас кадё. А оні сёр нин... Ме гёгёрвои тайёс. Сомын оні.

Е. Зэв векныыд ордымёд нуёдö миянёс кодкё. Кежан туйыс öдвакё вийым²... Талун лунтыр зэрё. А зэр пырыс и олёмыс нырччö водзё.

Коркё кобис жё, лун тёв польыштіс. Пу чаль йылё кольём нач öти корсö вёрбодыштіс – нюкыртчома нин корыйс, но кутчысёй, оз сетчы. А сэк, кор лолыд бёрдö да оз аддзы петан туй аслыс съокыд лунъяссыс, быд татшом ичётикторысылы чукостчан. Пети уличö. Уна рёма корсö вёлі вольсалёма му вылö. А син водзті мыйлакё мунісны войдёр олысь йёзлён чужёмъясыс. Мышкыртчылі да ләпті күсөм нин кор. Сэсся нöшта öтиёс, и нöшта. Найё казытыштісны Агней, Анкей, Тоня тьётъясöс... И тадз чукёрмис корыйс ки тыр. Морёс бердö топёді, быттьё став радейтана тьётёс, и ковтайй кётасис синвасыныс. И ме оні ог тёд, кыздзи буродны найёс – олёмас колана кывыйыс абу. Но эм чёв-лöнь.

¹ Воедны – иж. котортны.

² Вийым – эм.

Л. И менё тайё чёв-лёнъыс зэрён моз мыськис.

Мыйлакö матыстчи пач дорам. Со ёд гёлэвняыс¹ пачас мында... и лёз биыс... быттьё ыпъялö кодлонкö дой, уна чужём быттьё петкöдчылö биас, но öти на пиыс ёна кырыштö морёсöс. Тайё гёгёрвотём дойыс – кольём кадас öдзёс. Ставыс руын. Ставыс тёдтöм. Но кыла кодкöльсис лов шысö... И аддза: важиник керка... садыын дзоридзалö льём. Кутшöм вося тулысö веськал? Некод оз шыась... сомын олёма ань пукалö лабич вылын. «Коди нö тэ?» – юася. «Клавдия, мадаö...» – гусьённика шуис. Клавдия... Клавдия баб!.. Зэв нин важён, арын, кор лёймийс кисьмёма вёлi... восьлалi... кытчöкö, но Клавдия баб сэк тадз жё пукалis лабич вылын, и ме вöйыси сы дорö чöсмасыштны льёмнас... Сийё радпырысь лэдзис садъяс... Льёмийс юмовсыыс-юмов...

А мёдысь... Тёв нин, буракö, вёлi. И бара восьлала тёдса туйёд. Кыла чёсёдана дойён тырём гёлös... Клавдия баб керка весьтын сулалö вёла-доддя. Бабыд оз кöсий керкассыыс мунны, горзö, менё по эн нуюдёй гортысь... Но тёдтöм йёз тэрмёдлöны сийёс...

Регыд и кувсöмä... Дерт, некор сийёс некызд эг шулы... но талун лёз биас видзёдигмоз шöпкöд сыйлыс нимсö. Кевмём моз. Колök, лолыс лёз биас и олö сылон дойён. Мыйлакö биыс варовджык лои, и югзыштiс.

И öнi со син водзам бара розъялö льём... Клавдия бабсянь кад вомёныс меным ыстöм тувсов козин.

Е. Менам эм жё козин. Аслам дед-бабсянь. Катша². Öнi сэн ни öти керка абу. Рай-рай³ восьсан. Кыр йылын. Улiас – Вуным визувтö. А енэжыс матын-матын, и лолыд кокниа кайлö сэтчö пыстаён. Катшаö öнi волывлам челядькöд öктыны öмидз⁴. Миян пöльяс то мыита вож тшукоöдёмаöс керкаяс местаö... Миян пöчьяс то мыита синва тусь пöртöмäöс ветöсö. А ми öктам да öктам, да тэчам йилёмныммы⁵ воманыс: сёйё да тёдö – тан овлiсны тiян дедъяс, тан овлiсны тiян бабъяс. Вир тусьяс тi налён, энö вунёдёй. Ой-луннас юмовтöм синвасö ныналой.

Катша... Енмыс соддзас мыччö миянлы. Но кужам-ö ми босытны да лелькуйтны сийёс... талунъя йёз?..

Л. Ог вермы та вылö вочавидзны. И пола вочакывсö аддзыны. Пола сорсыны. Абу ёд ставыс ми сайын... Кылан, кыдзи джуджыд ния пуяс шувгöны Извыаам?! Уна нэм. Кымын йёзös аддзылiсны, кымынöс колльöдлiсны... Он лыдды, он артав. Ниаыс венiс кадыслыс чард-биён вочкалöмсö. Сылён вужийыс – йёзыслён лов пыкёд, сылён вожъясыс – дед-бабсянь аския лунö лача.

Талун садъям пуктi ния. Ассянь. Челядьйлы. Нук-нучкалы. Но сийё сэтшöм на нэринник, лэчыд тёв кё кыпöдчас, вужнас нетшиштас!.. – и бёрдись кагаöс моз

¹ Гёлэвня – сэррапом, головня.

² Катша – Ву вылын вёвлöм грезд.

³ Рай-рай – уд. паськыда.

⁴ Öмидз – малина.

⁵ Йилём – челядь.

Фотоыс Владимир Ануфриевлён.

топода сійös морös бердам. Коло, мед нияыс быдмас... мед Изъва мусыс оз тыртöммы... мед оз ло яндзим бöрыннас, дед-баб водзын. Кор паныдасям. Мод олöмас.

Е. А верма-ö ме кöдзны сійö быдмögсö, кутшöмöс нылыштöма ой-луныс?.. Син водзö вайöда сылысь кыа рöма корсö да сöмyn на мыччысыöм шондö рöма сçölöмсö. Мыйсяма тайö быдмög? Сійö выльысь и выльысь шызьöдö менö аслас мичён, вынöн, бурлунöн. Но кыдзи меным кольны сійös олöмас?.. Гашкö, кывыйн?

Л. Мед сійö ассыыс шудсö вуджöдис мортлы?.. Гашкö, и збыль – кывыйд мездас кодоскö сьöкыд здукö да вештас веськыд туй вылö... Менам бабö кыв пырыс аддзöма эскöм дорас ордымсö...

Микöла Чуднöй¹ лунö шондöыс веськыда пырис шы пöлэс öшиням. Кутшöм вын кыйис шондöсö сэтчö?

Чöв-löнь. Бусыс мыйта... со важ кöрёбын вижöдöм кабала. Ме аддзи тöдса кырымён гижöм кывъяс. Кором... Бабö олöм чöжыс эскöма бурас. И шудыс, и радлуныс сылён вöлi... Микöла Чуднöйыс эз öтдортлы, буракö. И весиг сэки эз эновт, кор бабö бöръяясь нюмдис асылыслы. Тувсовъя Микöлаыс нүöдис бабöөс аслас тулысö...

Корöмсö выльысь лыддя, лыддя... и кыла баблысь гöлöссö. Сылён ыджыд эскöмён кевмыся. Но Дивöсö кора, гашкö, неуна унджык... Шондöыс Микöла Чуднöйön видзöдö веськыда синмам. Бöрда...

Е. И радлуныс, и шогыс олöмас орччöн. Ме кöсся жö эссыны бурас. Но тöлön вайлывлö шог юбр: важ пöль висыставлöма, Ву пыддиыс по тати шор пондас визувтны...

И збыль, менам Вуё ямё воясь-во.

Л. Чайта, кадыс сійös бöр джудждаммöдас. Менам Изъваö ямё жö. Но сійö оз вермы бирны. Ме ог сет. Тöда: кывыйн олö зэв ыджыд вын.

Изъва кывыйс – изъя ю...

Тэрый визулыс
оз слöймы воштыны
изъяссö ой-луныслöн
йирас².

Изъясыд – олöмыслöн пыкöд,
сэтчöс ийзлён лолыс, налён оласногыс...

Мамлён морös улас и вöлi на ме,
но кывлён мелi шыясыс йöлöгаалисны нин
дзоляник сçölöммam...

А бöрыннас гöёрвои –
кывлён выныс зэв ыджыд. Корсюрö петкöдас югыдас либö
лэчыд тöлён вачкас чужöмад.

Сылён выйым³ олан визь. Торъя. Аслас.

¹ Микöла Чуднöй – Николай Чудотворец.

² Йиp – джуджыдiн.

³ Выйым – эм.

Изъва кывыйыс – изъя ю... Шань йözös вочаалас,
ва вывсыыс югыд дзиридъяссö койыштас съёлёмад,
пölльыштас ыркыдсö лолад...

Скёр мортös... прösититас.

Прösититомсыыс нöшта на вынаджык лоас.

Изъва кывыйыс – изъя ю...

А ме – ю веркостыыс ветлысь шытöв¹...

E. Вöвлöм кадсö ыджыд югыд лэбачös моз топöдлывла морöс бердö. Öд воис
кысык öлlyсь да регыд вoшас бöр.

Лэбачыс некымын здук олыштö ме дорын. А син водзö петö серпас: зарни
лун. Ывлаас жар. Бабöкöд лэччам ва дорö, кöмтöг вуджам пымалöм лыасö, сотö
кокнымös... ме нель арöса, и дась бöрддзыны:

- Бабö, пым лыасы да.
- Мед, нылö, мед.

Восьалыштам да, бара:

- Бабö, сотас кокös да.
- Мед сотас, мед.

Югнитас вежöрам да, радлöмён юала:

- Бабö, позьö кöмася?
- Ин, сёкатö, ин.

Лöз юöдзыс коли кык воськов...

L. А менам юйи сэтшöм на ылын.
Лежнëг йöн² костöд колö лэччыны сы дорö.
Лежнëг емыс пысасьö быдлао: вöсни платтьö
пыр кырышталö, парсалö киös, но чöвлунсö
ог повзьöд аслам ойзöмён. Восьлала водзö.
Юлань. Сiёй бурдöдас бытшалöм лолös...
сöмын колö лежнëг йöн пиöдыс вуджны ю
дорам... Аслам Ен дорö.

Изъва ю.

E. Меным колö вуджавлыны унаысь. Сiёй миянös паныдалö и коллялö...

Миян ветлöм-мунöмьыс öд Удораад кутшöм... Поезд локтö войнас. Сëсся сё
сайö километр колö тюргыны машинаён. Воан берег дорö водз асывнас.

Öтчыд воим. А пыжыс вуджнысö абу. Ми челядькöд Ву талапöлын суалам,
мамö локтöма миянös паныдавны да – мёдлапöлас. Вуджны гортö ог вермöй,
виччысям пыжайс. Ю вомöныс мамö горзö миянлы:

- Йилётö пасьтöд! Кынмасны!

А ме сылы воча:

- Мыйла нö локтïн? Асынм öд воим эсъкö!

Кылам, а талапöлас кöк кёкны кутïс. И сылы воча, мёдлапöлас, мёд кёк
шыасис. Ми ланьтïм, кызвыны пондïм. Дыр кёкисны. Сëсся коркö ланьтïсны
жö, и ми бара на горзïм öта-мёдлы:

¹ Шытöв – голёс.

² Лежнëг йöн – иж. лежнёг.

Фотоыс Ольга Анцифоровалён.

– Мый нö та дыра оз лок?..
– Узьё, кёнкё, колі садымёдны-а!
Код нö тайös тöдіс!

Мамö, мамö, нёль час асылын он жö лок Перевöзöдз. Но локтöма со, кёкё.

Шондýыс медводдза югёр койыштіс – ва вылас зарни сос шевкнитіс, а сэсся и ачыс вёр сайсыс кыпöдчис – мыча шонъгейным¹, и ми, кöть и кынмёмсыс тíралам асья вадорас, но став ловнаным чукöстчим мыччом радлуныслы воча. И кыпызджык лои, и шонызджык. Тан нин ми – гортынöсъ.

А мёдись – Мозын вуджны колё волі: сёмын на юыс сувтöма. Видзöднысö полан – бырöд². А миянлы мамёкод вуджны сэті, öдва тöдчыс кок туйяс серти (кык-ö-куим морт и мунöма на). Ыркмунлö лолöй – коклябöрам лæччылö – но колё восьлавны, бёр öд он кос... Мамö – водзын, ме – сы кок туйöд. Ог кö сізд тальыштöй и – тюпкысям рыö. Сёысъ казтыла Енсö: любейö Енмö, öтико Енмö, вошты кыдзкё миянöс, ки пыдöс вылад моз ну. Матын нин, матын берегы... Ловным нин сэтöн. Асыным воим жö сэсся. Гашкё, эг ю вывтëыс, а неуна вылтïджык восьлалім... Эг кö öд збыльысъ – тувччалой Енлы кок туйас.

Л. Кымын помасьлытöм туй тальёма, кымын ва вуджёма... кымын ѹёзöс паныдавлöма... кымын мудз лолам пыдзралöма... öнi та йылысъ от мёвшпав. Оломас выйым сёмын öтик туй, и сiё медся джененыйд туйыс – гортё... öд сэн век виччысыбын.

Пыри керкаам, мame пачысъ кыскö пымсыыс-пым нянь, менö аддзис да – чуймискодь. Öта-мёд вылö чёла видзöдам, а ловным сёрнитö, и тайö кывыйс гёгёрвоана сёмын миянлы. Сэсся ае петö мёд жырыйысъ, юрсыыс неуна сивеймёма³, чужём вылас содёма чукыр, а синмас югъялö шуд! Недöрёвля⁴ мысти гортё пырё Ванё вокё... сiё абу зэв варов да сёмын нюмдис радысла. Сэсся мame ставнымёс корис пызан сайё... Ае видзöдліс ми вылö... кокния лолыштöмён вашкёдіс:

– Ми гортынöсъ. Ми ставён гортынöсъ. И эськё век кö тадзи...

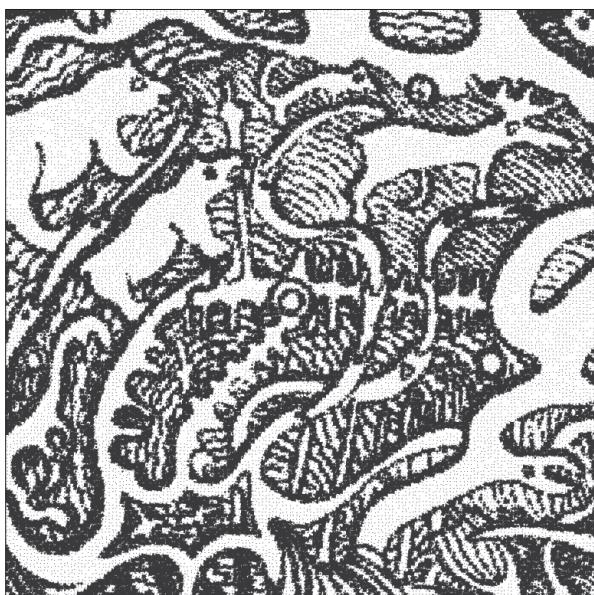
¹ Шонъгей – уд. шонді.

² Бырöд – ий сора ва.

³ Сивеймыны – иж. дзормыны.

⁴ Недöрёвля – иж. недыр.

Пермские древности

Дмитрий Анучин

Дмитрий Николаевич Анучин (27 августа (8 сентября) 1843, Санкт-Петербург – 4 июня 1923, Москва) – один из виднейших русских учёных, географ, антрополог, этнограф, археолог, музееевед, основоположник научного изучения географии, антропологии и этнографии в МГУ. Автор трудов по этнической антропологии и антропогенезу, этнографии, первобытной археологии, общей физической географии, страноведению и истории науки. Товарищ председателя Московского археологического общества. В 1896 году избран ординарным академиком по кафедре зоологии Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге, почётный член Петербургской Академии наук (1898), член-корреспондент Парижского антропологического общества (1879), действительный член Итальянского общества антропологии и географии (1880), Американского антропологического общества в Вашингтоне (1883), почётный член Королевского антропологического института в Лондоне (1897), член Русского горного общества (1900).

К истории искусства и верований у Приуральской Чуди*

Начало в № 4 2011 года

...

Среди амурских инородцев Шренк¹ встретил также, кроме деревянных идолов в образе человека, медведя, тигра или мифического «хаза» (нечто в роде крокодила), – ещё изображение из дерева совы на человеческом идоле или совиной головы на человеческом туловище, чучелу двухголового ворона, и мог узнать, что с какой-то птицей Коро связывается представление, что кто её увидит, должен непременно умереть. Подробнее шаманский культ амурских инородцев был изучен недавно П. П. Шимкевичем.² У гольдов существенными атрибутами шамана кроме «тимо» (рогов на шапке), «толи» (медных полированных кругов, надеваемых на грудь и спину), пояса из широкого ремня, к которому прикрепляются конусообразные железные трубочки («конгокто»), и бубна с колотушкой, – являются изображения разных мифических зверей и птиц (или крылатых существ). В числе этих изображений видную роль играет птица *коори*, иногда напоминающая своим видом журавля (она вырезается из дерева и обтягивается обыкновенно летней, ры-

* Опубликовано в книге «Материалы по археологии восточных губерний». Том III. М., 1899.– С. 10–160.

¹ Шренк. Путеш. на Амур. Инородцы Амурского края (часть этнографическая). Изд. Акад. Наук.

² П. П. Шимкевич. Материалы для изучения шаманства у гольдов, в Зап. Приамур. Отд. И. Р. Геогр. Общ. т. II, 1899.

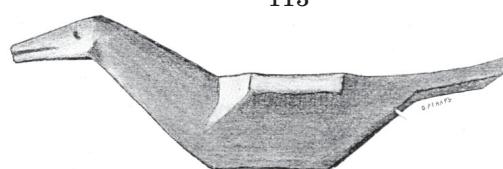
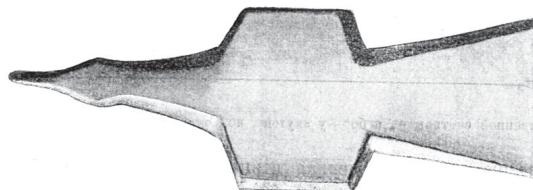

Рис. 113, рис. 114. Священная птица (коори) гольдов (сверху и сбоку). С экземпляра, принесённого в дар Антропологическому музею В. Н. Радаковым. (Уменьшена в $\frac{1}{6}$).

жего цвета, шкурой козули), и *буччу* – изображение человека с крыльями, на одной кривой ноге, делаемое также из дерева, причём туловище и крылья тоже обтягиваются козульей шерстью. Оба изображения вешаются под специально устраиваемым навесом, коори – горизонтально, буччу – вертикально. Коори при камланыи содействует перенесению шамана в загробный мир («буни») и особенно возвращению оттуда обратно, буччу – представляется управляющим ветрами и заведующим горными пещерами, откуда исходят ветры. При помощи коори и буччу шаман разыскивает душу умершего, помогает душе преодолеть разные препятствия в пути на тот свет и вообще ведёт сношения с миром духов. Мифология гольдов, впрочем, довольно сложная и включает в себе целый ряд тероморфных божеств, олицетворяемых в виде «амбансо» (тигра), «ярга» (барса), «девонта» (медведя), «колля» (змеи), «мудура» (дракона), «макси» (Шимкевич видит в нём ящерицу; он изображается

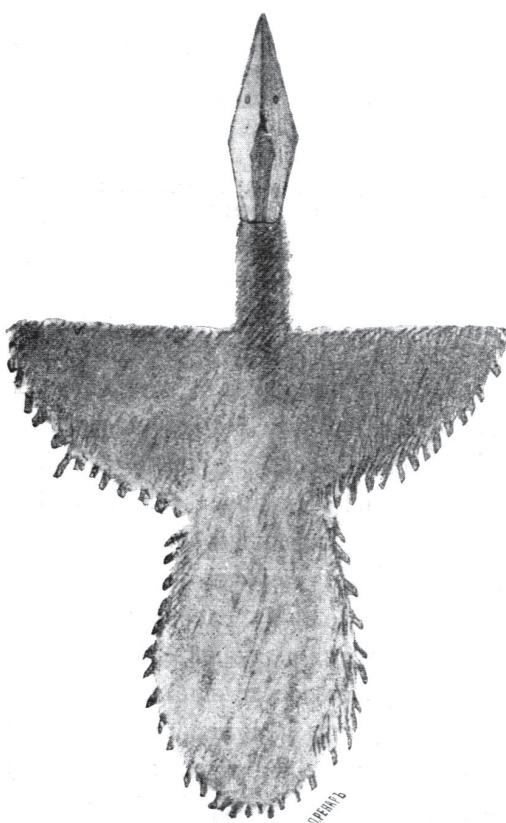

Рис. 115. Коори, священная птица гольдов, резана из дерева и обшита козульей кожей. С экземпляра из коллекции П. П. Шимкевича в Дашиковском музее. (Уменьшена в $\frac{1}{2}$).

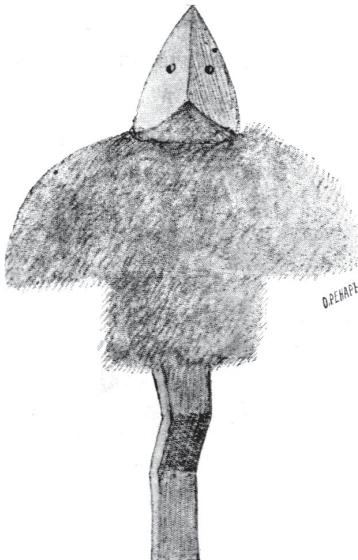

Рис. 116. Буччу, священное крылатое существо гольдов. Уменьшено.

с короткими ногами и хвостом, и с удлинённой, полураскрытоей пастью) и др. Тигр, барс и медведь изображаются иногда и с крыльями, и тогда к названию их прибавляется слово «хафу» (необъяснимое из гольдского языка), напр., хафу-ярга, хафу-амбансо и т. д. Изображения птиц встречаются и на рисованных на бумаге религиозных картинах (птицы «чифяку», изображаемые иногда в числе 9, рядом с солнцем, «мо»), а также (какая-то птица «гааза»)? в форме хлебцов, которые пекутся при поминках умерших. Любопытно ещё изображение зверя «каазу» с длинной вытянутой мордой, усаженной множеством зубов; гольды имеют, по-видимому, смутное о нём представление, называя его «кабаньей головой», но это, очевидно, не кабан, а скорее, как предполагал уже Шренк, заимствованное с юга, от китайцев, изображение крокодила. От китайцев же был заимствован, очевидно, и дракон (мудур), по форме тоже напоминающий крокодила, с телом, покрытым чешуёй, на коротких ногах, с какими-то отростками на челюсти и с ветвистыми рогами на голове. Некоторые звериные бурханы напоминают своей

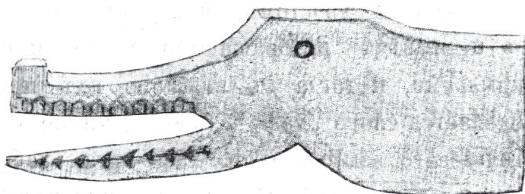

Рис. 117. Каазу гольдов, по-видимому, – изображение крокодила.

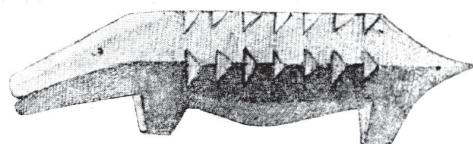

Рис. 117 а. Доонта – гольдов; по их словам – изображение медведя.

формой «ящеров», другие несут на себе изображение змея, третьи представляют комбинации, способные напоминать некоторые из описанных нами выше чудских изображений. Так, напр., бурхан ярга-хэрмиктани, делаемый из сухой болотной травы, представляет зверя с вытянутым туловищем и хвостом, на коротких ногах, несущего на себе человека («сэкка» – работник); к человеку этому привязывается иногда целый ряд маленьких изображений птиц и людей.

Фигуры птиц, резанные из дерева (а иногда иссечённые из камня или металлические) встречаются и у бурят и монголов, где они уже отождествляются со священной буддийской птицей Гарудой. В простейшем виде такие изображения ставятся на высоких шестах (онгонах) или жертвенных деревьях, более крупные и лучшей работы – встречаются поставленными на горных вершинах и перевалах в Монголии и Забайкальи. Ниже мы приводим изображения двух таких птиц с вершины хребта Адун-Челона (в Забайкальи), по фотографиям П. П. Шимкевича. Одно из них (рис. 118), резанное из дерева и поставленное на большой каменной

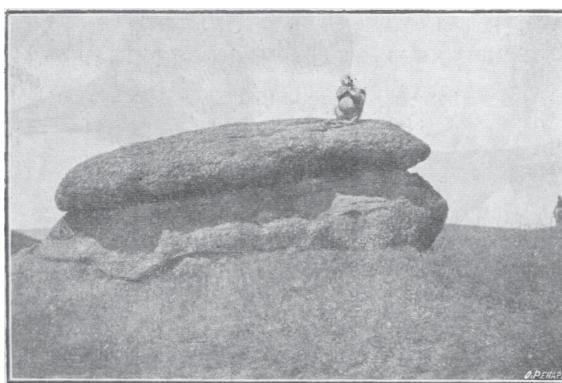

Рис. 118. Деревянное изображение Гаруды на вершине хребта Адун-Челон (в Забайкальи); с фотографии Шимкевича.

глыбе, представляет стоящую на корточках антропоморфную фигуру, с птичьей головой и развернутыми крыльями (одно крыло отломано), и с молитвенно сложенными руками; другое, сделанное в форме барельефа и воздвигнутое на особом, круглом, возвышающемся уступами пьедестале (рис. 119), изображает (насколько то можно видеть по фотографии) тоже подобную фигуру с птичьей головой (с кривым клювом, но с ушами) и держащую распостёртую у своих ног змею. Кроме того, по бокам головы птицы видны, как будто, ещё две птичьи головы, так что, может быть, в данном случае мы имеем изображение трёхглавой Гаруды, не представляющей редкости в ряду буддийских бурханов¹.

Только что описанные изображения птиц у гольдов, бурят, якутов, остыков, минусинских и других сибирских инородцев, у которых они составляют ещё и в настоящее время существенную принадлежность религиозного культа, могут считаться, несомненно, до известной степени аналогичными однородным древним изображениям у Приуральской чуди. Пользуясь этими современными религиозными символами, мы имеем право прилагать соединённые с ними верования также и к объяснению древних изображений; во всяком случае, это — самый ближайший и естественный путь, которым мы можем пользоваться для уяснения смысла и значения древних чудских «идолов». Естественно думать, что как теперь, так и ранее, изображения птиц играли важную роль в шаманском культе и анимистических верованиях, что с ними издавна связывались подобные же представления о сношениях с миром духов и теней, о вознесении через их посредство молений и жертв, о покровительстве небесных божеств. В подробностях, мы не имеем, конечно, возможности уяснить себе вполне значение отдельных фигур и их атрибутов; в этом отношении мы можем делать только более или менее вероятные догадки. Так, напр., можно предполагать, что изображавшееся на груди летящих птиц человеческое лицо или головы драконов обозначали религиозный характер фигур и указывали на их связь с миром духов и божественность; двуглавые и трёхглавые птицы могли быть символами особенно мощных божеств; изображения на груди птицы животных — лошади, соболя, гуся — могли означать принесённые богам жертвы, но в других случаях, когда мы встречаем, напр., на одном и том же «образке» изображения разных промысловых зверей, птиц, рыб, они могли выражать собой моление об изобилии этих, необходимых для существования в лесной зоне севера, объектов охоты и рыболовства. В том случае, когда на груди парящей птицы

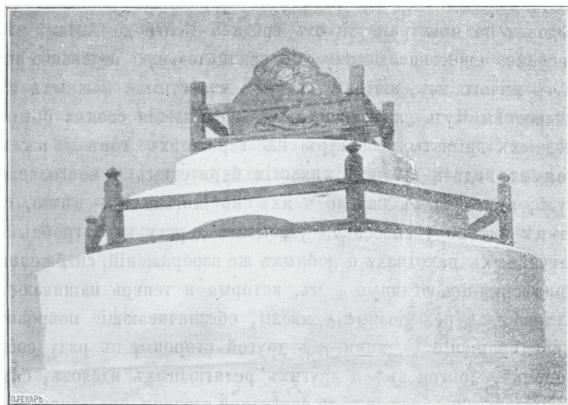

Рис. 119. Металлическое изображение Гаруды на другой вершине того же хребта. С фотографии П. П. Шимкевича.

¹ Г. Н. Потанин подарил мне рисованное на бумаге изображение такой трёхголовой Гаруды, приобретённое им в одной лавке в Пекине. Каждая из трёх голов — с кривым клювом и с ушами; соединённые туловища их снабжены, каждое, крыльями, хвостом, парой ног и парой рук, оканчивающихся звериными лапами с когтями.

находится изображение цельной человеческой фигуры, причём фигура эта (часто нагая) представлена в когтях хищной птицы, которая как бы клюёт её, возможно даже предположение, что имелось в виду изобразить принесение человеческой жертвы. Отголоски человеческих жертвоприношений в преданиях, обрядах, сказках и т. д. были констатированы у многих финских и тюркских народов, на пространстве от средней Волги да Алтая; местами такие жертвы приносились ещё, по-видимому, в сравнительную недавнюю историческую эпоху, а потому нет ничего невероятного, что в известных важных случаях к ним прибегала и древняя чудь для вящего умилостивления своих богов. В случаях находок медных крылатых фигур на вершинах гор и на жертвенных местах мы можем видеть в них аналогии бурятским и монгольским онгонам и птице-гаруде; в случаях находок их в могилах – нечто, соответствующее гольдской птице «коори», способной указывать дорогу в загробный мир теней; наконец, в случайных находках подобных же изображений, снабжённых ушками для ношения, – привески, аналогичные тем, которые и теперь нашиваются на шаманские костюмы, или вообще религиозные символы, обеспечивающие покровительство духов и облегчающие сношения с ними. С другой стороны, в ряду современных «тюсей», «бурханов», «онгонов» и других религиозных идолов, символов и амулетов можно подыскать и изображения, до известной степени аналогичные древним «ящерам», драконовидным существам, антропоморфным крылатым фигурам, изображениям медведя, тигра, змей и т. д., равно как и в народных верованиях ногулов, осяков, амурских и других инородцев можно найти представления о живущих под землёй мифических зверях и о крылатых существах, совмещающих в себе признаки птицы, зверя и человека.

В основе своей подобные представления являются, несомненно, весьма древними, так как мы встречаем их, как было уже сказано, в самых различных странах и частях Света, с весьма отдалённых эпох до современной. Но не подлежит сомнению также, что они могли получить у одних народов более раннее и сложное развитие, чем у других, и вылившись, благодаря искусству, в определённые формы, могли оказать, в связи с распространением вообще религиозных верований, значительное влияние на мировоззрение и культ других народов. Что касается Сибири, то, по всей вероятности, она должна была с древних времён получать культурные и религиозные влияния по преимуществу с юга, из сопредельных частей Китая и Средней Азии, которые, в свою очередь, должны были находиться под влиянием стран более южных. Это распространение религиозных влияний с юга существует уже из истории буддизма, христианства и ислама, но оно началось, надо думать, задолго раньше. Все эти образы мифических змей, драконов, ящеров, тигров, больших хищных птиц и т. п. могли сложиться только в тропической зоне Юга, под непосредственным впечатлением реальных форм крупных и ядовитых змей, крокодилов и других гадов, тигров, носорогов, пожирающих змей, грифов и т. д. Здесь, несомненно, получил начало и первообраз дракона, сложившийся на основе реальной формы южноазиатского крокодила или, может быть даже, как предполагает Шлегель, одного из вымерших его видов. Местами крокодил здесь и теперь пользуется религиозным почитанием, но большей частью его сменил уже образ дракона, простейшие формы которого, по-видимому, немногим отличались от реального типа. Так, Улар-Нага, божество на о-ве Тиморе, изображается в виде резной дере-

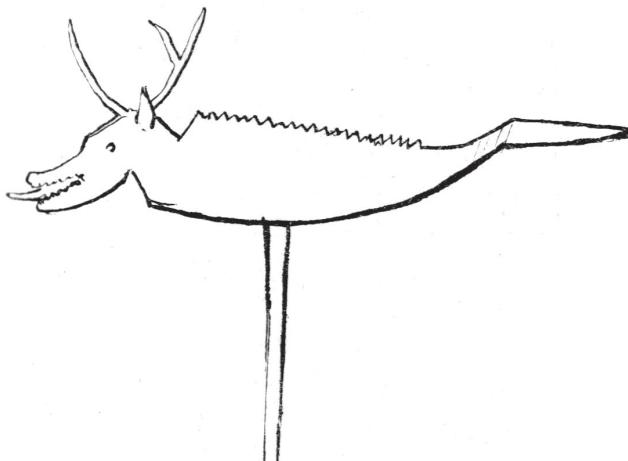

Рис. 120. Божество Улар-Нага (рогатый крокодил) аллорезов. (С карандашного наброска одного экземпляра в Берлинском этнографическом музее).

Рис. 121. Изображение дракона с одной древней золотой бляхи из Сибири (в собрании Эрмитажа).

вянной фигуры, представляющей крокодила с чешуёй на спине, но без ног и с рогами на голове, имеющими 2–3 отростка. Это божество, по понятию аллорезов, несёт на себе Землю и заведует болотами и произведениями почвы. В Китае типичные признаки крокодила, его удлинённая форма, страшная пасть с многочисленными зубами, длинный хвост, короткие ноги, покрывающие тело чешуи и щитки были скомбинированы с признаками других животных форм, – рогами оленя или антилопы, ушами быка, головой верблюда, когтями орла и т. д. Отсюда образ дракона перешёл и далее на север, отчасти в более сложной своей форме (с рогами и т. д.), отчасти в простейшей, близкой к крокодильей, и мы видим, напр., у гольдов, как настоящего дракона (мудура), так и «хаза» (хаазу), в котором нельзя не признать обыкновенного крокодила. Подобным же образом зашёл на север (напр., к минусинским инородцам, монголам и т. д.) и образ многоголового змея, прародина которого, по-видимому, Индия, а равно, под тем же влиянием с юга, создались и мифические формы мощных хищных птиц (часто с звериными и антропоморфными атрибутами) и, вероятно, также тип ящера, с его признаками гада и зверя, чешуёй, рогом, длинной мордой, короткими ногами и т. д. Все эти южные животные формы, как реальные, так и основанные на комбинации их мифические, переходя к народам, для которых они были чуждыми, не находившими достаточных аналогий в местной фауне, могли естественно подвергнуться некоторому искажению и отчасти смешаться с формами более знакомого, северного животного мира. Мощный гад мог преобразоваться в сравнительно более скромного ящеровидного зверя (живущего в земле?), тигр получить известное сходство с волком или замениться медведем, головы драконов и змей – усвоить себе характер лосиных и т. п. Традиционные признаки могли сохраняться в большей частоте лишь при условии продолжающегося религиозного и культурного воздействия, при непрерывном доставлении художественных изделий, воспроизводящих в различных вариациях и комбинациях известные типы религиозных образов и символов. Так, в области монголов и бурят непрерывно действует буддийское

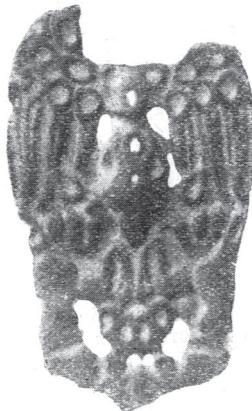

Рис. 122. Древнее медное изображение птицы, клюющей какого-то зверя. Из Сибири.

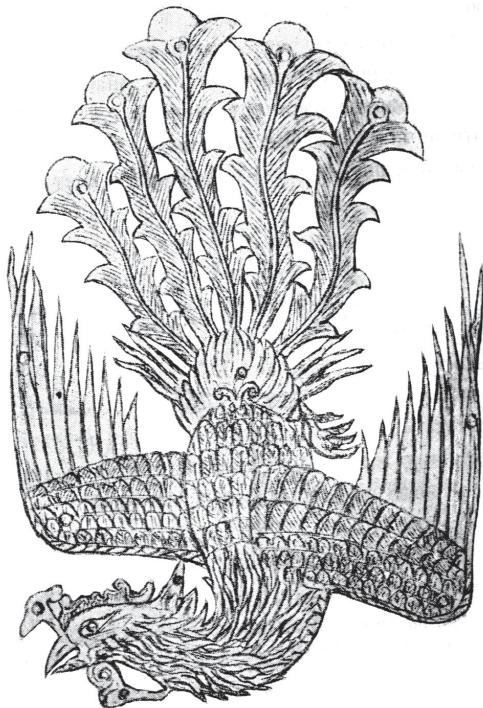

Рис. 123. Изображение ниспускающейся птицы (фазана?) с развернутыми крыльями – с современной каски корейского генерала.

влияние при посредстве монгольских и тибетских монастырей, амурские инородцы находились до последнего времени под культурным влиянием китайцев, шаманисты Южной Сибири должны были испытывать известное воздействие со стороны своих сородичей – буддистов и т. п.

По отношению к изображениям мифических парящих птиц (вообще крылатых существ) нельзя не признать, что в развитии этих форм должно было играть видную роль индийское представление о священной птице Гаруде. Создавшееся во времена отдалённой древности, усвоенное затем буддизмом, воспроизведенное в реальных формах искусством (изображение Гаруды имеется в каждом буддийском храме и распространяется массами в качестве бурханов и амулетов), – представление это получило широкое распространение и, по-видимому, существенно повлияло местами на выработку мифических религиозных образов. В первоначальной своей концепции образ Гаруды возник, несомненно, под впечатлением реальных форм хищных птиц, истребляющих змей, и тем самым являющихся благодетельными для человека. В дальнейшем развитии этого образа вредоносные змеи стали синонимом врагов и зла вообще, и имя «naga's» – змей было перенесено сперва на низшие враждебные племена, с которыми приходилось бороться арийцам-индусам (некоторым из этих племён и теперь ещё придаётся такое название), а затем и на целую категорию демонов, духов зла и тьмы, находящихся в вечной вражде с силами добра и света. Соответственно тому, змеи *nagas*, удерживая некоторые змеиные признаки, стали получать в дальнейшей реализации образа антропоморфные черты и принимать вид людей, мужчин или женщин. С другой стороны, и самий образ птицы стал усложняться; из простого змеевидного хищника выработался образ мощного крылатого существа, отчасти с звериными, отчасти с антропоморфными признаками, отчасти наконец, с атрибутами осо-

бой силы, получившими наивное реальное выражение в удвоении и утроении головы и всего тела. Змеиные формы могли при этом ещё комбинироваться с дракоными, а вместе с тем, сознательно или бессознательно, смешиваться и с образом самого крылатого существа, давая тем начало различным фантастическим формам птиц-зверей, комбинированных с признаками драконов.

Выше мы уже упоминали о некоторых вариациях образа Гаруды за пределами Индии, в Китае и Японии. По отношению к самой Индии мы позволяем себе воспроизвести из этюда Грюневеделя¹ рисунок с одного рельефа в монастыре у Sanghao (рис. 124). По толкованию Грюневеделя, представленная в этой группе хищная птица (в шапке с капюшоном и с подвесками в ушах; крылья птицы обломаны), изображает Гаруди, а женская фигура, стоящая впереди, и которую птица держит в когтях, не что иное, как «nagi» – женский змеиный демон; змеиная природа этой фигуры явственно выражена в той змее, которая исходит из её головы и держится птицей в своём клюве. Другой тип Гаруды, тибетско-китайского образца (амulet Garuda Yantra), представляет рисунок 125, заимствованный нами из известного сочинения о тибетском буддизме Уэдделя². Гаруда здесь удерживает признаки хищной птицы (клюв, ноги с когтями, хвост, крылья), но, вместе с тем, она получила звериные лапы хищника, голову её украшают рога, нимб, полумесяц глаз на лбу и т. д., на её груди – круг с цветком лотоса внутри и с надписями (заклинаниями), покрывающими также перья крыльев (7 в каждом крыле) и лапы. Традиционное значение Гаруды, как истребительницы змей, тем не менее, явственно выражено и здесь, в змее, которую это крылатое существо держит в своём клюве и лапах.

Образ Гаруды оказал своё влияние далеко за пределами соседних с Индией стран. Проф. Н. П. Кондаков, в 5-м выпуске издаваемых им вместе с гр. И. И. Толстым «Русских Древностей», поместил рисунок «Из росписи плафона Палатинской капеллы в Палермо», обозначив её сюжет, как «Александр, возносимый на небо птицей». Роспись эта представляет парящую колоссальную птицу, вроде грифа, с кривым клювом, но с рогами, и держащую в лапах по лани; в верхних частях крыльев, в округлых медальонах, изображено по человеческой фигуре (по грудь) в нимбах, а на груди птицы представлена цельная сидящая человеческая фигура, которую проф. Кондаков и принимает за Александра Македонского (рис.

Рис. 124. Милическая птица Гаруда, держащая антропоморфную фигуру; с одного индийского рельефа. (Рисунок заимствован у Грюневеделя.)

¹ A. Grünwedel. Buddhistische Kunst in Indien. B. 1893. S. 97.

² L. Austine Waddell. The Buddhism of Tibet or Lamaism. L. 1895, p. 387.

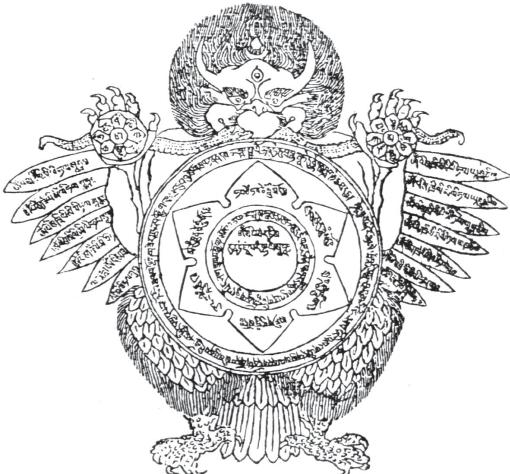

Рис. 125. Буддийский (тибетский) амулет Garuda Yantra.

126). Нам думается, что более оснований видеть в этой фигуре антропоморфный образ naga, а в самой птице – Гаруду; змеиная природа фигуры явствует из тех жгутов, за которые она держится руками и которые, извиваясь затем вокруг головы птицы, а на другом конце – вокруг ланей, изображают, очевидно, змей, только уже превратившихся благодаря непониманию и фантазии художника, в завитки орнамента. Характерная голова птицы с торчащими ушами, очевидно, также передаёт дошедшний издалека тип Гаруды. Возможно допустить, что изображённая на груди птицы человеческая фигура представляет и Александра, но только в образе Naga, что и естественно с точки зрения индусов, для которых Александр был враг, представитель разрушения и зла.

Проф. Кондаков сопоставляет затем с этой росписью одну из чудских медных птиц (изображённую у нас на рис. 24) и видит в ней тождественный сюжет, то есть также Александра Македонского, вознесимого на небо птицей. Но мы видели, что изображение человеческой фигуры на груди парящей птицы встречается на многих чудских изделиях, причём большей частью эта фигура представлена нагой в когтях у птицы, долбящей её своим клювом. Возможно ли толковать сюжет такой группы – как вознесение на небо Александра Македонского? И не естественнее ли видеть в нём отголосок образа Гаруды, получившего тем большее значение у чуди, что он соответствовал, вероятно, и аналогичному туземному представлению о божественных птицах, а вместе с тем, легко мог быть истолкован и как возношение к небесам человеческой жертвы. Что образ Гаруды, хотя и в смутной форме, мог заходить даже по ту сторону Урала, доказывают найденные на Гляденовском городище медные изображения парящих птиц с припаянными к ним змейками и известные из других находок подобные же птицы о двух и трёх

Рис. 126. Из росписи плафона Палатинской капеллы в Палермо. По толкованию проф. Н. П. Кондакова – «Александр, возносимый на небо птицей». С рисунка в 5-м вып. «Русских древностей».

головах, иногда в комбинации с изображениями драконов и змей. Факт, что сходство в данном случае не могло быть полным, объясняется отдалённостью области, население которой находилось на другой степени культурного и религиозного развития и имело свой тесный круг мифических образов. Влияние Индии доходило лишь урывками, через посредство промежуточных народностей, и притом с ним соперничали другие влияния, шедшие особенно из Передней Азии, из стран, прилегающих к Чёрному и Каспийскому морям.

Влияния с этой стороны начались, вероятно, с очень отдалённых времён. Уже Геродот в V в. до Р. Х. записал в греческих колониях на северном берегу Понта сведения о народах, живших на востоке за скифами, между прочим, и в горах, откуда добывалось золото (Урал?). Позже сношения с этими странами стали, надо полагать, более оживлёнными. В Камском и Приуральском крае были найдены неоднократно восточные монеты (начиная с эпохи Арсакидов), а также греческие, византийские и персидские изделия, эпохи, приблизительно, около начала нашей эры и до VIII–IX вв. Особенное развитие получили торговые сношения с этим краем благодаря арабам, в эпоху Сассанидов: масса восточных монет и серебряных блюд, чащ, кувшинов, украшений, найденных до сих пор в Прикамье, а отчасти и далее, в Тобольской губ., свидетельствует о значительном, происшедшем здесь торговом обмене, заносившем сюда многие образцы художественных изделий Передней Азии. На этих изделиях мы встречаем нередко и изображения реальных и мифических животных, в том числе птиц с распростёртыми крыльями и крылатых зверей с признаками драконов¹. Некоторые из этих образов могли до известной степени соответствовать мифическим представлениям туземцев, а потому и приниматься ими за тождественные, удовлетворяющие их религиозным потребностям. В новейшее время vogулы и остяки получают желаемые ими медные изображения птиц, всадников, зверей – от русских торговцев, воспроизводящих их по традиционным образцам; в старину могло происходить то же самое через посредство арабов, доставлявших сюда ценные изделия, приворожленные ко вкусам туземцев.

Приуральская Чудь, впрочем, и сама была знакома с металлургией, залагала копи в горах, добывала медь и изготавливала из неё орудия, оружие и другие предметы. Большинство описываемых нами религиозных изображений и символов было, вероятно, также местного производства, и воспроизводило более или менее удачно и в различных вариациях традиционные мифические обра-

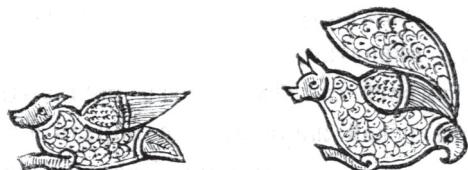

Рис. 127. Изображения драконовидных существ с одного сассанидского блюда. (Ныне в собрании М. П. Боткина.)

¹ См., напр., изображения мифических зверей на рисунках 93, 94, 95, 96 и др. в III вып. «Русских Древностей» гр. Толстого и Кондакова.

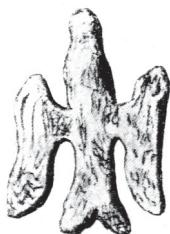

Рис. 128. Изображение ангела (?) из одного мерянского кургана.

зы. Но в числе их могли быть и привозные, сделанные более искусно и удачно в соответствии с представлениями туземцев, или, если изготовленные и последними (может быть в известных торговых центрах), то под влиянием изображений на привозных художественных изделиях. Что касается времени, к которому относятся описываемые изделия, то мы в редких случаях можем определить точнее эпоху их изготовления и употребления. По-видимому, пользование такими изображениями при жертвоприношениях, молениях, шаманских обрядах, для ношения на костюме и т. д., продолжалось многие века, сохранившись отчасти до настоящего времени. Одной из эпох процветания этого вида

искусства следует, как кажется, признать первые века нашей эры и затем эпоху наибольшего распространения в крае произведений восточного (сассанидского) искусства и промышленности. Возможно, однако, что многие из таких изделий относятся и к более поздней эпохе. Наконец можно допустить, что подобные изображения парящих птиц, имевшие религиозное значение, заходили иногда и за пределы Приуралья и Прикамья, и что некоторые позднейшие металлические изображения парящих ангелов, найденные в курганах средней и западной России, представляют лишь отголоски этого верования в божественных крылатых существ. Подобные серебряные и медные парящие ангелы были находмы в мерянских курганах, на городище Княжая гора и в Прибалтийском крае.¹

В числе предметов, найденных совместно с изображениями птиц и разными «образками», заслуживают, между прочим, внимания изображения людей. Некоторые из таких фигурок весьма грубы и примитивны, и позволяют только различить признаки человека, но другие, выделанные с большим умением и искусством, представляют интерес подробностями выраженного типа и костюма. В этих фи-

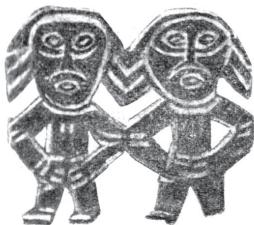

Рис. 129, рис. 130. Изображения людей, найденные на Гляденовском городище.

турах мы можем видеть представителей той Чуди, которой принадлежали описываемые изделия и религиозные символы. Помещаемые нами рисунки 129 и 130 (сделанные с предметов, найденных на Гляденовском городище) дают некоторое понятие о внешнем виде этого народа, его головном уборе, манере ношения волос и отчасти других особенностях типа и костюма.

¹ Мерянские «ангелы» описаны и изображены гр. Уваровым в его монографии о Мерянах (в Трудах I Москв. Арх. Съезда); – с Княжей горы указаны г. Беляшевским в его статье об этом городище в «Киевской Старине»; – прибалтийские можно было видеть на выставке при X Археол. Съезде в Риге, в 1896 г.

Описание приложенных к статье таблиц

Таблица I.

1. Птица грубой работы; размеры: длина 67 мм., ширина, наибольшая, в крыльях, 41 мм. Голова обозначена крючком, обращённым вперёд. Под крючком выемка, служившая, может быть, для привешивания. Под выемкой, напереди шеи, небольшой округлый выступ. Ниже этого выступа с боков отходят крылья, которые изгибаются затем под округлым углом и направляются параллельно туловищу, доходя до половины хвоста или немного далее. Крылья сделаны очень грубо и напоминают скорее ласты тюленей; правое крыло несколько короче и острее левого; на краях крыльев неясные зарубки. Туловище по средине представляет небольшой продольный выступ (киль), ниже которого два маленьких, расположенных рядом бугорка обозначают ноги птицы. Далее следует несколько расширяющийся к концу и тупо оканчивающийся хвост. В общем, можно предполагать, что имелось в виду изобразить сокола.

2. Птица того же типа, но с головой, повёрнутой вправо и с клювом более широким и менее загнутым; размеры: длина 66 мм., ширина наибольшая, в крыльях, 45 мм. На груди небольшой бугорок. Крылья такие же, заходят за половину хвоста. На крыльях по внутреннему краю заметны поперечные, несколько вкось идущие зарубки, или бороздки, перемежающиеся с выступающими рёбрышками. Туловище несколько шире, тоже с продольным выступом (килем) по средней линии и с выемками и рёбрышками по краям. Ниже два небольших продолговатых бугорка обозначают ноги, хвост несколько расширенный к концу и тупо округлый, с пятью продольными рёбрышками, разделёнными плоскими углублениями.

3. Птица, сходная с № 1, но с головой, повёрнутой влево. Клюв продолжается в нить, оканчивающуюся небольшим утолщением, — очевидно, неудалённый след отливки. Размеры: 65+40 мм. Шея, туловище, крылья, обозначение ног и хвоста такие же, как у № 1.

4. Птица подобного же типа, но голова не выделана и обозначена расплощенным кружком. Размеры: 70+46 мм. Шея, туловище, ноги, крылья, хвост — подобные же, как у № 2, только бороздки по краю и рёбра на хвосте не так явственны.

5. Птица подобного же типа, как и № 4. Размеры: 69+39 мм. Голова из расплощенного кружка. Шея, туловище, ноги, крылья и хвост — такие же.

6. Птица несколько иного типа. Размеры: 70+36 мм. Голова повёрнута вправо; на ней обозначены глаза (круглыми бугорками) и довольно короткий прямой клюв. На голове возвышение (около 15 мм.), остаток отливки, сплющенное сперва, а затем расширяющееся и переходящее в овальное утолщение. На шее небольшой круглый выступ; на груди киля нет; крылья в виде коротких ластов, не доходящих до начала хвоста и оканчивающихся маленькими отросточками. Ноги не обозначены. На туловище и крыльях показаны поперечные выпуклые полоски или рёбрышки. Хвост (расширенная его часть) короткий, неправильный, с тремя продольными рёбрышками. Экземпляр изогнут.

7. Птица подобного же типа (красной меди). Размеры: 70+35 мм. Голова повёрнута вправо, с длинным тонким клювом и с двумя круглыми бугорками, соответствующими глазам. Голова продолжается кверху в выступ — остаток отливки. На шее круглый бугорок. Крылья, туловище и хвост такие же, как у № 6.

8. Птица весьма сходная с предыдущей. Размеры: 72+33 мм. В общем, все эти три экземпляра как будто вылиты в одну форму и различие обуславливается

только величиной выступа над головой (остатка от отливки) и длиной (более или менее отломанного) клюва.

9. Самая крупная птица коллекции. Размеры: 148+84 мм. Отличается, кроме величины, несколько более тщательной отделкой. Голова короткая (остаток отливки удалён) с коротким, прямым, обращённым вперёд тупым клювом и с явственно обозначенными глазами. На шее бугорка нет, но вдоль туловища идёт киль, от которого, в нижней его части, отходят два узких валика, разделяющихся затем каждый снова на два и представляющие, очевидно, ноги с пальцами. Постепенно расширяясь, туловище продолжается в хвост, срезанный тупо округлённой линией и на котором выделаны изображения перьев, в три поперечных ряда, по девяти перьев в ряду. Конечный ряд перьев — с разделяющими отдельные перья выемками. Кроме того, в хвосте, в двух местах, небольшие сквозные дырочки. Крылья отходят в стороны, затем загибаются вдоль туловища; они, сравнительно, короткие, прямоугольно заострены к концам и доходят только до начала хвоста. На них тоже обозначены перья, той же манерой, как и на хвосте, пятью рядами, и образуют пять выступов по внутреннему краю крыла. У заострённых концов крыльев имеется по узкому сквозному отверстию. По общей форме (но не по отдельным признакам) можно предполагать, что это — изображение ястреба, *Astur palumbarius*. Птица эта найдена, вместе с №№ 2 и 4, в земле, на Караульной горе, близ Сысерского завода, в вертикальном положении; остальные описанные экземпляры были найдены там же, или поблизости от того же завода.

Таблица II.

10. Птица сходная по общему типу с № 1. Размеры: 40+42 мм. Голова с плохо обозначенным, коротким клювом, обращённым вперёд. Килья нет, ноги плохо обозначены, хвост с шестью продольными рёбрышками. Крылья загнуты вдоль туловища, несколько утолщены (выпуклы), гладкие и заострены к концам.

11. Голова обозначена только несколько приплюснутым сверху овальным расширением. Хвост обломан. Размеры: 50(?)+54 мм. Бугорка на шее нет; киль узкий; от него отходят в стороны по четыре поперечных рёбрышка. Крылья загнуты почти под прямым углом, гладкие и заострены к концу; правое несколько длиннее. Из красной меди.

12. Птица иного типа; правое крыло на половину обломано. Размеры: 87+70(?) мм. Голова как будто хищной птицы, с клювом, обращённым вперёд, коротким и с обозначенными глазами. На груди небольшой киль, расходящийся ниже в четыре продольных рёбрышка, которые у начала хвоста пересечены поперечным валиком (в месте, соответствующем ногам). Далее следует довольно длинный хвост, с четырьмя продольными рёбрами, на конце округленный. Крылья соединены с туловищем широким основанием, загнуты под прямым углом по наружному краю, а по внутреннему изогнуты наружу и — короткие, заходят лишь немногого за начало хвоста. По крыльям, изогнутыми линиями, идут шесть рёбер, разделённых соответственными бороздками. У верхних наружных углов крыльев по круглому сквозному отверстию. Из коллекции Н. Г. Первухина. Найдена в мог. Бигершай, у дер. Дондинской, Глазовского уезда, Вятской губернии.

13. Голова и часть шеи и крыльев подобной же птицы, с обозначенными глазами, с клювом, обращённым впереди и с рёбрами по крыльям. Из той же коллекции; найдена на Учка-карском городище.

14. Птица опять иного типа с распростёртыми в стороны, поперечно к туловищу, крыльями, разм.: 50+80 мм. Голова круглая, плоская, с плохо выраженными

глазами и клювом, обращённым вперёд. Грудь плоская, гладкая, при начале хвоста два продольных валика, оканчивающихся небольшими расширениями и соответствующими ногам. Хвост слегка закруглённый, гладкий. Крылья имеют форму тупо-заострённую, с слегка выпуклым нижним краем и слегка изогнутым, образующим округлённый угол, верхним; концами крылья несколько загнуты кверху. Вдоль верхнего и нижнего края крыльев – по два продольных валика, разделённых бороздкой, а между ними около 12 поперечных (вертикальных) рёбрышек. В верхних углах крыльев по круглому сквозному отверстию. Изображает, по-видимому, сову(?). Из коллекции, доставленной Археол. Обществу А. А. Спицыным, из Вятской губ.

15. Птица того же типа, как и № 14. Размеры: 55+57 мм. Покрыта синеватой окисью. Голова круглая, с плохо выраженным клювом, обращённым вперёд. На туловище большая продольная, овальная, гладкая выпуклина. Хвост короткий, поперечно срезанный. Крылья широкие с поперечными, несколько вкось идущими (около 9), рёбрышками. В верхних углах крыльев по круглому сквозному отверстию.

16. Птица с подобными же распространёнными крыльями, но более отчётливой работы. Хвост наполовину обломан. Размеры: 40(?)+70 мм. Голова с явственными глазами и клювом, типа дневного хищника. Шея не выражена; под головой три ямки, средняя – овальная, боковые – круглые; в каждой из последних по небольшой круглой выпуклинке. Ниже, на туловище изображено человеческое лицо, врезанными чертами, с треугольно заострённым вниз абрисом, с глазами и носом. Под лицом ряд бороздок, изогнутых три вправо и три влево; ниже их начинается хвост с продольными рёбрами. Крылья широкие, той же формы, как у № 14, но с резко выраженными пятью продольными валиками. В верхних углах крыльев по круглому сквозному отверстию. Из Вятской губернии. Доставлена Н. Г. Первухиным.

17. Птица с подобным же образом распространёнными крыльями, но с двумя головами и иной отделки. Размеры: 78+110 мм. Головы разделены между собой промежутком в 15 мм.; глаза на них не обозначены, клювы острые и загнутые, обращены вперёд. На широкой, гладкой груди обозначено врезанными чертами, но рельефно, овальное лицо с сужённым кверху лбом и настолько же заострённым подбородком, с нависшими над глазами надбровными дугами и коротким, широким носом. Под изображением лица – врезанная поперечная борозда, загибающаяся на обоих концах вниз и оканчивающаяся, на каждом конце, четырьмя лучеобразными бороздками, – очевидно – изображение ног. За ногами следуют две резко выраженных, поперечных борозды, разделённых валиками, а за ними – хвост, округлённый на конце, имеющий посередине продольную гладкую полосу, а по бокам её по четыре борозды, разделённых валиками. Крылья прорезные и сделаны, каждое, из трёх двойных, слегка изогнутых жгутов, сходящихся к наружному, почти прямоугольному концу крыла. Доставлена Н. Г. Первухиным.

18. Птица о трёх головах; размеры 52–50 мм. Головы птичьи, с обозначенными глазами и кривым клювом. Туловище (под средней головой) – плоское, гладкое; в нижней части его два небольших продольных возвышения соответствуют ногам. За ними следует поперечный гладкий, плосковатый валик, а далее хвост, закруглённый на конце. По хвосту идут вдоль два плосковатых валика (продолжающих собой возвышения, соответствующие ногам), а по бокам их две жгутовидных полоски. Крылья, приходящиеся под боковыми головами, идут почти параллельно туловищу и имеют удлинённо-треугольную форму, суживаясь к кон-

цам. По каждому идут вдоль краёв и посередине три жгутовидных полоски. Из Вятской губ.

Таблица III.

19. Птица жёлтой меди; размеры: 66+96 мм. Голова с кривым клювом, обращённым вперёд. На груди изображение человеческого лица с глазами, возвышенным носом и ртом; выше лица три бороздки, дужками, обращёнными выпуклостью кверху, а ниже – три ломаных линии, обращённых углом вниз. Далее показаны ноги о трёх пальцах и следует хвост с продольными в середине и поперечными к краям зарубками. Крылья направлены в стороны и несколько вниз, затем загибаются под резким углом вниз и заострённым концом отогнуты снова в стороны. На крыле, двумя поперечными полосками, и по наружному краю обращённой вниз части показан плоский жгутовый орнамент. Из старой коллекции Мюнц-Кабинета Моск., Унив., переданной в Антропологический музей; неизвестно, где найдена.

20. Птица красной меди, разм.: 80+50 мм. Голова обращена косвенно вперёд и вправо, плохо выделана. Туловище, под крыльями, с небольшими округлёнными боковыми выступами, далее сжато с боков и выпукло по средней линии, а на уровне концов крыльев на нём обозначены (грубо) ноги. Хвост длинный (42 мм.), с неясным клетчатым орнаментом. На задней стороне туловища, против переднего его выступа, имеется также продольный выступ. Крылья узкие, отходят сперва в стороны, потом загибаются вдоль туловища; сделаны грубо, в виде ластов, и украшены, каждое, шестью поперечными узкими валиками. Под крыльями, в местах отхождения их от туловища, полуциркульные выемки. Найдена в Кыштимской даче на Урале и доставлена в Музей Казан. Общ. Естествоиспытателей А. М. Зайцевым.

21. Птица довольно грубовато выделанная; размеры: 58+50 мм. Клюв обращён вперёд, немного загнут, глаза не обозначены. Шея довольно длинная. Крылья отходят в стороны и вниз, почти под углом в 45°. На крыльях по 5–6 идущих косвенно вниз и внутрь нарезок. В верхней части крыльев по сквозному круглому отверстию. На груди, в обозначенном широкой бороздой, овал, рельефное лицо с грубо намеченными глазами, носом, ртом и узким подбородком. Ног у птицы не показано, хвост довольно длинный, слегка расширяющийся к концу и здесь поперечно срезанный. Найдена на чудском могильнике близ д. Грибятской, Бисеровской вол., Зюздино-Георгиевского прихода, Вятской губ. Доставлена А. Н. Шатровым. Колл. М. Арх. Общ.

22. Птица, несколько напоминающая головой ушастую сову (но уши отломаны). Разм.: 61(?)+55 мм. На груди изображение человеческого лица, с глазами и носом. Ниже показаны ноги птицы о трёх пальцах. Хвост с пятью продольными бороздами. Крылья обращены в стороны и вниз, потом загнуты под углом книзу, каждое с тремя продольными бороздами. Найдена, как и следующая, в Чердынском уезде, и принадлежит Казанскому Обществу Естествоиспытателей.

23. Птица вроде филина, с ушами и с коротким кривым клювом. Разм.: 52+57 мм. На груди лица нет. Ноги о трёх пальцах. Хвост гладкий, с едва заметными бороздками, крылья с 4–5 продольными бороздками. Верхние части крыльев представляют головы, обращённые мордами в стороны, с глазами и ушами, правая морда выделана явственнее и напоминает несколько лосиную. Из Чердынского уезда.

24. Птица особого типа, разм. 59+59 мм. Голова с клювом, повёрнутым влево, с глазом, но и с выступающим (на 6–7 мм.) затылком. Под клювом птицы

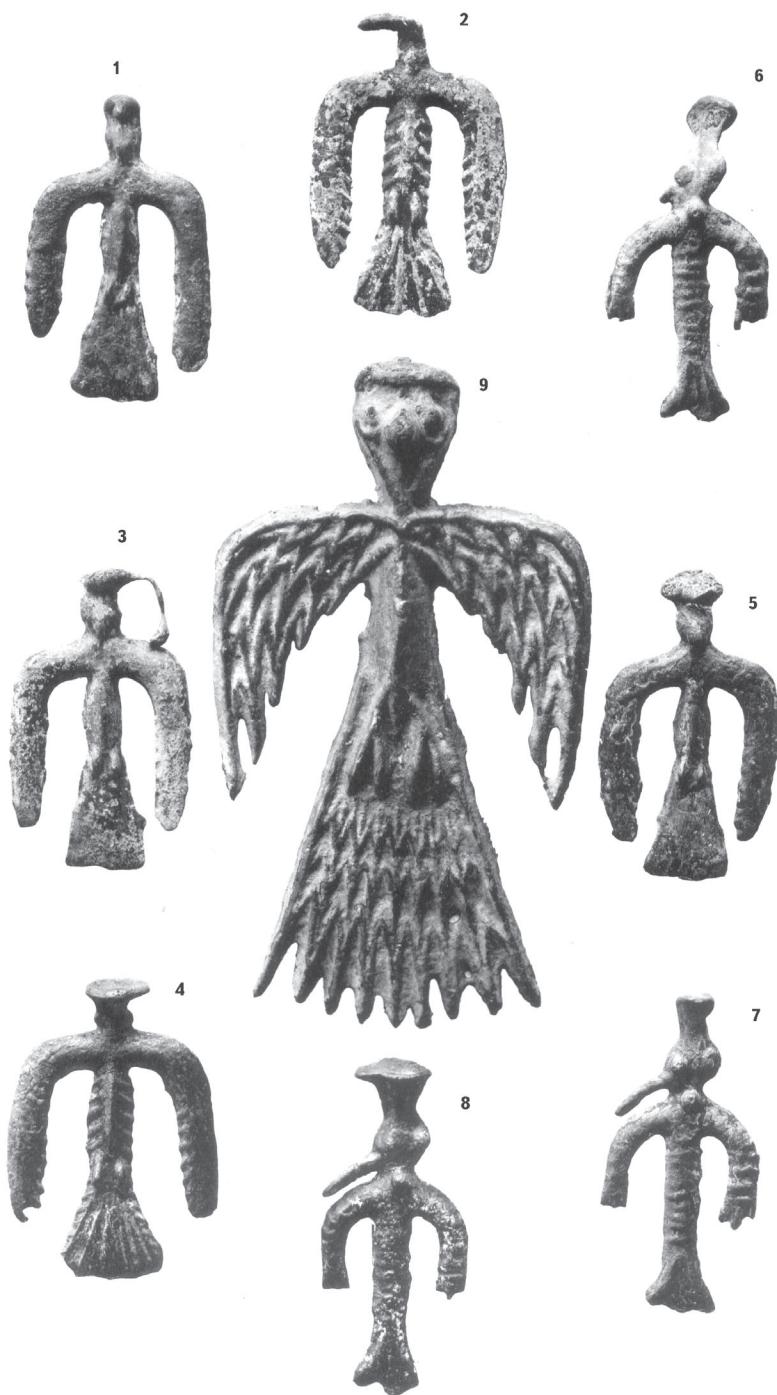
большое (10 мм.) круглое сквозное отверстие. Ниже его, на туловище, лицо с двумя глазами, носовой ямкой и ниже – ещё узкой треугольной ямкой. Далее книзу, на хвосте, пять, симметрично расположенных точек (маленьких круглых ямок), а ниже – неясные поперечные полоски. Крылья обращены в стороны и вниз, а потом загнуты под углом книзу, каждое с тремя глубокими продольными бороздками, разграниченными четырьмя рёбрами. Верхние части крыльев представляют головы зверей, обращённые мордами кверху; можно различить глаз, затылочную часть или ухо, и пасть с двумя челюстями, из коих верхняя на конце несколько загнута кверху. Клюв птицы приходится против разинутой пасти левого зверя.

25. Птица подобного же типа, как и № 23; разм. 54+53 мм. Голова с клювом, обращённым влево и несколько разинутым, причём он сходится с пастью зверя, голова которого изображена в верхней части левого крыла. Ниже клюва птицы – круглое сквозное отверстие (7 мм.): выше, между двумя половинками клюва – ещё маленькая дырочка. В верхней части правого крыла – зверя не изображено. На груди птицы – лицо с человеческими глазами и носом. Ниже его показаны ноги птицы, с лапами о 3-х пальцах; между ногами маленькая сквозная дырочка. Далее вниз идёт округлённый на конце хвост, большая часть которого занята, однако, двумя звериными головами. В каждой голове можно различить глаз, ухо (?) и разинутую пасть; пасти обращены кверху и приходятся против ног птицы, а уши (?) сходятся вместе по середине края хвоста. Крылья со многими продольными бороздками.

26. Птица-зверь, разм. 54+48 мм. Голова звериная, с пастью, повёрнутой влево и обращённой кверху и с большим глазом. Пасть несколько разинута; верхняя челюсть (с обозначенной на ней ноздрёй) длиннее нижней и концом несколько загнута кверху. На шее маленькими штрихами намечены две полукруглые линии. На туловище тонкими, слабо явственными линиями, обрисованы как бы очертания тела какого-то животного с коротким хвостом и двумя задними ногами (?); у левого края туловища имеются три, наискось идущие, глубокие короткие нарезки. Крылья небольшие, поперечные, треугольные, несколько изогнутые, каждое с тремя продольными бороздами. Хвост короткий, такой же почти формы, как крыло, и тоже с тремя продольными бороздками. При основании его, справа, есть маленькая круглая ямочка, а слева – имеется выступ, вроде лапы о трёх пальцах. Вообще, если эту птицу повернуть мордой вправо, то получается изображение какого-то крылатого зверя, причём тогда выделяется и ухо (при основании левого крыла) и задняя лапа (а передняя, может быть, представлена тремя нарезками у левого края туловища, который, соответствуя тогда брюшной стороне, является несколько более выпуклым, чем противоположный, спинной).

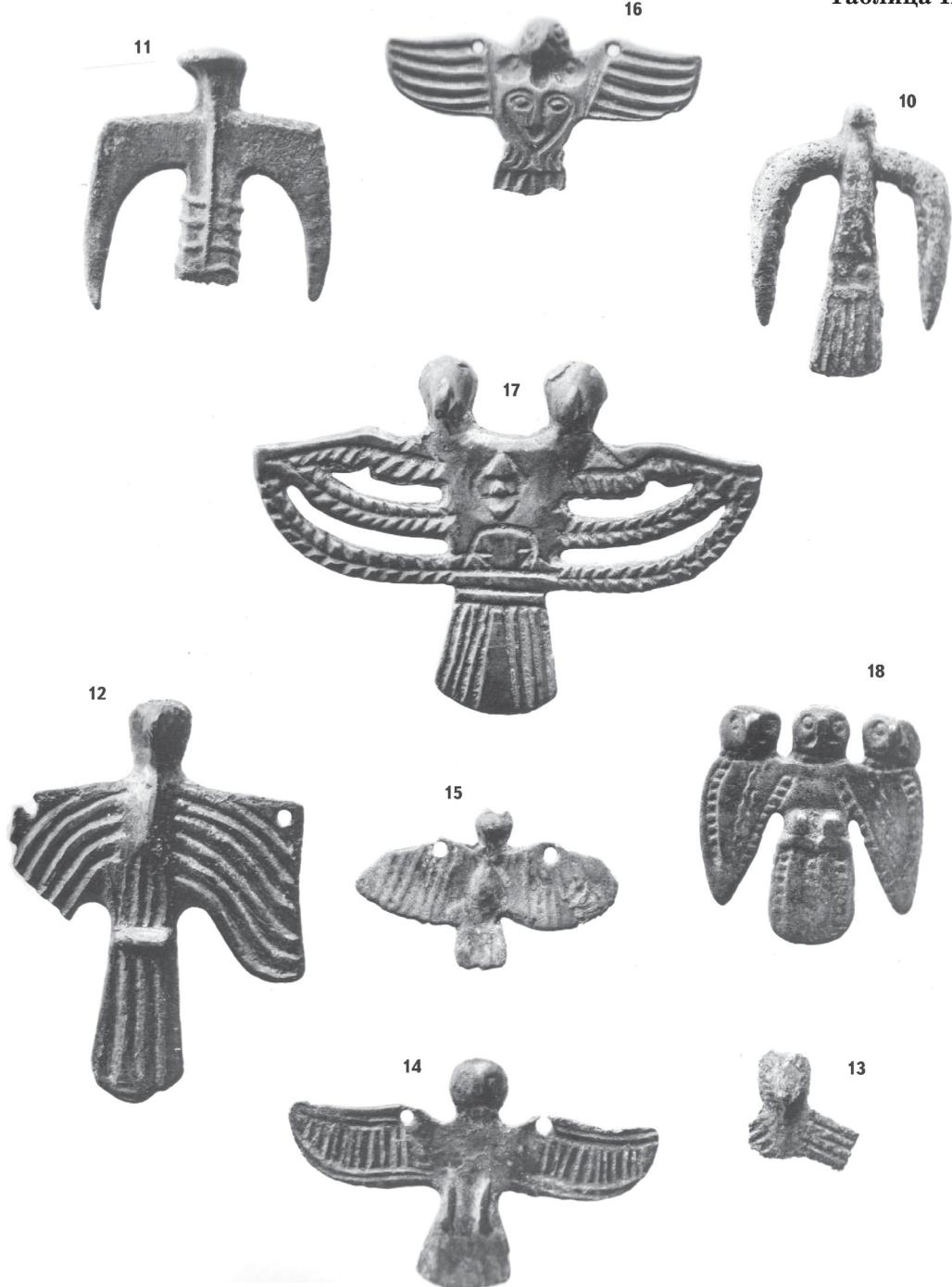
27. Большая птица-зверь; разм. 142+145 мм., из довольно тонкой пластины. Голова звериная (или змеиная?), повёрнутая вправо и обращённая вверх; видны – овальный глаз, ноздря (разорванная) и рот. Шея довольно длинная с двумя поперечными узкими валиками. На груди такие же два валика, сходящиеся посередине и продолжающиеся по средней линии туловища одним продольным валиком. Ниже последнего овальная поперечная ямка, а ниже её от краёв тела отходят два длинных (15 мм.) и узких выроста – ноги (?). Хвост до 50 мм. длиной, гладкий, плоский, несколько суживающийся и на конце оканчивающийся развилкой, т. е. двумя узкими несколько изогнутыми выростами. Крылья довольно узкие, направлены слабой дугой в стороны и заострены к концам; по каждому пять поперечных узких валиков.

Таблица I.

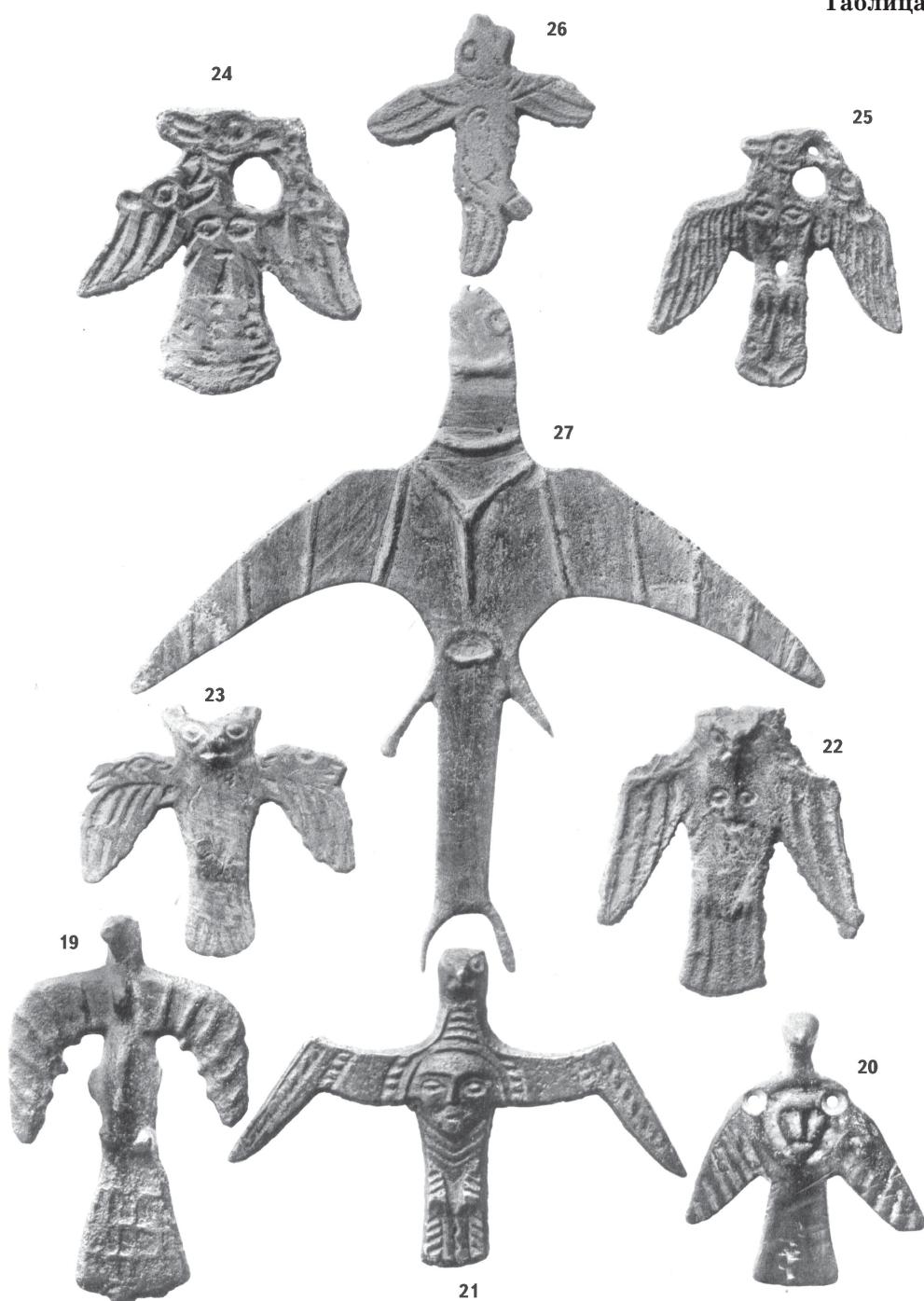
Чудские изображения летящих птиц (и зверей).

Таблица II.

Чудские изображения летящих птиц (и зверей).

Таблица III.

Чудские изображения летящих птиц (и зверей).

Алексей Семёнович Сидоров (1892–1953)

В этом году исполняется 120 лет со дня рождения А. С. Сидорова, этнографа, фольклориста, лингвиста, человека энциклопедических знаний. А. С. Сидоров родился в с. Палевицы 28 сентября 1892 года. Он учился в обычной сельской школе, затем в двухклассном училище в Палевицах, закончил Тотемскую учительскую семинарию, Вологодский учительский институт. Исследовательская деятельность А. С. Сидорова началась в 1911–1915 гг., в период его работы учителем в д. Кони на Выми. Он записывает фольклор жителей деревни, собирает этнографические

сведения. После революции А. С. Сидоров становится одним из организаторов и руководителей общественного движения «Коми войтыр», некоторое время возглавляет отдел народного образования Яренского уездного комиссариата, ведёт преподавательскую деятельность. С конца 1920 года А. С. Сидоров живёт в Усть-Сысольске, он является одним из организаторов и руководителей Коми государственного пединститута, по его инициативе в мае 1922 года создаётся Общество изучения Коми края (ОИКК). В эти годы он активно занимается научной работой, преподаёт в институте, редактирует краеведческий отдел журнала «Коми му». В 1926 году А. С. Сидоров проходит стажировку в Институте языка и мышления АН СССР и Академии истории материальной культуры, с 1929 г. преподавал в Ленинградском пединституте, в 1932 г. вернулся в Сыктывкар, работал в Коми пединституте. В 1920-е годы в журнале «Коми му» выходят его работы, посвящённые исследованиям в области этнографии и фольклора коми народа, археологии Коми края. В сфере его интересов оказываются религиозные верования, обряды и обычаи, сказки и легенды коми народа, предметы Пермского звериного стиля. В 1928 году в Ленинграде вышла монография «Знахарство, колдовство и порча у народа коми», написанная на основе материалов, собранных в 1918–1926 гг. В 1934 году А. С. Сидоров уезжает в Ленинград, а в 1937 году его арестовывают по обвинению в «буржуазном национализме» и «контрреволюционной деятельности в культурном строительстве». На свободу он выходит в 1940 году, некоторое время остаётся в Ленинграде, но в 1941 году переезжает в Коми АССР. С января 1942 года А. С. Сидоров работает в Коми научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и фольклора при Наркомпросе Коми АССР. После освобождения из лагеря А. С. Сидоров фактически не занимается этнографией, перейдя к изучению более «нейтральных» в политическом отношении проблем языкоznания (защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации). Его этнографические и фольклорные материалы, собранные им в 1918–1930-е гг. в большей своей части остались неопубликованными. Небольшую их часть использовал Ф. В. Плесовский в монографии «Свадьба народа коми» (Сыктывкар, 1968). 21 марта 1953 г. А. С. Сидоров скончался и был похоронен в Москве.

Журнал предлагает вниманию читателей одну из наиболее интересных статей А. С. Сидорова «Идеология древнего населения Коми края», в которой он дал описание и интерпретацию всех известных на то время образцов пермского звериного стиля. Надо полагать, что А. С. Сидоров первым из исследователей определил космогоническую семантику некоторых сюжетов изображений пермского звериного стиля.

Идеология древнего населения Коми края*

Для характеристики идеологии древнего населения Коми края, пережившего поздние этапы развития материнского рода и начальные стадии разложения первобытнообщинного строя, служат довольно многочисленные предметы так называемого звериного стиля.

Под пермским звериным стилем принято понимать предметы главным образом металлические – медные, бронзовые, иногда серебряные и др. – изображающие различных животных, зверей и фантастические существа, иногда в сочетании с человеческими фигурками, приуроченные основной своей массой к территории древней Перми.

На современной территории Коми АССР изображения пермского звериного стиля находились в разных местах в виде отдельных предметов и в кладах. Известны клады с Ухты, с Сопляса, с Унни, с Подчерьем; отдельные предметы с Яреньги (Тохта), с д. Дон Усть-Куломского района, с д. Эжол Усть-Вымского района, из с. Куратово Сысольского района, из д. Оранца (по Печоре) и др.

Хронологически предметы пермского звериного стиля охватывают период времени, включая всё первое тысячелетие и начало второго тысячелетия нашей эры. Период наибольшего развития падает на вторую половину первого тысячелетия н. э.

Некоторые предметы пермского звериного стиля имеют вид полых, литых из меди или бронзы фигур птиц или животных. Эти предметы в верхней части имеют отверстие для продевания шнура. Некоторые фигуры включены в состав трубочки, через которую также проходил шнур. Полые фигуры первого рода служили подвесками к одежде, фигурки в составе трубочки являлись пронизками к шнуркам, на которые надевались металлические принадлежности. Другие фигуры сделаны в полурельефном стиле.

Третья группа предметов имеет вид плоских металлических блях, обычно литых, ажурных, с изображением отдельных животных, человеческого лица, иногда человеческих фигур, даже целых художественных композиций с мотивом езды, обычно на каком-то фантастическом животном. Но и эти бляхи часто имеют приспособления для подвешивания или в виде ушка в верхней части бляшки, или в виде скобочки на обратной стороне, или в виде специальных отверстий в верхней части, симметрично расположенных относительно центра тяжести, а то в виде отверстий, оставлявшихся в удобном для подвешивания месте при литье

* Из книги «Этнография и фольклор коми». Труды Института языка, литературы и истории, № 13. Стр. 10–23.

плоских фигур на ажурных бляшках. Нужно думать, что также и эти плоские бляхи, независимо от сложности своей композиции, куда-то подвешивались. Если поделки первого рода, полые фигуры зверей и животных, составляли предметы индивидуального владения, обслуживали личные нужды владельца и после смерти владельца клались вместе с ним при погребении, то предметы второй и третьей группы, т.е. изображения на бляшках и полурельефные фигуры, никогда не находились в погребениях, кроме коньковых подвесок. В Вятско-Камском бассейне, более исследованном в археологическом отношении по сравнению с территорией Коми АССР, предметы звериного стиля на плоских бляхах находились на костицах, городищах и жертвенных местах (Гляденовское костище, костище Подбобыки, Пижемское и др.).

Это говорит о том, что предметы второй и третьей группы, по-видимому, являлись принадлежностями отправления родово-племенных церемоний, празднеств и религиозного культа, совершившихся на специальных кереметицах, городищах и культовых местах, подобных упомянутым в Камском бассейне.

Предметы пермского звериного стиля представляют собой благодарный материал для раскрытия норм мышления и идеологии населения, обитавшего здесь в условиях материнского рода и начала разложения первобытнообщинного строя и становления патриархального общества.

Изобразительные сюжеты, представленные на поделках пермского звериного стиля, воплощены в большинстве случаев в зооморфные образы. Процесс антропоморфизаций выражен в них ещё в незначительной степени. Даже тогда, когда на предметах пермского звериного стиля выступает человеческая фигура, даже и в этих случаях она обладает ещё какими-нибудь животными чертами. Это говорит об определённом мировоззрении людей этого времени, мыслявших ещё категориями, свойственными первобытнообщинному строю. Воплощение сюжетных схем в животные формы объясняется тем, что мышление людей, обладателей этих предметов, имело синкретический характер. Культура и экономика этого времени находилась ещё на такой ступени развития, что люди слабо выделяли себя из природы, из животного мира.

Таким образом, можно предположить, что процесс антропоморфизаций мифологических представлений, проявляющийся в предметах пермского звериного стиля, был непосредственно связан с перестройкой форм общественной жизни, с переходом от матриархального строя к патриархальному, когда совершился значительный перелом и в хозяйственной, и в общественной жизни, и, следовательно, в идеологии в сторону более высокого развития. Мы находим, что в основе сюжета изображений на предметах пермского звериного стиля лежат местные космогонические и генеалогические мифы – миф о солнце, о мироздании и о прародительнице, – уходящие своими составными элементами в далёкое прошлое местного края¹.

¹ Что касается производства литых бляшек этого стиля, то в первом тысячелетии литейное дело существовало и в Вятско-Камском и Вычегодском бассейнах. В 1925 г. А. П. Смирновым были обнаружены фрагменты литейного тигля на Ванвиздинской стоянке, здесь же около стоянки местным населением были найдены и характерные предметы этого пермского звериного стиля (полые медведки). В коми языке существует термин для формы литья лу, вымское устьтан. Гриб на берёзе, который употребляется в литейном производстве, назывался усьтан тшак – «гриб литейной формы».

Из изображений животных на предметах пермского звериного стиля имеются: медведь, лось, соболь, бобёр, конь, заяц, орёл, лебедь, гусь, утка, гагара, рыба, фантастические звери и птицы, иногда имеющие несколько голов. Часто вместо изображений целого животного приводится только его голова; головы животных иногда нереальным образом соединяются друг с другом, образуя странные сочетания фигур.

В сюжетных композициях на груди птицы, лося или на теле медведя иногда выступают глаза и рот или человеческое лицо в целом, а то вся человеческая фигура, или даже группа людей.

Встречаются композиции взрослой человеческой фигуры в сочетании с детской фигурой. Центральная фигура человека может сопровождаться другими фигурами взрослых людей, часто симметрично расположенных по ту и другую сторону центральной фигуры по одной или по нескольку в ряд. Человеческие фигуры почти всегда имеют свои животные атрибуты: или над головой человека добавляется голова животного, или голова животного приурочена к плечу или к какой-нибудь другой части человеческого тела, чаще к конечностям.

В некоторых случаях сама человеческая фигура имеет звериную голову, но чаще на человеческих лицах, поставленных в профиль, выступает непомерно выдвигающийся вперёд острый нос, от чего человеческое лицо принимает форму животной морды или птичьего клюва. Ноги человека обычно бывают трёхпалыми. Трёхпальые ноги и руки характерны для центральных фигур. На месте рук иногда выступают крылья.

На груди человека бывает какой-то значок в виде уголка или фигурки, которой дети изображают птичку. На бляхе, приводимой А. А. Спицыным из Чердынского округа, на груди двух симметричных человеческих фигур, сопровождающих центральную фигуру в виде отдельного человеческого лица, изображено солнце и луна; на одной – солнце в форме двойного кружка с восьмью расходящимися лучами, а на фигуре, сопряжённой с первой, – луна в форме такого же кружка, но без лучей.

Центральными фигурами, изображающими солнце, равно и прародительницу людей, в предметах пермского звериного стиля выступают птица, лось, медведь, иногда рыба, также собака, конь.

Представителем подземного мира, сопряжённым с фигурами первого рода, обычно является какое-то фантастическое «ящеровидное» четвероногое животное; иногда появляется бобёр, рыба и, по-видимому, некоторые другие животные.

Одной из основных центральных животных фигур на бляшках звериного стиля бывает птица. Из конкретных видов птиц фигурируют следующие: ласточка, сова, утка, какая-то хищная птица, орёл или сокол, и какая-то кричащая ушастая птица, всегда изображающаяся с раскрытым клювом.

Различные разновидности птиц в качестве прародительницы и олицетворения неба, по-видимому, принадлежали различным родовым группам населения.

В этой связи следует остановиться на одной бляшке из Ухтинского клада. На этой бляхе прародительница изображена в виде фантастической кричащей ушастой птицы, обращённой влевую сторону. Представитель подземного мира показан в лице какого-то неопределённой формы двухголового существа. Сама птица довольно фантастического вида, но в изображении её есть одна реальная черта: это расположение ног птицы на самом конце туловища. Таким реальным признаком обладает гагара.

В основе образа этой мифологической птицы, по-видимому, как раз была гагара. Голос гагары у коми, так же как и у народа ханты, считается веющим, и по нему стараются узнать изменение погоды. Постоянный крик является характерной чертой гагары. Стонущий голос гагары, похожий на плач ребёнка, по народным повериям, предвещает на сенокосе ухудшение погоды и наступление ненастя, а отрывистое карканье – ветреную погоду.

По легенде, записанной А. С. Сидоровым в 1913 году в д. Кони на Выми, гагара родилась от плевка **ена «бога»** и участвовала в создании мира, как двойник-антагонист **ена омёль**. В легенде говорится, что гагаре удалось достать со дна безбрежного моря три песчинки. Её товарищ **ен** создал из них землю, человека и всех полезных и добрых существ, а **омёль** дал только отверстие от воткнутого кола. Из этого отверстия, по другой легенде, **омёль** вывел в дальнейшем всякую вредоносную тварь.

В изображениях птиц с полураспущенными крыльями на поделках пермского звериного стиля в большинстве случаев отмечаются женские половые признаки и этим самым подчёркивается их место среди мифологических образов, как прародительниц общества, построенного на матриархальных началах.

В одном из вариантов этого космогонического мифа у коми рассказывается о праматери утке **чёж**, снёсшей шесть яиц, заключавших в себе зародыш будущего мира. Четыре из этих яиц были поглощены морской пучиной, а из двух последних утка **чёж** вывела птенцов, **ен** и **омёль**. Впоследствии **ен** и **омёль** достают со дна моря оброненные яйца, которые будучи разбитыми о тело матери дают начало солнцу и луне, добрым и злым духам, а само тело утки **чёж** разрастается в длину и ширину, покрывается лесами, зеленью и цветами. Так создаётся, по этой легенде, первородная земля, которой **ен** и **омёль**, принявшие человеческий облик, действуя наперекор друг другу, придают современный вид.

В этой легенде исключительно ярко отразились мифологические представления отдалённейших предков коми-зырян о том, что в основе не только человеческого общества, но и самой природы лежит материнское (женское) начало.

На территории Коми АССР среди находок с могильника XIII века «Гидсай яг» имеется деревянная подвеска в виде уточки; бронзовая уточка на медной пластинке найдена в д. Картасикт Куратовского сельсовета. Вместе с тем изображение утки в виде больших деревянных чаш, солонок и ручек деревянных ковшей является одним из наиболее популярных и традиционных мотивов в изобразительном искусстве современных коми. В обско-угорской мифологии прародительницей фратрии «мощ» выступает гусыня (зайчиха) Калтащ. Поэтому есть основания предполагать, что в эпоху матриархата утка являлась объектом тотемистического культа и, возможно, выступала в роли прародительницы —totема рода или фратрии. Следовательно, образ птицы — созидательницы мира, олицетворявшей собой солнце и, возможно, небо, совмещает в себе и образ прародительницы рода, выраженный в идеологических формах матриархата.

Другим олицетворением прародительницы рода, возможно, и племени, на поделках пермского звериного стиля выступает лось с его характерной изгибающейся книзу мордой. Композиции с изображением лося в ряде случаев повторяют те же сюжетные мотивы, какие имеют место в изображениях с птицами, но обычно в более развёрнутой форме.

У лося, как и у птицы, подчёркивается признак женского пола: лось на пермских бляшках изображается всегда без рогов. А безрогость, как известно, является признаком лося-самки.

Далее, лось, как и птица в геральдическом положении, часто имеет три головы, на груди лося, как и у птицы, появляется иногда изображение человеческого лица, антропоморфное изображение солнца.

Таким образом, лось, как и птица, представляется на изображениях матерью солнца, прародительницей мира и людей, т.е. в зооморфном образе женщины, характерном для матриархального общества.

Сюжетные изображения с лосем, представляя собой некоторую параллель с изображениями, в центре которых находится птица, дают более развёрнутые и сложные композиции: вместо человеческого лица иногда бывает представлена человеческая фигура (мужская), лосиная же форма сохраняется при этом или в качестве придатка к голове или в качестве придатка к другим частям тела человека; иногда голова человека получает обрамление в виде лосиных голов, а то центральная фигура человека (мужская) оказывается в сопровождении двух или более женских фигур, сохраняющих некоторые лосиные черты. Вся композиция бывает представлена обычно едущей в западном направлении, т. е. в направлении видимого суточного движения солнца.

Всё это заставляет предполагать, что лосиный мотив лежал в основе идеологии какого-то племени, обитавшего в Вычегодском и отчасти Печорском бассейне во второй половине 1 тысячелетия нашей эры. Мотив же кричащей птицы, переплетающейся с мотивом лося, сигнализирует о неоднородном и сложном уже составе населения этого времени на территории Коми края.

О такой неоднородности говорит и то обстоятельство, что иногда лось и человеческие фигуры, связанные в своём развитии от лося, осложняются фигурой кричащей птицы, как наиболее отдалённого предка, иногда же, наоборот, фигура кричащей птицы осложняется лосиными головами, которые, очевидно, осмысливались в аналогичном плане.

По повериям ханты, лось был взят Торымом на небо, и с тех пор появились небесные лоси, на которых Торым сам может охотиться. Большая медведица по-хантыйски называется **курынг вой хэс** — «звезда лося».

Из других животных, олицетворяющих прародительницу в сюжетных композициях пермского звериного стиля, встречается медведь.

Медведь, несомненно, играл почётную роль в первобытных представлениях у предков коми. Характерными с точки зрения зооморфности мифологических представлений являются охотничьи обряды, практиковавшиеся у некоторых охотников коми в дареволюционное время. Медведи представлялись существами, понимающими человеческую речь, голову медведя с почётом хоронили и пр.

На космогоническую тему имеется (в составе Ухтинского клада) одна интересная бляшка: в качестве центральной фигуры, олицетворяющей небосвод, выступает свернувшееся животное, по-видимому, собака.

Это животное изображено в неподвижном состоянии. Подземное животное изображено с двумя головами, обращёнными в разные стороны в симметричном положении. Идея борьбы выражена тем, что свернувшаяся собака кусает какого-то зверя. Антропоморфное изображение солнца представлено в виде трёх

человеческих голов, обращённых направо. В связи с этим интересно отметить, что у ненцев собака считается священным животным.

Также выделяется бляшка из Ухтинского клада, где олицетворением прародительницы вместо лосиной головы представлена гигантская рыба, служащая зооморфным дополнением человеческих фигур.

Таким образом, в предметах пермского звериного стиля в качестве центральной мифологической фигуры, творца мира и прародительницы человеческого общества выступают пять зооморфных предков: птица, лось, медведь, собака и рыба. Каждое из них было свойственно, по-видимому, каким-то отдельным частям населения (роду, фратрии, племени). Ведущей социальной группой, бесспорно, была фратрия (племя) лося, как социальной группы, аборигенной для лесной полосы этого района, культурно-исторические традиции которой идут ещё со времени неолита.

Намного позднее в качестве ещё одной ведущей мифологической фигуры, олицетворяющей солнце, появляется конь.

Ещё в Подчерьемском кладе, относящемся к концу первой половины первого тысячелетия н. э., есть несколько привесок-коньков. В Вычегодском бассейне ранние изображения конского мотива пока неизвестны. Лишь в женском погребении конца VIII века, раскопанном в 1851 году С. Мельниковым около г. Сыктывкара, была найдена коньковая подвеска с двумя конскими головами, обращёнными в разные стороны от центральной человеческой фигуры. Две конские фигуры подвесок этого типа соответствуют двум лосиным головам из композиций на пермских бляшках. Эта коньковая подвеска изображает солнечный миф. Образ солнца-лоя заменяется здесь образом солнца-коня.

Конские мотивы под названием **чиби** в дальнейшем становятся излюбленными мотивами народного искусства коми в течение целого последующего тысячелетия вплоть до современности, наряду с мотивом утки. Они были и в составе женской одежды по могильникам первой половины второго тысячелетия, и в современной хозяйственной утвари (солонки), и в детских игрушках, и в родовых знаках-пасах, и в украшениях дома (**конюк лабич** «скамейка с коньком»), и в оформлении двускатной крыши, на охлупнях и пр.

Насколько устойчиво сохранялась древняя племенная идеология в орнаментальных мотивах предметов обихода, в изобразительных элементах свидетельствует одна сценка в свадебном маскараде **чумич**, которую можно было наблюдать на девичниках в с. Палевицы ещё в недавнее время. Эта сценка по своему содержанию полностью соответствует сюжету коньковой подвески X века, и без неё она была бы совершенно непонятна.

Сценка состояла в том, что два человека изображали лошадей наподобие двухглавой лошади, представленной на коньковой подвеске. Для этого два человека становились спиной друг другу, привязывались один к другому, затем брали в руки по конской дуге и наклонялись к полу, постукивая при передвижении концами дуги по полу. На средину связанный двойной фигуры сверху садился голый мальчик и кропил присутствующих веником. Сопоставляя эту сценку маскарада **чумич** с изображениями солнечного круга, мы не можем не признать в ней ту же сюжетную композицию, которая описана была в поделках пермского звериного стиля. Голый мальчик не кто иной, как солнце, а сиденье на двух наклонившихся в противоположные стороны других действующих лиц — конские зооморфные фигуры матери солнца, заменившие собой лосиные её формы.

Немаловажное значение с точки зрения развития форм общественной жизни представляет собой двойник основной мифологической фигуры, изображавшийся в нижней части предметов пермского звериного стиля. Этот двойник ведёт своё происхождение от тех же основных центральных мифологических фигур, лося, рыбы и др. В дальнейшем, по мере разложения первобытнообщинного строя, выделяются как представители подземного мира животные, по преимуществу связанные с водной стихией и с миром пресмыкающихся.

В первом тысячелетии нашей эры по предметам пермского звериного стиля в качестве такой фигуры выделилось особое, фантастического вида, животное, которое в археологии получило название ящеровидного животного. Это животное становится антагонистом солнца, представителем враждебного начала, родоначальником зла, мрака и смерти. Циклические движения солнца представлены на пермских бляшках в большинстве случаев как путешествие на запад на этом фантастическом животном (возможно, что это путешествие не добровольное, а вынужденное, в результате похищения).

Фантастическое подземное животное хорошо представлено в скульптурной группе из Ухтинского клада. Это фантастическое животное имеет длинное массивное туловище, посередине свисающее вниз, и очень короткие ластообразные ноги. Голова оканчивается острой мордой с большой разинутой пастью (нижняя челюсть животного в поделке сломана). На темени показан одиночный большой рог.

На одной из блях Подчеремского клада животное, на котором едет человеческое существо, имеет вид бобра с характерным для него широким хвостом.

На одной фигуре из Сопляса представитель подземного мира изображён в виде рыбы, на которой расположены семь человеческих существ, обращённых на запад.

В связи с этим не лишено значения указание Д. А. Красова о том, что на Верхней Вычегде раньше не ели щук, считая их погаными. По сообщению же В. В. Сенкевич-Гудковой, у казымских ханты некоторые старики и теперь не едят щук и считают, что «щука — это не рыба, а какое-то особое существо». У них же существует поверие, что щука не умирает, а уходит в подземный мир. В одной из сказок, сообщает она, щуку называют другом подземного демона «куля»¹.

Таким образом, «ящеровидная» фигура многообразна, но в большинстве случаев она была связана с водными животными или с пресмыкающимися.

Определённое отношение к пермскому звериному стилю, и в частности, к семантике «ящеровидного» животного, имеют поверия у коми, связанные с ящерицей. Ящерица считается поганой, обладающей сверхъестественной силой. Если разорвать её пополам, то отдельные части будто бы могут срастаться. Уничтожение ящерицы считалось у суеверных людей добродетелью.

Космогонический характер воззрений, связанных с ящерицей, выступает из следующих поверий. Ящерица во всех случаях противопоставляется солнцу. Поэтому, когда её убивают, суеверные люди рекомендуют прищемлять её в расщеп надтреснутой палки и выставлять для просушки на солнце, иначе ящерица будто бы не умирает. При этом разрешается ставить ящерицу на высоте, не превышающей колени человека, в противном случае будто бы она с злорадством сообщает солнцу, что человек её, ящерицу, почитает в большей мере, чем его, солнце. Не рекомендуется также называть её настоящим именем **сісь гаг** «гнилой червь», а больше подходит для неё название **дзодзув**. При назывании её собственным именем **сісьгаг ящерица**

¹ Сборник Музея антропологии и этнографии, 1949, XII.— Стр. 159.

будто бы сообщает солнцу, что человек называет её крестным отцом. Тринадцать названий для ящерицы, зарегистрированных в «Коми-русском словаре» издания 1924 г., указывают на то, что и многие другие названия ящерицы когда-то были под запретом. Поверия, связанные с ящерицей, как животным, олицетворяющим подземный мир, до сих пор живы также в горнозаводском Приуралье. Древнейшее представление о «хозяйке Медной горы», имевшей вид ящерицы, вплетено в прекрасный фольклорный сюжет и нашло применение в сказе Бажова «Хозяйка Медной горы».

Подытоживая сюжетный анализ поделок предметов пермского звериного стиля, мы видим, что в этих поделках с большей ясностью отражена идеология населения Коми края, жившего в условиях материнского рода с его тотемическими традициями. В них же отражён и процесс разложения первобытнообщинного строя, переход материнского рода в отцовский. Этот переход в идеологии выразился, во-первых, в появлении сложных сюжетов об образовании мира, в легендах о предках-покровителях рода и во враждебных этим покровителям антагонистах, во-вторых, в антропоморфизации мифологических фигур и, в-третьих, в замене центральных женских, обычно зооморфных, мифологических образов мужскими, антропоморфными, образами.

В недрах общественной жизни совершившиеся исторические процессы появления патриархальных начал на место матриархальных осмыслились в идеологии на предметах пермского звериного стиля как смена поколений, как своего рода ниспровержение старого поколения, поколения женских мифологических существ, и как торжество нового поколения, поколения мужских мифологических существ.

Выше были приведены факты, по которым можно утверждать, что птица, лось, конь как олицетворение солнца, представлялись существами женского пола.

Идея о лосе-самке, матери солнца, хорошо выражена в поделках из Уньи. Здесь тот же солнечный миф, сюжет езды на ящероподобном животном представлен на трёх бляшках ещё в зооморфном виде. Едущее на запад существо не имеет никаких человеческих черт, за исключением лишь того, что оно стоит на двух ногах. В остальном оно имеет вид лося. На груди у лося изображена маленькая голова другого лося (детёныша).

В связи с этим следует отметить, что представление о солнце, как о животном, сохранилось в лексике печорского диалекта: вместо того, чтобы сказать: двигаться «по солнцу» или «против солнца», говорят: **шонді гён пуджыд** «против шерсти солнца» или **шонді гён нылыыд** «по шерсти солнца». Таким образом, в поделках из Уньи налицо прародительница-мать и дитя, имеющие одинаково животную форму.

Можно утверждать, что на пермских бляшках звериного стиля изображались обычно мать и сын, быть может, первоначально дочь: **шунды мумы** (удмуртское) «мать-солнце» или «мать солнца» (что одно и то же) и **шонді зон** «сын солнца» (из коми сказок), а не отец и не муж. Характерно, что в коми литературном языке эпитет «солнце» может придаваться в парных сочетаниях только матери, но не отцу: так, можно сказать: **шондій-мамой** «солнышко-матушка», но не **шондій-батьёй** «солнышко-батюшка».

Среди изображений на предметах пермского звериного стиля нет ни одного, где бы предок был изображен в виде мужчины. Во всех случаях мужская фигура приводится в сопровождении прародительниц-женщин или самок животных.

С другой стороны, в изображениях на предметах пермского звериного стиля

нет ни одного, где бы человеческая фигура выступала в своём естественном виде. Во всех случаях так или иначе подчёркивается её животное происхождение.

На громадном большинстве блях олицетворение солнца, например, представлено в виде человеческой фигуры, но то или иное сопричастие с животной фигурой остаётся.

На некоторых бляхах над головой остаётся изображение голов птиц, как напоминание о предшествующей животной фазе представлений о солнце. Так, кричащая ушастая птица увенчивает головы человеческих фигур на одной из блях Ухтинского клада.

В большинстве же случаев в качестве эмблемы над головой человека-солнца или кругом его головы в виде обрамления на пермских бляхах изображается голова лося.

Лосиная эмблема солнца в пермских антропоморфных фигурах доминирует над птичьей. Однако птичьи черты остаются в изображении деталей человеческой фигуры так же, как и черты лося.

На некоторых человеческих фигурах вместо рук изображены крылья, на других фигурах с одной, правой стороны — человеческая рука, а с другой, левой — крыло; иногда человеческая рука, одна или обе, дополняется крыльями.

В тех случаях, когда у антропоморфной фигуры показана рука, кисть руки имеет вид трёх расщепов; следовательно, она трёхпалая. Лишь на одной бляшке из Подчерьемского клада на руке изображены четыре пальца. Ноги у центральной фигуры показываются также трёхпальми, т. е. птичьими. В ряде случаев вместо обеих ступней человеческой фигуры изображается лосиная голова. В других случаях одна нога человеческая (трёхпалая), а другая на месте ступни имеет форму лосиной головы. В ряде случаев антропоморфные фигуры показаны двухпальми, совершенно так же, как бывают показаныкопыта лося. С лосинымикопытами обычно показываются и те женские фигуры, которые сопровождают центральную антропоморфную фигуру. В коми фольклоре пока не выявлены соответствующие образы, но у казымских ханты в фольклоре сохранился мотив, который вполне соответствует воззрениям на лося, отражённым на пермских бляхах. По устному сообщению В. В. Гудковой, герой одной хантыйской сказки женится на дочери лесного великана *менко*, которая помогла ему в борьбе с богатырями. Но у ней одна нога была лосиной и длиннее другой ноги, так что она даже не вмещалась в юрте, высывалась из неё, когда та ложилась в юрте спать. Однажды муж отрубил высывавшуюся из избы лосиную ногу своей жены, после чего на месте отрубленной ноги выросла уже человеческая нога, — и муж с женой после этого зажили вполне счастливо.

Из этой сказки мы видим, что, во-первых, лосиную ногу имеет женщина, во-вторых, она дочь лесного великана (лесного духа), в-третьих, она покровитель героя, в-четвёртых, герой уничтожает в женском мифологическом образе последний признак звериного её облика.

В одной хантыйской песне в честь лесной богини говорится: «Дочь лесного, дочь лесного бога, вот она стоит! Одна нога — лосиная, другая — человеческая».¹

Животные черты, по-видимому, птичьи, сохраняются в пермских поделках и в передаче у человека носа, всегда непомерно длинного, острого. Примечательно, что на медвежьих праздниках у сосьвинских манси существуют игры в берестяных масках, причём носы на этих масках также сделаны непомерно большими.

На пермских бляхах звериного стиля мы видим переход от женских образов к мужским. Об этом говорит одна из блях из Подчерьемского клада. Эта женская фигура в длинной одежде имеет неестественно вывернутую голову, с лицом, обращённым назад и кверху. Нет сомнения, что вывернутое лицо женщины имитирует никак не бороду, как думал В. А. Городцов², а неполную фазу луны. Женское начало в мифологических представлениях в первую очередь было вытеснено из антропоморфного образа солнца, а луна продолжала восприниматься в образе женщины.

Таким образом, в этих развёрнутых композициях звериного стиля наблюдаются уже поздние формы мифологических представлений, в значительной мере антропоморфизированные. Но животные их черты восходят к тотемистическим представлениям.

Предметы звериного стиля могли являться знаками родовой принадлежности, употреблявшимися на родоплеменных церемониях и празднествах. В этой мысли нас убеждают следующие факты: нахождение этих знаков на городищах, костищах, кереметищах, а также в кладах, принадлежавших, очевидно, большой родственной организации; космогоническое содержание сюжетных композиций, связанное с древними преданиями о предках-прародительницах; параллели в свадебных маскарадах, кровавых жертвоприношениях при церквях; аналогии в племенных празднествах, известных у соседних народов ханты и манси.

Ещё в недавнее время в нижневычегодских погостах у коми приносились кровавые жертвоприношения при церквях: в Ильин день резали быка и баранов, в Покров день — нетеля и овец (соответственно полу «святого»).

Характерно, что сохранилось предание о том, что раньше около святилища резали оленя, который будто бы добровольно приходил на заклание с Вишеры.

На хантыйских медвежьих праздниках и на праздниках в честь Торыма совершали кровавые жертвоприношения и приносили разного рода другие дары. Сначала обряжали истукана, затем участвующие на празднестве устраивали пиршество, татуировались, одевали маски и организовывали игры и представления.

На основании отдельных обломков старых обычая можно реконструировать празднества, с которыми, по-видимому, были связаны пермские медные бляхи с мифологическими сюжетами. На кереметище стоял истукан; приблизительный вид его мог быть таким, каким изображена человеческая фигура из Ухтинского клада, или таким, какой был доставлен в Коми республиканский музей из одной пещеры в верховьях Ижемской Кедвы этнографом Д. Яновичем. В жертву приносился лось или олень. Пол лося и оленя должен был соответствовать воображаемому полу истукана. На этих праздниках в качестве ритуального блюда можно предполагать юм, сладкую капшу из солода, и обязательно шаньгу, круглая форма и самое тождество названия которой говорит о посвящении её солнцу шоньгей (удорский диалект).

О существовании таких родовых представлений у коми говорит и этимология термина **ворсны** «играть». Коми слово **вор-с-ны** «играть», как и удмуртское **шудьны** «играть», имеют в своей основе название родовой организации. Эти же слова наличны в составном термине удмуртского языка **вор-шуд** «родовой талисман». **Вор** – это «род», и его название легло в основу многих терминов

¹ Г. А. Старцев. Остяки.– Л., 1931.– Стр. 17

² В. А. Городцов. Подчерьемский клад. Советская археология, Т. I, 1937.– Стр. 123.

идеологического содержания, как, например, коми слова **кыла-вора** «разговорчивый», т.е. знающий идеологические средства своего рода и умеющий их применять. **Вор-с-ны** первоначально означало отправлять, изображать родовые церемонии, изображать мифологические образы в лицах.

То, что представляли в лицах, песнях и рассказах, было изображено и на бляхах. Бляхи могли быть надеты в виде цепи на грудь истукану, как это изображено на груди у человеческой фигуры на бляхе из Тохты, эта же бляха могла быть надета на исполнителя ритуального танца.

Эти бляхи вместе с тем являлись родовой собственностью, хранились в одном общественном месте и служили символом принадлежности к родовой организации. Татуировка могла повторять эти сюжеты на груди или на других частях тела, подобно татуировке у ханты. Современное **перна** «крест» (у коми, манси, хантов), возможно, и обозначало все эти знаки принадлежности к роду.

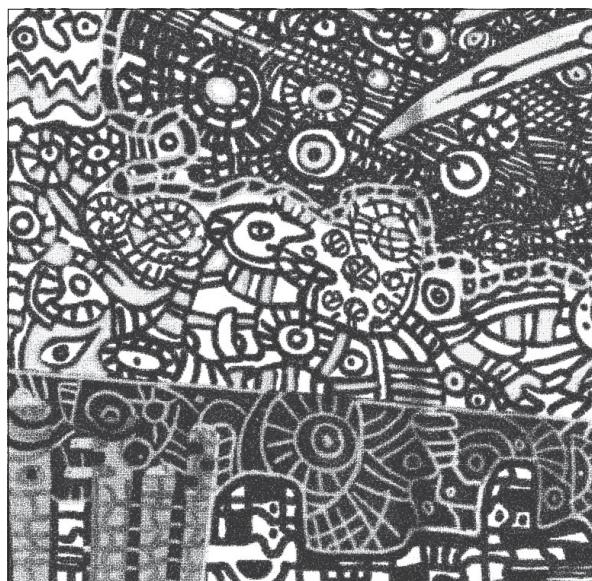
Таким образом, сюжетные композиции на пермских ажурных бляшках звериного стиля те же, что и в песнях, рассказах, и представлялись они в лицах на общественных праздниках. Остроносые лица антропоморфных фигур на бляхах с лосиными, птичьими эмблемами поверху не что иное, как маски, соответствующие легендам о своих животных предках, теперь уже антропоморфизированные.

Вещественными доказательствами этих церемоний в масках являются те, которые мы имеем в составе тех же поделок звериного стиля. Так, имеются три маски из Сопляса с животными на голове. В 1925 г. в 30 километрах от местечка Поганый Нос, недалеко от устья р. Ижмы, была найдена серебряная маска, изображающая мужское лицо, но сверху имеются три выступа, изображающие головы животных. Такие же три выступа имеются и на соплясских масках, причём средний уже не имеет животной формы.

Выводы:

1. Пермский звериный стиль является продуктом творчества местного населения Вятско-Камского, Вычегодского и Печорского бассейнов.
2. Культура, отразившаяся в предметах пермского звериного стиля, была свойственна предкам коми народа, равно как и предкам других народов Поволжья.
3. Предметы пермского звериного стиля являются выражением родовой или племенной идеологии населения, представлений о происхождении рода или племени и всего внешнего мира, представлений о тотемических животных-предках.
4. Мотивы, отражённые на пермских бляшках, повторяли сюжеты, воспроизведившиеся в сказаниях, в песнях, в играх, в плясках с масками, в родово-племенных церемониях, связанных с жертвоприношениями.
5. Зооморфные изображения солнца отражают разнообразие состава населения древней Перми, а также ступени переосмыслиения тотемических представлений.
6. Образы пермского звериного стиля отражают и некоторые черты социального строя населения, которому свойственна была эта культура. Разложение первобытнообщинного строя ушло далеко вперёд. Семья перестраивалась уже на патриархальные начала. Социальные противоречия отражены в дуалистических образах борьбы света и тьмы, добра и зла, жизни и смерти.
7. Рационализация мифов, связанная с новыми, более высокими формами техники и труда, отразилась в антропоморфизации сперва бывших зооморфными образов. Патриархальные начала в общественной жизни оказались в переосмыслинии женских образов в мужские.
8. Последовательная смена мифологических образов происходила в формах смены поколений в направлении: мать – сын.

Финно-угория

Галина Романова

Романова Галина Васильевна, автор поэтических сборников, рассказов, юморесок, сказок и песен, родилась 22 августа 1950 года в деревне Сухая-Видзя Увинского района Удмуртской АССР. После окончания восьмилетней школы работала в колхозе дояркой, затем – в Ижевске строителем. Получила среднее образование в школе рабочей молодёжи. В 1980 году заочно окончила филологический факультет Удмуртского госуниверситета.

С 1968 года Галина Васильевна работает в удмуртских газетах и журналах. Начав корректором в редакции газеты «Советской Удмуртии», выросла до литературного сотрудника и заместителя редактора журнала «Инвожо». В 1990 году она стала первым ответственным секретарём созданных тогда новых журналов «Инвожо» и «Вордском кыл», которым отдала много творческих сил. Для использования во внеклассной работе для журнала «Вордском кыл» подбирала художественные произведения

не только удмуртских, но и писателей финно-угорских народов. В последние годы Галина Романова работала заведующим отделом культуры редакции газеты «Удмурт дунне», сейчас – редактор отдела поэзии и критики в журнале «Кенеш».

Первые стихи Галина Романова опубликовала в 1968 году в газете «Советской Удмуртии», позже её произведения печатались во всех удмуртских периодических изданиях. Они переведены на русский, эстонский, татарский, коми, чувашский, калмыцкий и другие языки.

В стихах и прозе Галина Романова пишет о своём поколении, о его мечтаниях и исканиях в нашем непростом мире.

Галина Романова – член Союза писателей России (1990), член журналистов России (2006).

Не виноват я...

Рассказ

Потеряв представление о времени, Онди всё никак не мог заставить себя оторваться от дивана перед телевизором. Голубой экран неистово усердствовал, менял звуки, краски, картинки, но тщетно: мельтеша, всё проскальзывало мимо, не задевая ни слуха, ни чувства.

Онди поднялся с лежбища, прошёлся по комнате, разминаясь, а потом стал спускаться на первый этаж. Жена и дочери, беззащитно раскинувшись, спали глубоким спокойным сном. Младшая чуть слышно посапывала...

Их вид подействовал успокаивающее. «В самом деле, к чему вся эта паника? Не так уж всё скверно. Обойдётся. Мало ли как бывает...» — тягостно вздохнув,

подумал он. И обман, и унижение, и издевательство — всё вместе, утрачивая остроту и горечь, теряло былую значимость. Онди ещё раз обвёл взглядом спящее царство своей семьи, и надежда на благополучный исход окончательно успокоила его. Всё обойдётся.

Да, да, всё, как положено, окажется на надлежащем месте... Утром же сгоняет в город. Тем более, что соседу Олексею приспело время свинью на базар подбросить. Тут срок упускать нельзя: свиное сало — нежный продукт, товарный вид быстро утрачивает. Свежеразделанная — тельная — свинина нарасхват идёт, покупатели не торгуясь, разбирают. Вон у Микулихи от жадности никогда не дождёшься молодой свинины. Считает, что эту прожорливую скотину надо откармливать, пока по уши жиром не заплыёт, прибыток от свинок весом измеряет. С молодняком и канителями меньше, и корму, а качественное, нежное, с прослойками сальца мясо куда прибыльнее, оказывается. К себе в «Ниву» Онди запросто размещает двух-трёх тушек от Олексея, а от Миколаихи жирную еле-еле одну впихнуть удаётся.

В прошлом году ещё, покряхтывая, чуть не надорвавшись, Онди впихнул Миколаихину свинину в машину и повёз на базар. А там продавщицы-покупательницы словно только и ждали, чтобы душу отвести и злость на нём сорвать. Они растопыривали большой и указательный пальцы, измеряя толщину сала, ахали да ойкали, и, не стесняясь в выражениях, отворачивались.

Но вот к Онди, попыхивая длинной сигаретой, приблизилась тощая дамочка-продавщица. Она с нескрываемым презрением посмотрела на него хитрыми глазами, выдохнула струю дыма ему в лицо и выпалила:

— Всё беру за сорок.

— Ты что? Сбрендила? Это что тебе — куриные потроха что ли? Разуй глазёнки-то, шлында. Не видишь — это свинина.

— Была, да жиром заплыла. Давись-ка ты сам такой!

— Чего давиться? Шпиг — первый класс! С чесноком да с перчиком — язык проглотишь!

У продавщицы в глазах вспыхнули голубоватые сполохи:

— Да ладно уж! Возьму за сорок пять. Деньги отдам после распродажи.

Сам не зная почему, Онди неожиданно согласился:

— Пусть будет по-твоему.

Эх, знать бы ему тогда, чем обернётся это самое «после распродажи»! Вот скоро год минет, а денежки за ту тушку, да и за другие последующие так и не показались ни далеко, ни близко. Счёт потерял уж, сколько раз мотался за ними.

Односельчане проявляли терпение, входили в положение Онди. Но и у них терпение не могло оставаться бесконечным. Все жили еле сводя концы с концами и одаривать задарма кого-то своей свининой они не собирались.

Время шло, недоверие росло. Всё нестерпимее становились для него колючие недоверчивые взгляды соседей. Поползли слухи один другого гаже. Все как-то разом позабыли, как он помогал в округе деньгами, подвозя ихние тушки на базар. И вот на тебе: мол, давно по нём тюрьма плачет. Двухэтажный дом, дорогая «Нива», дескать, краденой свининой припахивает...

Обидно. Средства на содержание семьи, дома он зарабатывал каждодневным трудом. Честным. Иначе Онди не умел. Поэтому он ещё надеялся на честность продавцов: они деньги обязательно вернут.

А по округе — от соседа к соседу, от деревни к деревне гуляли слухи: Онди без зазрения совести вот уже который год грабительствует исподтишка, продаёт на базаре дорого, а хозяевам цену занижает. Мол, в городском банке счёт завёл.

Эх, знать бы, что всё так вот обернётся!..

Онди достал большую, аккуратно разграфлённую тетрадь. В ней на каждого, кто отдавал ему тушки на продажу, было отведено место. Он регистрировал дату, товар, количество, цену. В конце каждой страницы — итоговая сумма. С каждой новой страницей общий долг Онди хозяевам тушек рос и рос. Самым внушительным оказался долг за свинину Миколаихи. Да в соседних деревнях набралось с десяток бедолаг, которым, как и соседке, надо бы вернуть прежде всех. Да и сестра покоя не даёт. Машина у Онди крякнула так, что новая дешевле обойдётся, чем ремонт. Сестра для новой «Нивы» деньги добавила. Теперь требует долг вернуть. Второй год уже не может расплатиться.

Знать бы заранее, что предпринимательство Онди может завершиться такой безысходностью, он ни за что бы в него не сунулся. Жил бы себе, работая изо дня в день в колхозе, не жалуясь на усталость и пустой кошелёк. Зато спал бы спокойно и от людей глаза не прятал.

А ведь как гладко всё шло у него поначалу. С продавцами перезнакомился. Одалживался у них и сам давал взаймы — всё честь по чести, без недоразумений. Односельчане тоже были довольны: на базаре свой человек, как маяк. Ему можно верить. Да и Онди не без барыша.

Всё началось с того, что на базар понавезли всякого мяса столько, что из павильона и рядов оно выплеснулось на территорию. Откуда его нанесло? По разумению Онди, здесь не обошлось без вмешательства больших чиновников. Бывалым людям в торговом деле такое явление не в диковинку. Сговорились, в угоду торговым воротилам, хозяева высоких чиновных кресел дают такое предписание, чтобы в одном месте одному тузу от торговли скупить мясо по бросовой цене, а другому, в ином регионе, напротив нажиться на завышенной. Стихия, дескать, рынка. Только почему-то стихия никогда не срабатывает в пользу бедного покупателя. Для тех же, кто живёт на земле и горбится, выращивая мясо, такая стихия просто смертельна, ибо перечёркивает их будущее. Получилось, что Онди попал под двойной удар: мясо в момент обесценилось, он за него ничего не выручил, а тем, у кого он брал на продажу, он должен полную цену. Да ещё, чувствуя независимость от поставщиков мяса, продавцы начали наглеть, унижать их.

Размышляя, Онди расхаживал по комнате то и дело упираясь в чёрное окно. Как теперь ему, ну, как расплачиваться, если он даже и бросовой цены за него не выручил? На прошлой неделе встретил одного из знакомых мясоторговцев, но ничего членораздельного так и не добился от него, кроме приблизительного указания места, где могли быть те, что его ловко охмурили. Там его встретила неопрятная тощая тёлка и буркнула:

— Чего зенки-то на меня таращишь? Иль денежки свои на мне рассматриваешь? Они — тю-тю! — к ракетирам сиганули. С них и спрашивай! Но они отчалили и денег не оставили.

Последние слова она сказала с издёвкой.

— Деньги-то не мои... — растерянно признался Онди.— Я должен отдать их хозяевам мяса.

— А причём тут я? ЧАО! — женщина решительно повернулась спиной к нему.

— Что ж... В таком случае я вернусь сюда с милицией, — пообещал Онди.

— Уж не с базарной ли? Она там вся оптом скуплена. Нешто тебе перепродались, паря?

— Разве, кроме базара, в городе и милиции нет?

— Есть, да не про твою честь, лопух. Кто поверит такому? У тебя что, и свидетели имеются?

— Знамо дело, дружков у меня навалом! — не растерялся Онди.

— А баксы? Хватит ли на всех-то?

— Найдутся.

— А коли найдутся, то какого рожна ты мне голову морочишь из-за каких-то десятков тысячонок?! Пойми: нету у меня тех тысяч, нету — и всё тут. Может, их те твои дружки и прикарманили...

Так и остался тогда Онди ни с чем, кроме неоплатных долгов.

...Время перевалило далеко за полночь, а Онди, не разгибая спины, считал и пересчитывал, переворачивая страницы своей бухгалтерии. Больше всего ему хотелось, чтобы эта беда никоим образом не коснулась жены. Как оградить её от переживаний? Как скрыть такой долг? Ей и без того беспокойств да хлопот хватает. И дети, и скотина, и огород, дом — она одна на себе тащит и не жалуется. Да ещё за копейки колхозных телят выхаживает. Работает каждый день, а получку полгода не видывала.

«Ойдо! В торговом деле всяко бывает... — успокаивает себя Онди.— Люди и не так подзатели, да выкручивались. Авось, и у меня обойдётся... А что? Вот утром же возьму у Олексана трёх поросят на продажу. А там, глядишь тут же денежки выложат, либо...»

Что «либо»? Ну, что, в самом-то деле, он мог предпринять?..

Онди убрал со стола тетрадь, выключил телевизор и устроился спать на диване. Темнота поздней осенней ночи обступила комнату со всех сторон. Зашторенные окна обступили стены бездонной чернью. Не было видно ни месяца, ни звёзд, ни искорки. Всё вокруг безмятежно спало. Накопившаяся за последние дни усталость, приглушив тревогу, взяла своё, и Онди провалился в сон.

— Онди! Эй ты! Ты что? Не слышишь что ли? Оглох, бессовестный?.. — доносился с улицы грубый мужской крик.

— Эй, Онди, ворюга! Прикарманил наши денежки, негодяй! Ни стыда, ни совести... Ишь, какую хоромину вылупил!

Да это ж она, сама Миколиха кричит! Её голос.

— Да чтоб ты подавился, хапуга! — не унимался голос.

«Миколиха! Она-то чего взбеленилась?» — не соображая спросонок, подумал Онди и подошёл к чёрному окну, из-под которого раздавались голоса. За окном была всё та же кромешная тьма.

— Слышишь, торгач? Не отдашь долг — пеняй на себя! Красный петух в один залёт всё добро склюёт... Слышишь, барыга? Такой дом для него не орешек, а зёрнышко... — со спокойной угрозой пробасил мужчина.

Онди показалось, что это был Микола. И всё это было не во сне, этот кошмар

вовсе не снился Онди, а стоял у него под окном. Неужто и они, с кем бок о бок прожил от рождения, считают его прощелыгой? Может, всё же это и не они вовсе, а оборотни?

— Онди, слышишь? Красный петух к тебе придёт! — взывали снизу знакомые голоса.

Нет, это уж точно был не сон и никакие не оборотни.

— Мы тебя предупредили, голубчик. Долг не вернёшь — с сумой по миру пойдёшь, от дома пепелище останется. Огонь всё снесёт. Огонь!

«Пепел... Огонь... Огоны!.. Огоны!..» — стучало в висках Онди.

Ему стало страшно. Не за дом, не за себя — за дочек, за жену. Что, если и они проснулись от криков? И всё слышали?!

На непослушных, словно чужих, ногах он потихоньку спустился на первый этаж. В темноте на последней ступеньке он на что-то наступил, но сумел удержать равновесие и осторожно сошёл на пол. Даже половица не скрипнула.

— Кто тут? — услышал он испуганный голос жены.

— Я. М-мне п-послышились крики. Т-ты с-слышала?

— Господи! Да что с тобой, Онди? Кому взбредёт в такую пору людей будоражить?

— А я вот уснуть никак не мог... Только забылся, было... И вот...

— Поменьше в ящик надо бы пялиться. Там в боевиках кровь рекой, не без ругани с криками, конечно.

— Что если я с тобой прилягу, знобко мне как-то...

— Да ты и на самом деле, родимый, озяб. Ложись-ка, я тебя сейчас потеплее укрою. У меня здесь постель тёплая, как на печке согреешься.

Не столько от постели, сколько от ласковых слов к Онди пришло успокоение и навалился блаженный сон.

С первыми проблесками зорьки Онди встал и решительно стал собираться к Олексею.

— Значит так, — поздоровавшись, заявил Онди, — забивай свою тройняшку, сегодня же я её тебе реализую. Еду на базар.

— Да уж и не знаю, как и быть... Вроде бы и пора, но корму у меня достаточно, растут они на глазах... Мясо ведь...

— Что ж... Дело хозяйствское, как говорят. Ты меня просил — я обещал, так?

— Так...

— Своё обещание я выполнил, а ты пошёл на попятную. Теперь жди, когда очередь подойдёт.

— Так, знать-то, и придётся, не серчай на меня.

Онди сразу понял, откуда ветер дует. Обидно. Что ж, не везёт — так не везёт. Значит, смириться?

— Выходит, сосед, и ты мне не веришь? — напрямую спросил Онди. — Я хоть раз тебя обманывал?

Тот, переминаясь с ноги на ногу, ответил не сразу.

— Другие времена пришли, Онди. Теперь самому себе верить нельзя.

— Да ну тебя! — повернулся и зашагал домой Онди.

— Постой, давай помоги мне забивать свиней.

— Давно бы так, — деловито сказал Онди.

Двое мужиков быстро управились.

До обеда Онди уже был на базаре. Увидев молоденьких, красивых тушек, продавцы сразу их взяли и деньги дали. Таких удачливых дней в последнее время у Онди давно не было, и потому подошёл к своей машине с приподнятым настроением. Успокаивал себя: если и дальше так будет, то постепенно сможет и долги свои вернуть.

— Онди! Ты ли это! — вдруг его кто-то хлопнул за плечи, когда он осматривал свою машину.

Обернулся — Петя. Они вместе в одной деревне выросли, но он в городе живёт уже давно.

— Ты что это в дневное время — на базаре? Не работаешь что ли? — нехотя улыбнулся Онди.

— Здесь работаю — мясорубом.

— Что-то раньше тебя здесь не видел.

— Раньше осталось за забором... Тебе по-моему сегодня повезло.

— Так что ли, — без настроения сказал Онди.

Ему сегодня надо бы побыстрее домой возвратиться, деньги отдать — честь свою перед Олексаном не проронить.

— Айда, в честь встречи в столовую сходим, посидим. Деревенские новости хочу узнать, — уговаривает Петя.

Онди хотел отвертеться, но вдруг почувствовал голод. У него же сегодня в рту ни крошки не было.

Во время обеда за столом Онди пожаловался Пете на продавцов с базара. Петя обещал помочь. Он сказал, что их всех как облупленных знает.

Из столовой Петя завёл Онди в шикарную комнату. При входе было написано: «Казино». Петра там встретили как хорошо знакомого, с улыбкой, приветливо.

Попав в игорное заведение впервые, Онди с любопытством огляделся. У него аж дух перехватило от нескованно яркой, переливающейся разноцветными огнями неземной красоты.

— Супер ведь, ага? — сказал Петя. — Видишь, и мы к цивилизации приобщились! Отсюда посетители выходят кто с денежным мешком, кто без штанов. Кому как повезёт. Игра! Мой один дружок здесь, знаешь, на выигрыш купил мерседес, трёхэтажную дачу отгрозил, а другой ежегодно на заморских пляжах с модельными девицами коптится да в саунах оттягивается. Во!

— А почему же здесь так пусто?

— Не время. Работа начинается вечером. Вот тогда-то тут враз предстанут и комедия, и драма, и трагедия. Может, рискнём, попытаем удачу?

— Ну уж нет! Меня дома ждут.

— На часок-другой задержишься — эка важность.

Онди понимал прекрасно, что всё это — всего-навсего игра. Однако его душу пронзила невероятная надежда на слепую удачу. На базаре он расторговался удачливо, почему бы и в игре не повезти? Как бы это кстати! Где-то он вычитал, что жизнь у человека полосатая, в ней рядом со светлой всегда чёрная полоска, то одна, то другая, шире или уже. Не отсюда ли в его жизни начнётся она, его самая светлая полоса? Должно же когда-то в небе над ним появиться солнце? Эх, если бы!.. Первым делом он рассчитался б со всеми, кому задолжал.

— Рискнём? Кто не рискует, тот не пьёт шампанского!

— Да. Пока время есть, по базару бы пройти, долги попросить.

— Добре! Я помогу, — согласился Петя.

Петя и вправду на базаре чувствовал себя в своей стихии. Онди был поражён: продавцы при Петре теряли дар речи, смолкая на полуслове.

— Я сегодня добрый, — признался Петя, — но вот этому моему корешу придётся всё же раскошевливаться. И чтоб сейчас же.

Торговцы оживились, стали перешёптываться друг с другом, перебегать из ряда в ряд... И как в сказке, прямо перед Онди с толстой пачкой купюр в руке предстала она, тощая тёлка. Не проронив ни словечка, она ловко сунула их Онди.

— Вот так-то, приятель! — Пётр благосклонно подмигнул Онди. — Стоило дрожать из-за такой мелочишки. Да-аревня...

Пётр задрал голову и присвистывая прошёл мимо торгового прилавка с замершими продавцами. А рядом, как равный, расправив плечи, шествовал Онди. Впервые за последнее полугодие улыбка играла на его лице.

— Нам ещё одно дельце надо провернуть, — сказал Петя, обернувшись к Онди. — Давай заводи свою тачку, и мы живо управимся.

Они приехали на окраину города и долго блуждали по разбитой колее неасфальтированной дороги.

— Стоп! — наконец распорядился Пётр. — Жди, я быстро.

Он направился к присевшей на все четыре стены развалишке и поскребся рукой в покосившееся оконце. Оно открылось, в окне появилась седобородая голова мужичонки.

Тем временем Петя обратился к Онди:

— Подбрось-ка мне две тысячи! Да не скупердяйничай, я ж тебе сегодня же верну в десять раз больше.

Седобородая личность в оконце радостно оживилась и залопотала:

— Петя-тя... Тьфу!.. Тя-тя... Спасибо... тя-тя...

— Ну, ну, давай закрывайся! Скоро снова навещу...

— А-а... тя-тя...

Не заметить того, как ошарашен был Онди, не имело смысла. Но Пётр только покачал головой и отмахнулся.

— Ну, трогай! Эх, какой был мужичище!.. Орёл! Он и вывел меня в люди. А сам... вот. Бо-ольшими деньжищами крутил. Из-за них и гробанулся. Всё в прах обернулось, сгинуло. Теперь вот обречён в этой конуре сиднем сидеть, через разбитое окошко на мир смотреть, летом жариться, зимой мёрзнуть. Нет уж: такая судьба — не по мне. Всех не перелюбишь, всех денег не заграбастаешь. Меру всему надо знать.

— Могучий мужик, и стал таким калекой? В аварии пострадал? — не сдержал любопытства Онди.

Пётр иронически прихмыкнул, скривив губы в улыбке, скользнул взглядом по водителю и ответил серьёзно со странной для него обречённостью:

— Крупная разборка с близкими корешами случилась. Хотел их проучить... Не прогнулись, дьяволы. Самого в его же трёхэтажном замке перемололи заживо. Как мешок с переломанными костями, вышвырнули его из обители и доставили вот в эту развалишку. Чисто живой труп, в чём душа держится, непонятно...

Лопочет что-то невнятное... Жалко мне несчастного, — признался он как-то неловко и, почувствовав неловкость, просвистел конец припева расхожей попсы. — Ну, ответь, кем я был до него? — взбодрившись, рассуждал он сам с собой. — Олух у деревенской околицы, балбес балбесом.

— А теперь — павлин при хвосте, — рассудительно поддержал разговор Онди и неожиданно запел:

— Эй, барыга! Ты не прост:
Сторговал павлиний хвост!
Дашь ли в долг? Ах, только в рост...
Шмотки худы — карман толст.

Стать павлином не дано,
Кто не знает казино.
Весь барыш твой всё равно,
Как топор уйдёт на дно!

— А то ещё и тебя за собой потянет, — пояснил Петя. — Инфляция, дефолт, тарифы, налоги... А ты — один против всех.

Они подъехали к казино. Возле входа и внутри казино было людно и оживлённо. Когда они вошли в зал, к ним навстречу вышел франтовато одетый мужчина с приклеенной улыбкой и спросил:

— Какую игру предпочтёте сегодня? — он в знак расположения едва коснулся локтя Пети. — Рулетку? Бридж? Или...

— Карты, — подсказал Онди.

Из всех карточных игр он в юности увереннее всего чувствовал себя, играя в «очко». Наверное, потому что ему частенько везло, и он почти никогда не оставался без выигрыша. Иной раз сумма везения измерялась десятью, а то и пятидесятью рублями. Тогда это считалось ого! какими деньгами.

Мужчина провёл Петра с Онди к одному из столов. Там уже сидели трое в ожидании партнёров.

— Садитесь, господа! Теперь состав игроков укомплектован. Возражений нет? — спросил служитель и деловито добавил: — И вот вам новая, нераспечатанная колода карт.

Онди снова почувствовал прилив уверенности и бодрости. Ему же всегда везло!

— Ставлю на банк сто рублей, — объявил он, доставая пачку и вынимая из неё сотенную купюру.

Сидящие за столом партнёры, как по команде, криво ухмыльнулись, не издав ни звука. А Петя пояснил, обращаясь к приятелю:

— Ну ты даёшь, корепшок! Вот она, твоя святая деревенская простота. Господа, извините! Пачку свою, дружище, давай-ка мне, и мы отоварим её фишками для игры.

— Всю пачку?! — голос Онди дрогнул, выдавая испуг.

— Здесь каждый ставит для начала тысячу, — продолжал поучение Петя.

— Тысячу рублей? — переспросил зацоклившийся Онди.

— Ну тогда, если показалось так дорого, для тебя, так и быть, уступим: по десять стольников или по две пятьсоток...

Он явно издевался над Онди, но тот был в полном смятении и оставил это без внимания.

— Не жмочься. Здесь тебе не сеновал — казино, цивилизация... Иль струсили?

Онди послушно вынул из кармана все деньги и передал Петру. Вскоре тот вернулся с пригоршней голубоватых кругляшек, половину из них он положил перед Онди, половину оставил себе.

Началась игра.

Вокруг Онди, перемигиваясь, кружились разноцветные огоньки движущихся гирлянд, сдержанно гrimасничали партнёры, непонятно как перемещались фишкы — всё вокруг него жило обособленной от него жизнью и волокло его за собой в каком-то неосозаемом пространстве. А время исчезло, остановившись раз и навсегда.

Фишк перед Онди оставалось всё меньше и меньше. Перед Петей поначалу гора из фишек росла и ввысь и вширь, но как-то мало-помалу она стала оседать. Когда перед ним фишк кончились, Онди как очнулся и попытался удержать Петю от продолжения безумия.

— Петя! Хватит! Очумел, что ли? — в испуге цеплялся он за приятеля.

— Не паникуй! Всё ещё переменится. Давай свои права на машину, мы ещё всё вдвойне вернём...

Онди, не отдавая себе отчёта, почему он так поступает, послушно передал Пете права на «Ниву». Вскоре Петя принёс мешочек фишек. У партнёров аж глаза от удивления округлились. Потом время опять провалилось. Азарт снова, вцепившись в них мёртвой хваткой, повлёк их за собой. К бездне.

Теперь удача спохватилась и начала заигрывать с Онди. У него началось везение. Партнёры явно занервничали.

— Пётр! Нам пора. Довольно с нас, надо кончать... — стал настаивать Онди. К нему вернулось самообладание и рассудительность.

— Да подожди ты! Отстань, говорю! — чуть не в полный голос отвечал Петя на шёпот Онди с уговорами. И весьма выразительно косил глаза на оттопыренные карманы партнёров.

Онди поддался уговорам, и начался новый круг безумной лихорадки.

И вот перед приятелями опять осталось на двоих три фишк и ничего. Пётр нервничал, как в горячечном бреду, вскакивал, выбивал дробь костяшками пальцев, шмыгал носом.

Они спохватились, когда было уже слишком поздно: поезд ушёл, игра кончилась.

— Онди! Мы проигрались! Всё спустили! Всё!..

Онди чуть раньше пришёл в себя, но холодная пустота переполняла его. Внезапно она расступилась перед лихорадочным блеском усталых и беспомощных глаз Пети.

Помочь ему было нечем.

— Говорил же я тебе — пойдём... — попытался оправдываться Онди.

— «Говорил», «говорил»... Кто ж мог знать, что так будет...

Тем временем их партнёры упорхнули так, словно растворились в воздухе. Петя с Онди вышли из казино.

Над городом пробивался робкий рассвет. Онди подошёл к своей машине и

хотел открыть дверь. Но ему помешали. Два здоровенных качка играючи отставили его от «Нивы», произнося бесцветным голосом:

— Это машина казино...

— Как это? Почему — казино? Петя! Верни мне права, — обратился он к приятелю.

— Нет. Машина эта теперь остаётся у них.

Онди никак не мог осознать случившегося, его разум отказывался осознавать такое... Кулаки его сжались до крови и он во всё горло крикнул:

— Ии-эх!

Его вскрик, захлебнувшись в горле, перекрыл дыхание после удара по голове. За ним — ещё и ещё...

В короткие проблески сознания Онди слышался гром, раскаты которого низвергались не с небес, а откуда-то изнутри. Они перемежались пронзительным свистом, конвульсивной нестерпимой болью и глухой тишиной, в которой не оставалось места ни самому Онди, ни ничему.

Но они всё-таки пробивались в сполохах гаснущего сознания. Жена... Её руки убрали мерзкий озноб, мешающий ему сосредоточиться на чём-то очень важном и очень срочном. Дочки... Их любящие глаза сгоняли прочь притаившуюся боль и источали заразительную радость бытия. Но вот его всю, с головы до ног, охватил огонь.

Люди! Вот из толпы вышла Миколаиха и крикнула:

— Говорила я тебе, что огонь догонит... Говорила...

— Не виноват я, не виноват!.. — Онди хочет крикнуть, но голос обрывается. — Не виноват... Не...

Откуда-то сверху на него обрушилось тёмное облако и всё перекрыло. Онди один остался в темноте. Сначала эта темнота его напугала, потом стало светлее и светлее. Она своими серебряными лучами как будто погладила и от сердца убрала тяжёлый камень. Такая благодать пришла...

...Два амбала, как ни в чём не бывало, стремительным шагом приблизились к распостёртому на асфальте Онди, сноровисто подхватили его за ноги и руки и стали куда-то нести.

— «Скорую»... «Скорую» надо!.. — рядом с ними бежит и кричит Петя.

— Заткнись! — прикрикнул на него один из качков. — Трупам «Скорая» не поможет.

Швырнув Онди как чурбана на газон, пригрозили:

— Вот тебе твой кореш! И запомни: ты нас не видел, мы с тобой не встречались. Понял?!

— Подонки! Шайтаны! Выродки! — кричал им вслед Петя.

Перевод с удмуртского
Надежды Кралиной и Галины Баженовой

Вера Пантелейева

Пантелейева Вера Григорьевна, удмуртский критик и литературовед, кандидат филологических наук, доцент. В 1991 г. окончила Литературный институт имени М. Горького СП СССР, в 1998 – аспирантуру Института мировой литературы РАН. Трудовая деятельность началась с должности ассистента кафедры удмуртской литературы и литературы народов России Удмуртского государственного университета, затем работала старшим преподавателем и доцентом кафедры истории и теории журналистики УдГУ. С 2005 г. – ведущий научный сотрудник НИИ национального образования УР.

«Пятое время года...»: этнокультурные факторы и контекст удмуртской женской любовной лирики

Одним из вечных мотивов в словесной культуре всех времён и народов является тема любви. Метапоэтичность данного литературного факта не нуждается в доказательствах. В связи с этим неимоверно возрастает исследовательский интерес к заявленной проблеме, и причин здесь много. Во-первых, в литературе функционируют тексты с ярко выраженной «женской» или «мужской» точкой зрения на вопросы любви и пола. Во-вторых, заслуживают внимания приёмы и способы образования «поэтики мужского стремления и женских очарований»¹ в структуре, например, лирического произведения или всей лирической системы. Наконец, неподдельный интерес вызывает своеобразие трактовок метапоэтической темы в творчестве того или иного автора. Этнокультурные, этнопсихологические факторы и контекст эпохи, как правило, тоже налагают существенный отпечаток на выбор и использование тех или иных образных, стилевых, ситуативных решений в национально маркированном художественном тексте. Более того, национальная среда и опыт формируют определённый социальный стереотип – «модель поведения» человека, которая ярче всего, пожалуй, бывает спроектирована в любовной лирике, а ранее – в народной лирической песне.

Мы помним, о чём давным-давно пела удмуртская девушка, возможно, и юноша:

¹ Недоброво Н.В. Анна Ахматова // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М.М. Кралин. – Л., 1990. – С. 60.

*Шунды огназ, туганэ, толэзь огназ. Солнце одиноко, мой милый (милая), месяц одинок,
Тон бен кытын, туганэ, мон огнам. Где же ты, мой милый (милая), я одинока (одинок),
Мон одйгнам шуыса уг бёрдйськы, Я плачу не потому, что я одинока (одинок),
Мон бёрдйсько, тон огнад шуыса¹. Я плачу оттого, что ты одинок (одинока).²*

Обратим внимание на то, что тональность лирического переживания, заявленная в этой песне, специфика «модели поведения» лирической героини (героя) отголоском прозвучат, спроектируются в дальнейшем во многих лучших образцах удмуртской любовной поэзии.

Перефразируя слова Достоевского о роли «Шинели» Гоголя в истории русской литературы, можно сказать о том, что вся удмуртская любовная лирика XX века «вышла» из четырёх строк выше приведённой народной песни, во всяком случае женская лирика – однозначно. Такова, возможно, специфика женского традиционализма, по природе своей призванного охранять и оберегать давно застывшие, веками складывающиеся привычки, обычай, нормы поведения и общения.

В этой ситуации чрезвычайно интересно и, надеемся, полезно проследить за развитием любовной линии в женском поэтическом творчестве. Вечный мотив, казалось бы, неподвластен времени, между тем образно-семантические метаморфозы, проглядывающие в поэтических текстах, являются отблеском, тенью не только ментально окрашенного мировоззрения, но и определённой исторической эпохи, литературной ситуации и контекста. Поэтика «мужского стремления и женских очарований» предстаёт перед нами в многозеркалье авторских видений, переживаний и чувств.

Удмуртская женская поэзия – по сути уникальное литературное явление. Её зарождение связано с именем Ашальчи Оки (Акилины Григорьевны Векшиной, 1898–1973). Она первая среди удмуртских девушек осмелилась «заявить миру о себе» через поэзию. Случилось это в самом начале 1920-х гг. Она точь-в-точь могла бы повторить ахматовское «....Я научила женщин говорить...» и была бы в контексте своего времени и местопроживания абсолютно права. Её первый (и единственный!) сборник «Сюрес дурын» (На обочине), состоящий из 37 стихотворений, был издан в 1925 г. Потом начались репрессивные 1930-е гг., в жернова которых попала и Ашальчи Оки. Её вынудили замолчать навсегда, и она с головой ушла в профессию – в труды и заботы сельского врача. А стихи её ушли в народ и стали народными песнями. Между тем критики от пролетарской литературы ещё долго клеймили её любовную лирику, называя её проявлением «буржуазного сентиментализма»³. Но корень, не дающий новых ростков, гнилой корень. Должно было пройти почти четыре десятилетия, чтобы поэтический голос Ашальчи Оки подхватили другие голоса. Вначале – робко, кажется, случайно и неосознанно – в 1960-е гг. (Степанида Иванова, Алевтина Аникина), что даже критики и читатели почти не услышали и не заметили их. Потом – смелее и звонче, чтобы могли услышать. Это случилось в конце 1970-х – начале 1980-х гг., когда в удмуртскую поэзию ворвался и в ней обосновался женский поэтический quartet: Алла

¹ Гыдыке / Сост. Т.Г. Перевозчикова. – Ижевск, 1991. – С. 90.

² Здесь и далее все подстрочные переводы мои. – **В.П.**

³ Бутолин А.С. Поэзия на классовой нюръяскон // Вормон: Кылбур сборник. – Ижевск: Удгиз, 1936. – С. 10.

Кузнецова (1940–2003), Галина Романова (1950), Людмила Кутянова (1953–2008), Татьяна Чернова (1953).

Сегодня их творчество однозначно воспринимается как некий этап (вероятно, второй) в развитии удмуртской женской поэзии. Они подхватили и укрепили всё самое ценное и значительное, что было в лирике их предшественницы. Они явились в литературу почти одновременно и, несмотря на бесспорную индивидуальность каждой в отдельности, имели некое «единое поэтическое лицо», отражающее общность поколенческих, мировоззренческих, философских идей и ценностей. Черты сходства обнаруживались и в том, что эта поэзия была кротко замешана на фольклоре, на этнокультурной доминанте мировосприятия.

В конце XX – начале XXI вв. женский голос в удмуртской поэзии практически заглушил мужские голоса. Выросла новая плеяда молодых талантливых образованных поэтесс, которая отчасти попыталась расшатать устоявшиеся поэтические традиции жизнепознания. Третья волна женской поэзии – явление неоднородное и по возрастному цензу, и по эстетическим ориентирам, её принципиальным отличительным признаком можно считать «сочетание несочетаемого». Творчество одних, базируясь на старом поэтическом фундаменте (классическом стихосложении), лишь разрывает и расширяет устоявшийся круг образных решений и поэтических интонаций (Любовь Тихонова, Лидия Нянкина, Люза Бадретдинова, Ольга Ведрова, Зинаида Рябинина, Екатерина Макарова, Елена Панфилова). Другие намеренно уходят от рифмованной поэзии в плоскость белого стиха, осознанно поэтизируя абсолютно бытовые, прозаические явления повседневности (Лариса Марданова, Екатерина Эмырова, Ольга Тронина). Третьи, ориентируясь на современные европейские образцы стихопрозы и верлибра (чаще всего в качестве эталона служат финно-угорские литературы – венгерская, финская, эстонская), упражняются в его переносе на удмуртскую почву (Надежда Пчеловодова (Муш Нади), Лариса Орехова). Трансформации здесь подвергается не только поэтическая форма и образно-семантический уровень текста, но и более глубинные компоненты поэтической системы, например, лексико-грамматический и синтаксический строй удмуртского литературного языка. Подобный футуризм, так наглядно демонстрируемый современными удмуртскими поэтессами и отчасти облачённый в этнический антураж, именуется в определённых кругах этнофутуризмом.

Между тем анализ почти столетней истории удмуртской женской лирики выявляет следующую картину – доминирующей темой в творчестве поэтесс, как и предполагалось, является тема любви. Она в силу своей традиционности, во многом объясняющейся и фольклорным типом мироощущения, и спецификой социокультурного – гендерного – литературного воображения, не была неожиданностью, скорее наоборот, подтверждением своеобразной «формульности» женской поэзии. Здесь интерес представляет другое – конкретная реализация темы на образном, лексико-семантическом уровнях, порождающих явные вариативные и часто повторяющиеся мотивы в творчестве исследуемых авторов разных поколений. Например, любовную лирику Ашальчи Оки и поэтесс второй волны условно можно разделить на такие тематические комплексы¹: «любовь – горе, беда, боль, несчастье»,

¹ Тематический комплекс – «сложное образование, целая система взаимосвязанных понятий и положений, своего рода жизненная философия. В тематический комплекс включаются наиболее постоянные черты личности лирической героини, её фундаментальное представление

«любовь – разлука, одиночество», «любовь – неутолённое ожидание», «любовь – страх потери счастья», «любовь – жалость», «любовь – горькая судьба, участь, доля». Их главной общей чертой является чёткое противопоставление любви счастью. Счастье – когда любящие вместе:

*Макем огшоры шүдбурулэн зэмлыкез:
Тон ке вань, улон но капчи,
Кайгу но пичи.
.....
Тон ке вань – мон но вань...*

(Кутянова, II: 26)¹

*Правда счастья очень проста:
С тобою и жизнь легка,
И горя мало.
.....
Есть ты – и я существую...*

Но счастье почти невозможно, всегда случайно, кратковременно, обманчиво, как и само шаткое устройство мира. Обратим внимание на ситуативные ряды, сравнения, эпитеты и метафоры, характеризующие счастье или, скорее всего, невозможность женского счастья:

1. *Ӧрекчи вөтжёслы оскыса,
Зэм, шүдэ азъпалан, дыр, шуса, азъланез
витисько...*

(Ашальчи Оки, 29)²

2. *Мон кие шуд турье
Ӧз на сюрылы...*

(Кузнецова, IV: 8)³

3. *Шуд турье сюлмам улэ.
Җок, со лоба ке мурт инмын,
Шуд вужерез шеде мыным...*

(Кузнецова, III: 31)

4. *Кемалась ёй вал таче шудо.
Оло, улон монэн таззы шудэ:
Сётэ мыным палэс-юдэс.
Нош кытын ке шудбур – быдэс
Толээз кадь тыр ворекъяса
Улэ кинлэн ке киосаз.
Отысь усе мыным палэс...*

(Чернова, III: 68)⁴

*Надеясь на лживые сны,
Веря, что счастье моё впереди, ожидаю
будущее...*

*В мои руки мой журавль счастья
Ещё не попадал...*

*Журавль счастья живёт в моём сердце.
Пусть, что он летает в чужом небе,
Мне выпадет тень его счастья...*

*Давно не была так счастлива.
Может, жизнь играет со мною:
Дарит мне кромку-горбушку.
Но где-то счастье – полное,
Как молодая блестящая луна,
Играет (живёт) в чьих-то руках.
Из них выпадает мне кромка-горбушка.*

о мире и человеке и общая стратегия поведения» // Щеглов Ю.К. Черты поэтического мира Ахматовой // Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приёмы – Текст. – М., 1996. – С. 262.

¹ Здесь и в дальнейшем цитаты из Л. Кутяновой по её сборникам с указанием страниц: I. Чагыресь пилемъёс (Голубые облака). – Ижевск, 1980; II. Ваче син (С глазу на глаз). – Ижевск, 1986; III. Со арзёс (Эти годы). – Ижевск, 1991.

² В дальнейшем все цитаты из Ашальчи Оки по её сборнику: Пинал нылмурт туж яратэ (Узнала девушки любовь). – Ижевск, 1994; с указанием страниц цитаты.

³ Цитаты из А. Кузнецовой по её сборникам: I. Чуръёсы тыныд (Строчки – тебе). – Ижевск, 1976; II. Малы меда? (Почему же?). – Ижевск, 1984; III. Чимошур, Чимошуре (Чимошур мой, Чимошур). – Ижевск, 1991; IV. Лушкем яратон. Интим. – Ижевск, 1995.

⁴ Цитаты из Т. Черновой по её сборникам: I. Тыныд тодмотэм кырзан (Тебе незнакомая песня моя). – Ижевск, 1980; II. Та шундыё дуннеямы (В нашем солнечном мире). – Ижевск, 1986; III. Тий ёй тодысалды (Вы бы не узнали). – Ижевск, 1991.

Таким образом, лирические героини удмуртских поэтесс либо живут в ожидании счастья, либо довольствуются «тенью», «кромкой» чужого гнезда-счастья. Помехой счастью становится неразделённая любовь. Отождествление любви с бедой, тоской, душевной болью – характерный мотив женской лирики 1920–1990-х гг.

1. Тонэн тодматски –

Кайгу шедъти,

Тонэ ярати –

Шудтэм луи...

(Ашальчи Оки, 33)

2. Гучыкен-гучыкен юисъко мёзмонме,

Вöсъ луэ сюлэмы – чидасъко...

(Кутянова, II: 11)

3. Солэс мёзмонэ

Пöсъ синву пызырытэ вал,

Кайгу – куректон висъитиз мёляме...

(Кузнецова, II: 32)

4. Му пыр мед виялоз вал со нунал,

Ку мон тонэ тодй.

Шуд кобыме шугадёнэн тырмытыса,

Чоксузывыон ёзи.

Соку ик пытсасъкиз лулы...

(Чернова, III: 47)

С тобою повстречалась –

Горе нашла,

Тебя полюбила –

Несчастной стала...

Глотками пью свою тоску,

На сердце боль – терплю...

Тоска по нему

Выливалась горючей слезой,

Горе-страдание жгло мою грудь.

Тому дню провалиться сквозь землю,

Когда я познала тебя.

Ковшик счастья наполнив тяжёлою долей,

Захлебнулась от глотка.

И сжалась душа моя...

Разнообразны жизненные обстоятельства, вызывающие страдание лирической героини, но одной из самых веских и важных причин «любви – несчастья» является антонимия главных черт личности и внешнего облика героя. Что узнаем мы о лирической героине? Она робка и застенчива (классический пример – стихотворение Ашальчи Оки «Возытлык»/«Робость»), часто бессильна и беспомощна не только перед ударами судьбы, но и перед своим возлюбленным:

1. Кужымтэм мон, тон юртты мыным...
(Кутянова, II: 41)

Я бессильна, помоги мне...

2. Тон дано адями,
Мон – пичи.
Тон кужмо адями,
Мон – лябыт...

*Ты известный человек,
Я – маленький (человек).
Ты волевой (сильный) человек,
Я – слабый (безвольный)...*

(Кузнецова, II: 24)

Лирическая героиня пассивна, но непреклонно горда:

1. Йёно ўыры яратыны,
Яратыны вордисъкемын вал...
Малы кылиз куректыны...
(Кутянова, II: 48)

*Моя гордая голова для любви,
Для любви была рождена...
Отчего суждено ей страдать...*

2. Тон монэ уд яратски ни.
Чок...
(Чернова, III: 52)

*Ты меня уже разлюбил.
Ну и пусть...*

Лирическая героиня способна не только на большое, пылкое чувство, но и на самопожертвование ради своего возлюбленного. «Формульным» приёмом жертвенности в удмуртской женской поэзии становится идея перевоплощения героини в культовые образы природного мира. Эстетика этих образов сформировалась в недрах традиционной вербальной культуры и напрямую связана с духовными ценностями этносферы. Так, героиня Ашальчи Оки вслед за героиней народной песни мечтала в случае неразделённой любви предстать перед возлюбленным в образах «берёзы, василька, шёлковых водорослей, белого тумана, камня на дне Камы». Пройдут десятилетия, но женская лирика будет верна канону: героини А. Кузнецовой, Л. Кутяновой, Т. Черновой во имя любви готовы превратиться в «голубку», «бабочку», «придорожный цветок». Речь здесь не идёт о механическом переносе устойчивых образов, подобные метаморфозы имеют более глубинный характер, генетически восходящие к истокам национального самосознания авторов.

Их лирическая героиня креативна, наделена обострённой восприимчивостью, воображением, даром прорицания, склонна к бреду, полёту души, магии (наиболее яркие образцы – стихотворения Л. Кутяновой «Озы потэ улэм» (Так хочется жить), «Уд вала» (Не поймёшь); Т. Черновой – «Мон шедьто йырберыкton турын...» (Я найду приворотную траву...); А. Кузнецовой – «Йырберыкton» (Приворот). Здесь явно выделяется лирическая героиня Т. Черновой: «Лэзъ монэ, эрико бурдоэз, / Ас бырьем сюрестим лобаны...» / «Отпусти меня, птицу свободную, / Парить по выбранному пути...»; «Куддыр аслым ведйн кадь потісько. / Учкисько гинэ – йырдэс берыкто...» / «Иногда кажусь себе колдуньей. / Взгляну – приворожу...»

Чем тоньше, значительнее, одухотворённее душевые и личностные качества героини, тем контрастно бледней, нарочито невзрачней обрисована её портретная характеристика:

1. Чебер мон ноку но ёй вал...	<i>Я никогда не была красивой...</i>
(Кузнецова, III: 42)	
2. Мон учкымон ёвёл...	<i>На мне не остановят взгляд...</i>
(Чернова, III: 54)	
3. Тон чебер, туж чебер, нош мон огшоры...	<i>Ты красив, слишком красив, а я невзрачна...</i>
(Кутянова, II: 30)	

Собственно, здесь портрет лирической героини заменён её единственным словом – самооценкой «я некрасива», которая в стихотворении А. Кузнецовой «Кобла мон» (Я кобыла) приобретёт глобально-гротескный характер и, наделённая семантикой самоиронии, станет своеобразным символом униженности, но и загадки женщины – «меры всех вещей»¹. Природа низкой самооценки, наблюдалась в удмуртской женской поэзии исследуемого периода, безусловно, имеет ментальный характер. В удмуртских фольклорных текстах и этнографических трудах зафиксировано множество примеров того, что женская красота – явление эфемерное, второстепенное в отличие от главного – женского трудолюбия. Более того, в броской женской красоте усматривали что-то дьявольское, устрашающее. Оценка

¹ Подробный анализ этого стихотворения см.: Пантелеева В.Г. «Золтэм вотсэтысь потэме но углу...» // Инвожо. 1994. № 4. – С. 21–22.

«лекос чебер» (шибко красивая) в отношении женщины в устах говорящего чаще всего имела осуждающий, негативный оттенок. Подобные воззрения находят отражение и в этнопедагогике, этнopsихологии удмуртского народа. Отзвук этих воззрений из глубин веков не мог не дойти до женской лирики XX века.

Теперь присмотримся к лирическому герою. Прежде всего, он предмет любви и обожания героини и, в отличие от неё, сказочно красив. Обратим внимание на образно-стилистические приёмы, используемые для его описания:

1. *Йырсиец бабылес,*
Тон ачид бубыли –
Бубыли кадь ачид тон капчи.
Синъёсыд кизили,
Мон тыныд синмаськи –
Кизили синъёсад мон выи...

(Ашальчи Оки, 44)

2. *Визътэммымон чебересь синъёстэ*
Кыче нылмурт чупалля ни туннэ?

(Кутянова, II: 28)

3. *Дуннеясь со самой, самой чеберез:*
Тёл кадь сээзь но мугорын веськрес.
Синъёсыз чиль съёд сутэр кадесь,
Чиганлэн кадь съёд-съёд йырсиеz...

(Чернова, I: 27)

Волосы твои кудрявые,
Сам как бабочка –
Как бабочка ты лёгок (порхаешь).
Глаза – звёзды,
Я влюбилась в тебя –
Утонула в твоих звёздных глазах...

Твои сводящие с ума красивые глаза
Какая девушка сегодня целует?

В мире он самый, самый красивый:
Быстр как ветер и строен телом.
Глаза как чёрные смородинки,
Волосы черны, как у цыгана...

Появление лирического героя рождает свет, он источник долгожданной радости, он подобен утреннему солнцу, быстрому ветру, весне, самой природе:

1. Тон – мынам шунды...
(Ашальчи Оки, 39)

2. Тон лыктйд – сюрес куасьмиз,
Нош толон зориз.
Тон вүид – шунды жужаз,
Толон лымыяз...
(Кузнецова, I: 18)

3. Тон тулыс, мон – сийзыл,
Тон – визъмо, мон – шузи...
(Кузнецова, IV: 26)

4. Синъёсыд чагыр ин,
Учкисъкод – бурдъясъкод,
Киосыд – небыт тёл,
Йырсиме вешасъкод.
Мылкыдыд – чук шунды,
Улонме шунтыйськод...
(Кутянова, I: 31)

Ты – моё солнце...

Ты пришёл – дорога просохла,
А вчера лил дождь.
Ты пришёл – солнце взошло,
Вчера был снегопад...

Ты – весна, а я – осень,
Ты – умён, я – глупа...

Глаза твои – небо голубое,
Взглянешь – окрылишь,
Руки твои – нежный ветер,
Голову мою ласкаешь.
Настроение – утреннее солнце,
Жизнь мою согреваешь...

Лирический герой для героини – высший идеал. Он сотворён по законам красоты не только внешние, но, кажется, и внутренне: «Тынад небыт сямыд, / Зег нянь кадь сюлэмыд...» / «Ты мягкий по характеру, / Сердце твоё подобно ржаному хлебу...» – Л. Кутянова; «Та керзег сямыд но тыныд кельше, / Лек

дыръяд лекос тон чебер, эше...» / «Тебе к лицу твоя нервозность / В гневе ты ешё прекраснее, мой друг...» – А. Кузнецова. Перед нами образец народного героя-богатыря, героя-добродетеля, героя-волшебника, и, связанный в тексте с множеством логико-ассоциативных нитей, параллелей и переходов, он восходит к фольклорно-мифологической модели в обрисовке персонажа. Но если героиня видит в нём смысл своего существования («Мон тыныд кузьмай пösь, зырдыйт сюлэмме...» / «Я тебе подарила горячее, страстное сердце...» – Ашальчи Оки; «Тон понна вань улонме сизисько...» / «Тебе посвящаю всю свою жизнь...» – Т. Чернова; «Дась вань улонме но тыныд сётыны...» / «Я готова отдать тебе всю свою жизнь...» – Л. Кутянова), то для героя её любовь не имеет никакой ценности и постоянно им отвергается («Марлы бен басьтыса, пыд улад тон лёгад пösь, зырдыйт сюлэмме...» / «Почему взяв, ты вытолтал моё горячее, страстное сердце...» – Ашальчи Оки; «Тыныд кулэ öвöl мон – тодисько...» / «Тебе я не нужна – знаю...» – Л. Кутянова; «Лöпкытыйд, лöпкытыйд но – күштийд...» / «Обнадёжил, окрылил и – бросил...» – Т. Чернова). Здесь та самая антонимия, о которой мы говорили выше: с одной стороны – героиня, не имеющая яркой внешности, но, безусловно, натура гордая, страстная, одухотворённая, а с другой – внешне яркий, но духовно незрелый, безличностный и бесстрастный герой, не способный оценить или пугающийся принять дар героини – её любовь. Мотив разлуки, ухода, одиночества – один из главенствующих в драматической любовной лирике удмуртских поэтесс.

Тематический комплекс «любовь – одиночество» включает в себя ряд вполне самостоятельных как ситуативных, так и временно-пространственных, образно-лексических средств выражения. Семантически функциональны, прежде всего, образы «письма» в лирике Ашальчи Оки («Кык гожтэт» / «Два письма»), бьющейся об стекло или раненой бабочки в творчестве Л. Кутяновой («Бубыли» / «Бабочка», «Адзид-а тон?» / «Ты видел?»), одинокого журавля в поэзии Л. Кутяновой и Т. Черновой (их одноимённые стихотворения «Пал тури» / «Одинокий журавль»), бездомной кошки и чертополоха в лирике А. Кузнецовой («Öс азяд мяугетий күштэм кочыш...» / «Перед дверью myukala брошенная кошка...», «Кыйбодылэсь шайтан но палэнске...» / «И шайтан сторонится чертополоха...»).

Усилинию семантической глубины комплекса «любовь – одиночество» служит и мотив связи/разлуки с определённым временем года, и как следствие – обречённость, предсказуемость конца. Не время само по себе поэтизируется в творчестве исследуемых авторов, а его связь с судьбой влюблённых: с весной и летом традиционно связан расцвет чувства (встреча), а с осенью и зимой – его угасание (расставание):

1. Чияпуэд сяськаяське...
Чебер нылмурт туж яратэ...
(Ашальчи Оки, 31)
2. Лымыя, лымыя, лымыя,
Асымемыз люкыны, дыр öдъя.
Мон öй учкысал, öй куазь шоры,
Но уг вамышты мон тон доры...
(Кутянова, II: 25)
3. Тон кошиид, мон кыли.

Вишня расцветает...
Красавица девушка сильно влюблена...

Снегопад, снегопад, снегопад,
Наверное, нас хочет разлучить.
Мне, конечно, погода не помеха,
Но не шагну навстречу тебе...

Ты ушёл, я осталась.

Монэн ёш – бусыос, шур, нюлэс.
 Монэн ёш – сийзыл сад, чыре палэзь...
 (Тон шёмзэ но ёд вала солэсь)¹.

(Чернова, I: 41)

Со мною – поля, река, лес.
 Со мною – осенний сад, горькая рябина...
 (Ты и вкуса её не понял).

Ситуативно-смысловой ряд тематического комплекса «любовь – одиночество», как правило, реализуется в трёх аспектах. На первом плане – лирический герой бросает, забывает героиню, уходит к другой, она страдает и мучается, зовёт и умоляет, готова к прощению:

1. Тон ёд лыкты толон.

Мон вити.

Тынэссытыйд ёч нимдэ мон ути...

(Кутянова, II: 40)

2. Тон кошкид, мон кыли.

Мон кыли, тон бёрсыы учкыса:

Пальпойтыйд тусбуйдэ возьмаса,

Вунэмлэс утыны тыршиыса...

(Чернова, I: 41)

3. Эн күшты монэ тон,

Эн күшты!

Күштйд ке –

Луо синтэм но пельтэм...

(Кузнецова, IV: 53)

Ты вчера не пришёл.

Я ждала.

Имя твоё доброе берегла...

Ты ушёл, я осталась.

Осталась, смотря тебе восторг:

Ожидая твою улыбку,

Страаясь уберечь в памяти...

Не бросай ты меня,

Не бросай!

Бросишь –

Ослепну и оглохну...

Любовь лирической героини – это вечное неутолённое ожидание, мольба, крик души, надрыв, страх потери любимого. Любовь в её жизни сосредоточена с покорностью, самоуничижением. Между тем смысловая нагрузка второго плана приобретает иную семантическую окраску. Лирический герой также бросает, забывает героиню, уходит к другой. Но она теперь сдержанна, великодушна, склонна к «антигедонизму, если не аскетизму»². Ряд мотивов выражает способность души лирической героини к преодолению собственной любви-боли, любви-несчастья, одиночества ради счастья любимого человека:

¹ Здесь намечается явная семантическая перекличка с рябиной М. Цветаевой. Ср.:

1. Рябину

2. Я рук не ломаю!

Рубили

Я только тяну их –

Зорькою.

Без звука!

Рябина –

Как дерево – машет – рябина –

Судьбина

В разлуку,

Горькая.

Вослед журавлиному клину...

Как отмечают исследователи творчества М. Цветаевой, рябина для неё – знак личной участии, родовая мета, «ассоциация с человеческой судьбой, девичьей – из народной песни «Ой горька рябинушка, горька девичья долюшка...». В горькой кисти рябины угадывается параллель – «горькая судьба» женщины» (Ванечкова Г. Поэзия, символ, перевод. – Прага. 1990. – С. 156). «Рябина навсегда вошла в геральдику её (Цветаевой – В.П.) поэзии. Пылающая и горькая, на излёте осени, в преддверии зимы – она стала символом судьбы, тоже переходной и горькой» (Павловский А. Куст рябины. О поэзии Марины Цветаевой. – Л., 1989. С. 18). Между тем в образе рябины М. Цветаевой появляется и сема разлуки, «невыносимой тоски» (Ванечкова Г. Указ. работа. – С. 158).

² Щеглов Ю.К. Указ. работа. – С. 264.

1. Монэ күштүйд ке, аналтүйд ке,
Сюлмыстыд но ишкәлтүйд ке,
Пасъкыт инвис тыныд устьто,
Сёто эрик.
Со сюрессәд медаз луы нюко-гопо, дәри.

(Чернова, III: 45)

2. Уйвётам
Тон мынам...
Валаськод-а? Мынам!!!
Улонам – синкыли ке но – тау тыныд...
(Кузнецова, IV: 23)

Если бросишь меня, забудешь,
И даже вырвешь из сердца,
Открою для тебя широкий горизонт,
Подарю свободу.
И пусть дорога твоя будет ровной, чистой...

Во сне
Ты мой...
Понимаешь? Мой!!!
В жизни – хоть и слеза – спасибо тебе...

Наконец, третий план – лирическая героиня уходит сама. Её уход – не бунт и не вызов, а осознанный шаг, твёрдое решение, смирение перед судьбой, когда невозможно быть вместе по той причине, что «я не смогла тебя осчастливить... – мон ѿй быгаты тонэ шудбураны...» (Т. Чернова).

В двух последних ситуативно-смысловых планах вырисовываются параллели к тематическому комплексу «неразделённая любовь – горькая женская судьба, доля, участь». Мотив, берущий начало со стихотворения Ашальчи Оки «Та пинал дауре» (Мой век молодой), становится инвариантным – повторяющимся – во всей удмуртской женской поэзии. В своих лучших образцах (стихотворения Л. Кутяновой «Зундэс лэсьтий» (Кольцо выковала), «Йёно йыры» (Моя гордая голова), Т. Черновой – «Адзонэ мынам» (Моя доля), «Улытозям вамишъясал тонэн артэ...» (Всю жизнь бы прошагала с тобою рядом...), А. Кузнецовой – «Сяськаясъке улмопу сюресэ дурын...» (Яблоня цветёт у дороги...) мотив «любовь – горькая женская доля» нередко носит традиционно-фольклорную семантику испытания, смирения, кротости, неизбежности, несбыточности¹, так ярко выраженную, например, в народных афоризмах «чидан чигымтэ» (терпение не лопнет), «кылдэмез сычё вылэм» (так было суждено). Поэтессы органично вплетают семантику народных изречений в лирические тексты:

1. Улытозям вамишъясал тонэн артэ,
Но кылдымтэ.
Öвöl сычё шудэ...

(Чернова, III: 66)

Всю жизнь бы прошагала с тобою рядом,
Но не суждено.
Не выпало такое счастье...

2. Та сюләмә устьтисъкыны
Учы гурлы гинэ устьтисъкыны
Эркиямын вал.
Нош сюләмә дышиз мукет гурлы,
Сюан гырлы воштыйз
Учы гурез кикы гурен...

(Кутянова, II: 48)

Моё сердце распахнуто
Для соловьиной трели распахнуто
Было от рождения.
Но сердце привыкло к иной мелодии,
Свадебный колокольчик сменил
Соловьиную трель на кукованье...

Таким образом, исходным семантическим инвариантом женской любовной лирики исследуемого периода является мотив противопоставления любви и счастья.

¹ См. об этом: Цивьян Т.В. Человек и его судьба – приговор в модели мира // Понятие судьбы в контексте разных культур: Сб. ст. – М., 1994. С. 122–129; Ковшова М.Л. Концепт судьбы. Фольклор и фразеология // Там же. С. 137–142.

Говоря другими словами, состояние счастья лирической героини не связывается (или крайне редко!) с образом героя-влюбленного, героя-мужа, с семьёй, браком¹. Но её счастье всегда, неизменно, полагается в ребёнке, и эта модель – оппозиция «ребёнок – возлюбленный» – лежит в основе жизненной стратегии лирической героини удмуртских поэтесс. Чрезвычайно интересно в этом плане творчество А. Кузнецовой, где материинство соприродно негреховно и полярно греховному – неразделённой любви:

1. *Куамын арлыдозь тон огнад улїськод.*
Жёген тон уд лу ни огнад.
.....
Тыныд шумпотэ быдэс гурт!
Малы? Валамон.
Чеберлэсъ но чебер
Нуны ваёно кышномурт...

(II:19)

До трицати лет прожила одна.
Скоро ты не будешь одна.
.....
Тебе радуется вся деревня!
За что? Это и понятно.
Красивее красоты
Женщина, ожидающая ребёнка...

Семантически и образно перекликаются с этими строками стихотворения других поэтесс: «Ой, тон, чебере, зарни бугоре, / Веттаса будйсь дуно шудбуре...» (Ой, ты, золотце мое, / Колыбельное дорогое счастье...) – Л. Кутянова; «Улонмылэн уно сяськаосыз. / Огез соос пöльсь – мынам нылы» (В жизни много цветов. / Самый яркий из них – моя дочь) – Т. Чернова.

Тема материинства, безусловно, требует отдельного исследования, и наше сжатое изложение ни в коей мере не претендует на разрешение данной проблемы. Мы её затронули как ещё одно проявление инвариантности в структуре женской любовной лирики.

Любовная линия новейшей удмуртской женской поэзии (конец XX – начало XXI вв.) по сути своей мало чем отличается от обрисованной выше картины. Её стержнем по-прежнему является неразделённая любовь, по-прежнему любовь «не рифмуется» со счастьем: «Öвöl со мынам яратон дусыме, / Уг тырмы аслым карыны кужыме» (Он не мой возлюбленный, / Не хватает сил сделать его моим) – Л. Тихонова; «Нош мон тонэ возьмай. Öд лык. / Сычё тодмо учыр» (А я тебя ждала. Ты не пришёл. / Такая знакомая история) – Л. Нянькина; «Со янгыш öвöl / (Ма, мон янгыш-а?), / Кыкнамы ке возьмаськом тонэ?» (Она не виновата / (Что ли виновата я?), / Если обе ждём тебя?) – З. Рябинина. В такой ситуации вспоминаются слова, сказанные Н. Недоброво о лирике Анны Ахматовой: «Ахматовские стихи о несчастной любви мы можем понимать как способ создания источника вдохновения для своего творчества»². Исходя из нашего опыта исследования, велик соблазн перефразировать цитату, заменив её первое слово на сочетание «все женские». Сей факт представляется чрезвычайно любопытным, поскольку обнажает, видимо, некий универсализм женского поэтического творчества. Универсализм на уровне аксиомы.

¹ Возможно, в данной позиции кроются древние представления о параллелизме брака и смерти, которые одинаково назывались судом Божьим. Об этом подробнее см.: Никитина С.Е. Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устнopoэтических текстов) // Понятие судьбы в контексте разных культур: Сб. ст. – М., 1994. С. 130–136.

² Цит. по: Астрид С. Брокке. Игра в любовь: опыт анализа первого сборника А. Ахматовой «Вечер». – Л., 1990. – С. 82.

Итак, природа (мотивы) удмуртской женской любовной лирики практически осталась неизменной на протяжении почти вековой истории. Между тем подверглась изменениям стилистика лирического текста: она стала более ироничной, нарочито агрессивной, ощутимо просторечной. Утрату глубинных токов национального иммунитета современные поэтессы пытаются компенсировать «европеизмом» пока не самой высшей пробы, подчас осознанно поэтизируя откровенную чернуху. Собственно поэзию отчасти заменила языковая игра, стихотворения всё чаще воспринимаются как стишкы или некая форма самовыражения. Смена культурных парадигм на стыке веков не могла не отразиться на удмуртской поэзии.

*Пыдчиньыосы ёыгыръязы пыдчиньыостэ
Кыжмем валес вылын.
Тараканъёс куртчыло
Берпумзэ нянъ юдэсэз
Саптасъкем ёёк вылын...
Нош мон тонэ яратйсько.*

О. Тронина

*Пальцы ног моих обнимали пальцы твоих ног
На грязной кровати.
Тараканы грызут
Последний кусок хлеба
На запятнанном столе...
А я тебя люблю.*

Эволюционировал характер лирической героини. Робость и робкость Ашальчи Оки, жалость и терпимость Л. Кутяновой, А. Кузнецовой ещё отблеском просвечивают в творчестве более зрелых поэтесс (Любовь Тихонова, Люза Бадретдинова), но практически исчезли из поэзии молодых. Традиционно-этнический «поведенческий стереотип» трансформировался в универсальный стереотип начала XXI в.: теперь лирические героини – раскованные, самодостаточные, дерзкие и ироничные особы.

*Кулэ-а, не, мон тон понна
Зорлы я сяськалы пёрмо.
Тылэ-вуз пыро-быро...
Кычё шузи нылъёс луо!*

З. Рябинина

*Хочешь, мол, я ради тебя
Стану дождём или цветком.
В огонь-воду брошусь-погибну...
Бывают же такие дуры!*

Всё чаще в лирику вторгается ролевая игра, лирические героини маскируются в «чужие наряды», чтобы скрыть своё душевное смятение и заглушить в карнавале одиночество. Этот приём становится репрезентативным в творчестве Лидии Нянькиной, чья героиня, кажется, примерила на себе женские образы «всех времён и народов»: Мона Лиза, Джоконда, Лаура, Изольда, Джульетта. Она легко может спрятаться «в шумном платье муаровом», заимствованном по случаю у поэтической дамы И. Северянина, сыграть роль отвергнутой женщины из «Попытки ревности» М. Цветаевой или сказочной принцессы. Все эти перевоплощения и мистификации знаменуют собой уход от реальности, в которой так много обмана, предательства и нелюбви.

Надо отметить, что некая театральность жестов, надломленность голоса, искусственная гиперболизация взаимоотношений полов, нарочитый эротизм (стилизация эпатажного поэтизма серебряного века русской литературы?) в целом присутствует в современной удмуртской женской любовной лирике как элемент поэтики и стиля, как контекст времени. У каждого автора – в разной степени и в индивидуальных образных решениях. Между тем это то инвариантное, что их объединяет как поколение рубежа веков.

Вера Латышева

Латышева Вера Алексеевна (род. 22. 10. 1933) – коми литературовед, литературный и театральный критик, искусствовед. Родилась в с. Объячово Прилужского района Кomi автономной области. В 1956 г. окончила государственный университет им. Ломоносова М. В. По приглашению академика Вавилова поступила в Кomi филиал АН СССР, работала лаборанткой, затем поступила в аспирантуру Института мировой литературы (Москва), защитила кандидатскую диссертацию в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии в 1968 году. После пятнадцати лет работы в Кomi филиале АН СССР перешла на преподавательскую деятельность в Кomi педагогический институт, затем заведовала кафедрой в Институте переподготовки кадров и повышения квалификации учителей. Латышева В. А. в 1993 г.

защитила докторскую диссертацию, в которой исследовала общность и различие в драматургии финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. В 1995 году перешла на заведование кафедрой фольклора и литературы на открывшемся финно-угорском факультете Сыктывкарского университета. Работала в должности профессора вплоть до упразднения факультета. Автор книг: «Зарождение драматургии и театра народа коми» (1968); «Драматургия и жизнь: эволюция жанров драматургии угро-финских народов Поволжья и Приуралья» (1985); «Как наше слово отзовётся...: литературно-критические статьи» (1991); «Современная коми драматургия» (1994); «Классики и современники: статьи о литературе» (2005).

Русский устьысольский театр

Наиболее точные сведения о том, что из себя представляла культурная, в частности, театральная жизнь края и города Устьысольска в первые послереволюционные годы, дают комплекты газет того времени: «Зырянская жизнь»¹, «Удж»², «Югыд туй»³, «Коми сикт»⁴. Эти газеты и первые коми журналы и альманахи: «Парма ёль»⁵, «Коми му»⁶, «Ордым»⁷, «Коми просвещенец»⁸ сначала скучно, но постепенно всё более подробно освещают события литературной и театральной жизни края. Поэтому, говоря о первых спектаклях для коми зрителя, говоря об истории коми драматургии и театра, мы вынуждены восстанавливать их в основном по зафиксированным сведениям о них в периодике того времени. (Попутно возникает, несомненно, и облик театральной критики того времени).

¹ Выходит с июня 1918 г. по декабрь 1920 года.

² «Работа», 1921 год.

³ «Светлый путь», выходит с 1921 г. по 1930 год.

⁴ «Коми деревня», выходит с 1925 г. по 1930 год.

⁵ «Лесной ручей», выходит с 1922 г. по 1923 год.

⁶ «Коми земля (край)», выходит с 1922 г. по 1923 год.

⁷ «Просека», выходит с 1926 г. по 1930 год.

⁸ Выходит с 1926 г. по 1929 год.

В газете сообщения эти имеют вначале вид «хроники театральной жизни», которая ведётся иногда безымянными представителями городской интеллигенции, осознающими всю значимость совершившегося поворота во внешнем мире, но часто недоумевающими и не понимающими сути его. В первых претенциозных «отзывах» и «рецензиях» о концертах или спектаклях приезжих знаменитостей или безвестных бродячих трупп (иногда явных халтурщиков и авантюристов) чувствуется растерянность обывателя перед жизнью, неумение разобраться в событиях пьесы, неспособность увидеть главное в них, но, – с другой стороны, – чувствуется напряжённое усилие понять происходящее, объяснить сценическое произведение, мобилизовав для этого весь свой «пролетарский» лексикон. Нагромождения эпитетов призваны выразить необычные чувства, охватившие рецензентов: «...в момент величайшей ломки жизни», «вырванная из класса трудящихся», «как жертва строя», героиня «погибает для жизни труда и власти трудящихся»... Сюжет пьесы является «осколком пройденного», «рисующим трещины капиталистического строя»... В пьесе «идейный художник гибнет» из-за пошлости падающего строя»... «зовущие к ненависти и борьбе с системой жизни грабителей-эксплуататоров»... слова пьесы ведут «...по пути социальной революции... грозно диктующей рабочим, крестьянам, лично трудовой интеллигенции дружно встать в организованные ряды революционного социализма... В борьбе текущего времени идея всё же побеждать и ничто ей, величавой, сильной и огненной не помешает воплотиться в жизни, в её действительной гуще». Устьсыольский «Активный зритель» (как он подписывается иногда), смешон и жалок в своём бессилии дать иной пьесе оценку, отвечающую точке зрения «рабочих, крестьян и лично трудовой интеллигенции». В его «современный «сводочный обзор» то и дело врываются евангельские обороты («бешеная ненависть к ночи строя и благовест ко дню»), романтические штампы. Но даже и в этих особенностях стиля характеров улавливается дух того времени, мелькают вопросы каждого дня советской республики, её победы и неудачи, завоевания и лишения, из-за странностей стиля хроникёров всё-таки пропастиает энергичный пульс жизни того времени, отдававшийся и в театральных кругах.

Интеллигентный «активный зритель» восхищается драмами Софьи Белой («Убогая и нарядная», «День и ночь»), водевилями Лисенко-Коныча вроде «Голодный Дон-Жуан или «Пляска Венеры», пьесой «Поцелуй первый и последний». Герои этих пьес для него – «чудные личности», героини – «чудные сельские девушки». Отрицательные образы – «несознательные члены строя». Роли для исполнителей «болезненно-твёрдые, мучительные» и т.д.

Хроникёр сцены изо всех сил старается быть современным, как, видимо, и артисты. Вот, например, как он говорит о пьесе С. Белой «День и ночь» («Красный фонарь»). Пьеса «...в своём конкретном содержании – вся пошлость падающего строя, зовущая к ненависти и борьбе с системой жизни грабителей, эксплуататоров... Пошлый эгоизм, ... борьба, гибель и гибель лучших, довольство... мещанина и слабость людей при иных условиях строя жизни могших быть сильными, хорошими, красивыми, свободными, любящими...»

Несмотря на запутанность мысли, мы всё-таки улавливаем главное стремление автора. Несмотря на «общий» характер «рецензии», в ней есть всё-таки серьёзные конкретные и немалозначающие для характеристики самого критика и его критериев

«хорошей пьесы» замечания. Скажем, такое: «Автор... смотрит и только ставит диагноз на строй, её (С. Белой) личности вовсе не видно». Из запутанной тирады об отсутствии «нужной для сцены мебели» и «сжатых условий постановки» проступает мысль критика о том, что «в борьбе текущего времени» важна всё же сама идея пьесы, — «идея побеждать, и ничто ей, сильной, величавой и огненной, не помешает воплощаться» на сцене. Но расхождения интеллигента-хроникёра с интересами зрителя из народа всё-таки преобладали над нечастыми совпадениями. «Активному зрителю» были ближе «Месть Амура» и «Бедовая девушка». Их успех он считал заслуженным. Тургеневское же «Безденежье» или «Не так живи, как хочется» для него — только «эзя потерянное дорогое время». И в какой-то мере прав был Кomi Морт, когда писал в «Зырянской жизни» (№ 42) о грустной картине этого непонимания «между жаждущим света простонародьем» и интеллигенцией Устьысольска, которая «горит любовью к отечеству (только не социалистическому). Готова «положить живот» в борьбе за свободу (только не за советскую), устраивает любительские спектакли с постановкою пьес на зырянском языке (только «благонамеренного» содержания), но дальше этих узаконенных обычаев проявлений «народолюбия» дело не идёт, ибо идти дальше это значит принять ближайшее участие в делах подлинного, а не воображаемого народа, жить его радостями и печалями, быть его бескорыстным другом...»¹

В этой изолированности части интеллигенции от народа автор «Грустной картины» справедливо видит одну из причин недостаточно широкой просветительской работы в народе. Он предупреждает товарищей интеллигентов: «Следует твёрдо помнить, что в разгар классовой борьбы окружённый врагами народ вправе сказать: «Кто не за нас, тот против нас!» Вот слова, над которыми зырянкой интеллигенции стоит подумать». Если сказанное было преувеличением для характеристики интеллигенции Кomi края вообще, то для устьысольской оно не было преувеличением. Сельской интеллигенции «аристократизм» был менее свойственен.

Уже в революционные годы простой народ потянулся к театру. Новый зритель театра ждал от него ответов на вопросы быстро меняющейся жизни.

Как и российский театр, любительская театральная труппа г. Устьысольска, испытывала недостаток хорошей драматургии. Вкусы основной массы городского обывателя, купцов, чиновников требовали, чтобы с ними считались. У этого зрителя пользовались особым успехом уголовные сенсационные сюжеты, пошлые фарсы, мещанская драма. Острая борьба с пошлостью в старом театре продолжалась и после революции.

Периодическая печать — газета «Зырянская жизнь», издаваемая в Устьысольске с 1918 года, — посильно отражает культурную жизнь г. Устьысольска этих лет. Второй номер газеты, от 15 июня 1918 г. сообщает, например, о приезде в город труппы «безызвестных» русских драматических артистов. Интересно, что её почти упаднический репертуар (драмы Софии Белой и водевили Лисенко-Коныча) автор отзыва, «активный зритель» Устьысольска, воспринимает с классовых и социальных позиций, отмечая, прежде всего, объективно-обличительную сторону пьес. В драмах «День и ночь» («Красный фонарь»), «Убогая и нарядная», «Пляска Венеры», «Голодный Дон-Жуан», «активный зритель» видит «трещины капиталис-

¹ «Зырянская жизнь», 1918, № 42. Статья Кomi Морта «Грустная картина».

тического строя», обнаружившиеся до «момента величайшей ломки жизни». Он сочувствует героине пьесы «День и ночь», чудной сельской девушке Насте, красивой, искренней и правдивой», «вырванной из класса трудящихся» и «погибшей для жизни труда как жертва строя».

Рецензент, признавая, что «День и ночь» в своём конкретном содержании – «вся пошлость падающего строя», делает из пьесы верный вывод о борьбе с «системой жизни грабителей-эксплуататоров». В этом обществе «любви нет даже на картине». «Гибель лучших, слабость людей, при иных условиях могших быть сильными, хорошими, красивыми, свободными, любящими» и «довольство мещанина» вызывают ненависть «активного зрителя». Он вменяет в достоинство автору то, что тот «...смотрит и только ставит диагноз»... что в пьесе «его личности вовсе не видно», что пьеса зовёт на бой со «строем грабежа трудящихся», – отмечая, как положительное качество, отсутствие в пьесе обнажённой авторской тенденции. Этот «театральный хроникёр» – как он себя называет, – не отличается чистотой стиля, но мысль его ясна, – он стоит на позициях классового искусства и только с них расценивает даже «враждебные» пьесы.

В 1918–19 гг. в Устьсысольск приезжали артистические коллективы разных литературных направлений и разной театральной специфики. Если первая драматическая труппа характеризовалась репертуаром декадентского толка, то в июне же 1918 г. (З. ж., № 11). Устьсысольск посетил певец Микулин, в программе которого первое место занимали Римский-Корсаков и Даргомыжский. Как пишет газета, особенностью певца, кроме безупречного исполнения, явилось «ещё то обстоятельство, что артист перед исполнением некоторых номеров знакомил публику с особенностью этого произведения, являющегося образцом в том или ином музыкальном направлении». Это был в то время ещё редкий для провинции пример популяризации произведений классики, пример, заключавший в себе «одно из главных качеств нового, «настоящего» искусства, которое впервые в истории шло в массы.

43-й номер «Зырянской жизни» сообщал о Тургеневском вечере в Совшколе № 2, 38-й – о гастролях «Петроградского Малого театра», который показывал «Дни нашей жизни» Леонида Андреева, «Падшие» Ге, «Преступление и наказание» по роману Достоевского.

Таким образом, программа гастролировавших русских трупп состояла не только из «пьес» типа «Тайна садовой скамейки» или «Поцелуй первый и последний». Классика и пьесы признанных авторов-реалистов также занимали в ней, хоть и малое, место.

В бурные 1918–20 гг., когда все силы молодой советской республики были направлены на борьбу с внешними врагами, когда внутри страны стояла цель – во что бы то ни стало продержаться до нового урожая, когда «борьба за хлеб была борьбой за социализм, когда не хватало лекарств, а мещанин делал запас их (З. ж., 1918, № 2 «Жизнь города»), культурно-просветительная работа, «театральная агитация» должны были развернуться в полную силу». Из театра должны были быть изгнаны навсегда фарсы вроде «Я умер», шутки, подобные «Самоубийце», живые картины наподобие «Лесной сказки», такие драмы, как «Месть судьбы». Они не могли «заставить зрителя смело глядеть на жизнь», но ещё более усиливали апатию обывательской массы. Театр помогал победе над

разрушой пока что только своими сборами. Например, в 74 № «Зырянской жизни» (1920 г.) говорится о том, как в Устьсыольске труппой любителей 24 и 25 октября была поставлена «Женщина из мрака» («Сатанелла», драма в 4 д.). «Спектакль вышел на славу. Драма была выбрана удачно... артисты, а в особенности Успасская З. В., исполняли свои роли прекраснейше, некоторые из присутствующих плакали...» Другой рецензент о подобном спектакле («Месть судьбы») писал: «...не будем говорить о содержании пьесы, скажем, что и в здравом смысле (?) таких пьес теперь ставить нельзя, особенно перед обывательской массой, которая и без таких пьес представляет из себя или хныкающую, или же до истерики смеющуюся...»

В этом отставании устьсыольского театра от времени немалую роль играл культурный уровень устьсыольской публики. В городе из двух залов более аристократическим, чем сцена Нардома, считался зал «второй советской школы», бывшей женской гимназии. Туда с большей охотой шла состоятельная публика. Народный дом в городе отвечал своему назначению. Представления драматического коллектива в Народном доме или на пригородных сценах – в Тентюково и Вильгорте – шли почти всегда «с заслуженным успехом» и в обстановке «образцовой дисциплины и порядка». Здесь «публика была очень внимательна к игре артистов», часто «горячие аплодисменты... говорили о сильном впечатлении».

Но вопрос о публике, об её отношении к революционному и прочему репертуару нельзя упрощать. Зритель был разный. Устьсыольские обыватели могли поразить нового человека своим отношением к новому театру. Так, статья «Несколько слов о развлечениях» за подписью «Омега» (№ 27, З. ж., 1920) осуждает невнимательность и развязное поведение устьсыольской публики в зрительном зале. Автор статьи невыгодно сравнивает её с Петроградской красноармейской аудиторией и со зрителем в глухой деревеньке Севера, где ему приходилось работать – и удивляется. «Мне ни разу не приходилось наблюдать такого, ...несмотря на то, что большинство красноармейцев разбирается в искусстве так же, как и я в китайской грамоте. Здешняя же публика... представляет резкий контраст с «серым невоспитанным» красноармейцем. Со стороны первой к артистам и искусству нет никакого уважения, со стороны же вторых – преклонение не только перед известностями, но перед своим братом красноармейцем, играющим на сцене...» Чаще всего демократическая публика имела «очень примитивный вкус, и на него производила впечатление даже самая плохая пьеса. Публику, ещё не знающую настоящего театра, привлекали сами по себе зажигательные слова о правде, о низвержении цепей рабства и эксплуатации».¹

Но ведь в 1920 г. Луначарский говорил и другое: «Не надо обольщаться относительно, якобы, голода пролетариата и красноармейских частей именно по такому революционному театру. Поскольку они ставят эти пьесы своими собственными силами, постольку они доставляют им наслаждение, – и подобная работа ведётся по всему фронту. Наоборот, когда им преподносится то же с артистами-профессионалами – то они выражают неудовольствие».²

А устьсыольский русский театр воспринимался в своём городе как профессиональный, хотя и был любительским. В данном случае (если бы в словах

¹ Луначарский А.В. «Театр и революция», Госиздат, 1924.– Стр. 23.

² Там же.– Стр. 40.

«Омеги» мы не чувствовали демократизма их автора) можно было бы категорически осудить репертуар театра. Но автор статьи прямо противопоставляет устьсысольскую публику мужику, – значит, действительно, резко бросалось в глаза обывательское лицо её.

Известно, что на рубеже эпох русский театр испытывал уход многих драматургов в себя, в мистику, в «потусторонние» сюжеты, – пропадала правда жизни, проблемы театра удалялись от народа, высокая духовность страдала. Упадочные настроения, декадентская символика, натуралистические крайности до грани психопатологии, отчуждение от человеческой психологии, драматургия фарса, анекдота, уголовных сюжетов заполонили сцены театров.

Драмы Леонида Андреева, то и дело ставившиеся любительской русской труппой Устьсысольска, противопоставляли психологическое действенному началу в театре. Замкнутый мир одинокой человеческой души, нежелание противостоять действительности становились определяющими в репертуаре театра.

Среди этой драматургии социальными ситуациями и проблемами отличалась драматургия М. Горького.

М. Горький видел корни кризиса дореволюционного театра не в узко-профессиональных обстоятельствах, а в причинах общественных, выходящих далеко за рамки театра. И в этих условиях (конец 1913 г.) он считал «затеей сомнительной эстетически и безусловно верной социально» драматизацию Достоевского и постановку пьес Л. Андреева.

Драматурги масштаба Л. Андреева давали повод для проникновения на сцену идей безнадёжности сопротивления злу и несправедливости, неверия в возможность осуществления высших идеалов человечества, а их эпигоны изощрялись в стремлении превзойти своих кумиров.

Естественно, что отзвуки и влияние этих тенденций дошли до 1917 года.

С наступлением нового времени, особенно в провинциальном театре, эти тенденции продолжали держаться «параллельно» с нарождающимся новым искусством. Они вновь всплыли на поверхность особенно в годы НЭПа.

В статье «Театр и революция», написанной в начале 20-х годов для немецкого профсоюзного журнала, А. В. Луначарский затрагивал самые современные и назревшие проблемы театра этих первых послереволюционных лет.

Для устьсысольского любительского русского театра эти проблемы в начале 20-х гг. не были чужды точно в такой же степени, как они были важны для театров России, как любительских, так и профессиональных вообще. Особенно животрепещущим были проблемы влияния на театр НЭПа, который по словам Луначарского, почти целиком сломал успехи непредпринимательских театров (стр. 21). «Театр, который должен быть художественным воспитателем человечества, особенно нового поколения, превращается в лавку, а раз это так, то конечно, в самой глубине своей изменяется и извращается», – писал Луначарский (Театр и революция, Госиздат, 1924. – Стр. 11). Он сожалел, что «даже государственные театры, которые, казалось бы, могли не обращать внимания на успехи своей кассы, имеют при таких условиях дело всё с той же публикой, своеобразно избалованной предпринимателями, идущими навстречу её предрассудкам, её застарелым вкусам или её стремлению к шуму, к блёсткам, ко всем новым кривляниям, которые как-нибудь расшевелили бы уже притупленные от однообразных зрелищ нервы».

Предпринимательский театр (как и предпринимательское кино и т.п.) развратил публику, которую в то же время развращала вся обстановка капиталистической культуры, и публика в свою очередь развращала театр...» (стр. 11–12).

В связи с этим политика государства, постепенно бравшего театры на своё иждивение, была очень своевременной. Независимость художественного воспитателя человечества от денежного мешка делала его достоянием народа-труженика, а, главное, позволяла ему – театру – оставаться на позициях подлинного искусства, изгнав из себя «блудливый фарс и отбросив мещанскую обывательскую мнимо-реалистическую канитель».

С 1921 года в устьысьольской газете «Зырянская жизнь», которая начала называться по-коми «Югыд туй» (Светлый путь), но из-за отсутствия шрифта и владеющих грамотой коми специалистов выпускалась по-прежнему на русском языке, появляются статьи постоянного театрального рецензента газеты Ник. Ланского, журналиста-энтузиаста без специального литературного образования, но с верным чувством классового и правдивого. Он пишет свои краткие отзывы о спектаклях, требуя от них серьёзного идейного содержания, соответствия духу времени, оптимистического направления, доступности народу. Так, не без юмора и полемических острот, он критикует постановку «Спокойных номеров», сочинения некоего М. М. Ляпунова – бессодержательной пьесы о хироманте и провидце – и советует артистам учиться играть на других, более осмыслиенных пьесах», чем «Спокойные номера» (Ю. т., 1921, № 59).

В «Савве» Л. Андреева, поставленном в канун 1922 года на сцене клуба «Звезда», Н. Ланской, прежде всего, выделяет «идею отрицания бога: «“Бог мой враг”, – сказал Савва, и не один из нас, желающий провести на земле новые идеи светлой, чистой жизни, повторит эту фразу...»¹.

В феврале 1929 г. в Устьысьольске была поставлена пьеса М. Горького «На дне». Вот как Н. Ланской оценивает содержание пьес и спектакля: «.... Все... хотят правды и, в то же время, боятся её, потому что она слишком ужасна... Это особенно подчёркивает странник Лука. Он нам говорит нет, но каждый понимает, что Лука человек, который знает лучше их всех человеческую душу и ценит и любит её...

Вся пьеса производит тяжёлое впечатление. Горький сумел в ней вылить всё безотрадное в жизни подонков буржуазного общества, даже комизм их полон тоски и слёз. И это ещё усугубляется тем, что у них нет веры, нет надежды на светлое будущее...

Пьеса прошла довольно хорошо и произвела известное впечатление. Цельные типы дали Лука (Журавлев), Василиса (Успасская), Бубнов (Парилов) и Барон (Полиевский-Парков)...»²

В данном случае мы не можем сказать, что иное, чем замыслил Горький, впечатление от пьесы получилось оттого, что труппа была нерасположена к её теме.

Вполне вероятно, что так трактовал (и не мог иначе) пьесу режиссёр, так видели своих героев артисты, а рецензент изложил своё мнение лишь о спектакле, не будучи знакомым с самой пьесой. Сентименты, утешительство, ложное

¹ Ланской Н. «Театр и искусство». Югыд туй, 1922 г., № 26.

² Ланской Н. «Театр и искусство». Югыд туй, 1922 г., № 3.

человеколюбие – жалость – были ещё дороги постановщикам. Не протест жалости и гимн человеку усмотрели они в тексте знаменитого драматургического произведения. Характерна в этом смысле фраза: «...даже комизм их полон тоски и слёз...». В тексте пьесы как раз не много тоски и слёз. Значит, действительно, они были «добавлены» в пьесу при её постановке.

В № 38 «Ю. т.» Н. Ланской в какой-то мере изменяет своей требовательности и снисходительно отзыается о спектакле «Вторая молодость», забывая о бессодержательности пьесы и говоря только о благополучной игре артистов. Вероятно, серость содержания не вызывала желания подробно анализировать его воплощение.

В январе 1922 года в Устьсысольске была набрана платная труппа артистов, руководимая сотрудником союза кооперативов Пучковым. Пьеса «Дни нашей жизни» Л. Андреева, показанная в феврале-марте этой труппой, произвела различное впечатление на трёх авторов трёх рецензий. Наиболее объективным представляется отзыв «Очевидца», который защищает артистку Комлину и её манеру исполнения роли Оль-Оль от несправедливой критики. Рецензент обнаруживает своё довольно глубокое знакомство с драматургией Л. Андреева, Островского и др.

Он пытается анализировать степень мастерства при исполнении одним артистом различных ролей. В частности, речь идёт о Цивилеве в роли Готовцева, Тюхи, Стасова, Рославлева, где актёр «правильно, ярко и сильно обрисовал эти фигуры». Интересно, что редакция газеты, извиняясь за отсутствие статьи своего постоянного рецензента, поддерживает мнение «очевидца». В составе редакции, видимо, не было человека, который бы мог с достаточным правом и умением оценить спектакль. Редакция оговаривается, что согласна с удовлетворительной оценкой этой постановки «Очевидцем» после того, как навела справки у «более или менее сведущих в оценке постановок» людей (Ю. т., 1922, № 54). Из этого «примечания» мы можем судить не только о том, как не хватало работников печати, но и о том, как загруженная работой редакция газеты всё-таки в эти тяжёлые годы успевала и стремилась уделить серьёзное внимание вопросам искусства.

Из статьи «Театр и искусство» (Ю. т., 1922, № 77), оценивающей ещё один спектакль («Король жизни»), трудно судить о постановке. Автор статьи незаметно для себя критикует самую пьесу Софью Белой, давая достойные определения герою пьесы, «прожигателю жизни», «красивому животному, вся жизнь которого наполнена звонкими, но пустыми фразами о красоте, о свободе личности и любви». Очень может быть, что театр фетишизовировал именно эту сторону пьесы, т.к. уже самый выбор пьесы постановщиком заставляет думать о нэпманских вкусах ответственного режиссёра.

Современники заметили это, и «Глашатай» в № 162 (Ю. т., 1922) начинает разговор о ненормальном положении в Устьсысольском театре: «Если раньше наши артисты давали хоть что-нибудь, если раньше они вкладывали известную идеиность в свою игру, – то теперь они и этого не дают и работают исключительно под лозунгом: «искусство для денег!» Мы можем согласиться, что артистам надо существовать, что известная затрата времени и энергии должна быть оплачена, но это ещё не даёт повода к тому, чтобы публике бессовестно преподносилось вместо игры чтение ролей (последняя постановка пьесы «Две правды») или угощали её

довольно нескромной балаганциной (студенческий «Вечер смеха»)... Искусство не должно размениваться на деньги! А между тем нашими артистами оно разменивается, разменивается без зазрения совести на бумажную валюту образца 22 года. – Кто остановит его?! Кто остановит деморализацию театра? Пока нет никого, кто бы взялся за это. Но взяться необходимо... Репертуарная комиссия, которая недавно образовалась (для руководства театром), – в неё нужно ввести ещё 1 лицо, знакомое с театральным делом, которое могло бы контролировать пьесу до постановки, во время репетиций. Этот контролёр должен показывать на недостатки игры артистов, мы думаем, ему нужно дать право предлагать режиссёру заменять артиста другим, если тот не может справиться со своей ролью. Нужно держаться принципа, что лучше не ставить пьесу, чем ставить её кое-как, с кондачка... Плохо сыгранная пьеса имеет массу зол и, главное, она отбивает у зрителя охоту посещать театр. Мы этого допускать не должны, т.к. театр является одним из рассадников просвещения.

Итак, нужно оздоровить театр... принять меры против деморализации театра, против профанации искусства (Глашатай).

Назревала серьёзная перестройка театра. «Глашатая» поддержал «Лотос» (№ 163), отмечая, что Устьысольский театр далёк от рабоче-крестьянских идеалов, что в нём идёт, главным образом, балаганщина. Принимая во внимание недостаток в реквизите, «Лотос» требует от театра «рабоче-крестьянского репертуара и серьёзного идейного руководства в театре», он предлагает собрать постоянную «кадровую труппу с известными для неё обязательствами, как метод борьбы с лозунгом «искусство для денег». А пока нет такой труппы, – общество любителей-артистов не виновато, – считает «Лотос» – перед публикой, потому что ему тоже надо на что-то существовать».

Дороговизна росла. Фунт ржаного хлеба стоил 40 руб., мыла – 200 руб., карандаш – 150 руб., воз сена – 2500–4000 руб., пара валенок – 4000–6000 руб. (Ю. т., 1922, № 173). Дорожали билеты в театр (от 25 до 35 тыс.), сборы были неполными. Бывало, что публика платила за вход продуктами (Ю. т., 1922, № 54). Пьесы ставились разными группами любителей-артистов, по словам рецензента, большей частью враждующими между собою (Ю. т., 1922, № 165, «Ещё о театре»), причём, каждая выдвигала своего режиссёра. «Погоня за лёгкой на живой» заставляла ставить пьесы с 1–2 репетициями. «Репейник» предлагает формально ту же, что и «Лотос», но по сути иную «программу» перестройки театрального дела. Он считает, что ни постоянная коллегия режиссёров, ни правильное распределение ролей – ничто не поставит театр на должную высоту, «пока не изменится в корне отношение к нему самих артистов, пока последние не объединятся добровольно в свободную, но организованную артистическую семью, серьёзно и с любовью относящуюся к театральному делу».

Воспитание артистов, нравственное воздействие на них – правильный, самый верный путь для обновления театра. И газета в этом отношении должна сыграть не последнюю роль» (Ю. т., 1922, № 165). Это было самое здравое рассуждение. – Обновление театра в условиях, когда кино ещё не было искусством масс, когда радио ещё не было знакомо населению (21 сентября на Устьысольской радиостанции впервые слушали с помощью наушников концерт из Москвы)¹,

¹ Газета «Югыд туй», № 114 и № 56 от 3 октября 1922 года.

действительно, играло ведущую культурно-просветительную роль. «Старое добре время исправников и столоначальников прошло. Теперь, когда спектакли и концерты стал посещать трудовой народ, от мелкобуржуазного репертуара надо было решительно освободиться», – так заявляли газетные обозреватели культурной жизни («Куб», «Концерт 7 сентября», Ю. т., 1922, № 144). «...Давайте приспособляться к новым печатным гостям-пролетариям. Здесь скажут на это, что нет нового репертуара, нет ещё соответствующей музыки, слов и т.д. Неправда, есть и, если хотите в будущем давать концерты, то потрудитесь достать соответствующие вещи». – Автор настойчиво требует изменить программу концертов, не угоджать вкусам нэпманов. Он дружески советует «на будущее время»... дать настоящий, понятный для широкой массы концерт. Требование доступности для народа как театральных программ, так и билетов выдвигалось на злобу дня. Обоно, Политпросвет и Агитпроп после всей полемики о театре уполномочили Мейхель Е. О. и Рочева С. М. – людей, знакомых с театральным делом, – поставить его «на должную высоту» (Ю. т., 1922, № 167). «Вопрос разрешён», театральную разруху должна была ликвидировать ответственность коммунистов как за идейность репертуара, так и за организационную сторону театрального дела в Устьсысольске. Репертуар театра по-прежнему оставался в ведении репертуарной комиссии, но была объявлена война халтуре: установлены более строгие требования к актёрам (продуманное распределение и тщательное заучивание ролей, исключение несвоевременных выходов, заминок, толкотни, проявление всех сценических способностей артистов».

Вместе с борьбой за идейность репертуара театральные рецензенты настойчиво стремились воспитывать художественный вкус мещанской, в основном, публики Устьсысольска. В статье «От старых путей к новым» (Ю. т., 1922, № 172) «Репейник» иронизирует над представлениями устьсысольского обывателя о прекрасном и, заодно, наводит деятелей театра на мысль об авангардной роли искусства в области развития у зрителя художественных представлений. Он во всём, начиная с занавеса в театре («идеалом которого являются пока ещё задрапированные складки тяжёлой «материи цвета бордо... с золотой бахромой»), критикует стремление к грубым и примитивным эффектам, к вычурности и мишурности, критикует «поистине варварскую боязнь простоты» в театре.

Он указывает на то, что декораторы театра в своих работах повторяют грубую ошибку доморощенных живописцев, стремящихся «сфотографировать» пейзаж! «Декорации пишутся со стремлением как можно ближе подойти к действительности, к природе» и в этом – ошибка художников, не увеличивающая, а уменьшающая впечатление реальности. Автор советует на малых сценах декорировать только глубину сцены, боковые же кулисы заменять сукнами тёмного цвета. (Ю. т., 1922, № 172).

«Декорация не должна давать искусство обмана зрения. Всё равно ей никогда не приблизиться к недосягаемой законченности действительности».

Автор призывает стремиться к условной декорации, которая давала бы простор для воображения зрителя: «Декоратор не может дать на сцене лес, но он должен сделать всё, чтобы зритель мог увидеть настоящий лес».

Автор предвидит недовольство устьсысольской публики нововведением: «...Она (устьсысольская публика) смотрит на переход от кулис к сукнам, как на шаг назад

в деле поднятия художественной стороны театра. Не привлекая ничем взгляд зрителя и не отвлекая последнего от игры артистов, сукна в гораздо меньшей мере мешают иллюзии, чем грубое кружево вырезанных из картона деревьев и кустов.

Переход от кулис к сукнам имеет ещё одно очень большое (особенно для маленьких театров) преимущество: он упрощает перестановку декораций и, таким образом, способствует сокращению антрактов, которые в Устьысольске бывают всегда так продолжительны, что утомляют зрителя, мешают его возможности достаточно остро воспринять впечатление от игры артистов!!!» И в заключение «Репейник» надеется, что «вслед за ремонтом внутреннего помещения Нардома будут проведены изменения в декоративно-художественной части театра и положены максимальные усилия для воспитания Устьысольской публики в художественном отношении».

К концу 1922 года в театре по инициативе руководителей Нардома было создано собрание артистов для выяснения путей дальнейшей работы театра. Артисты высказались за организацию если не постоянной труппы, то более или менее постоянного ядра артистов при Нардоме. «Это ядро должно быть использовано в первую очередь, и тогда, когда оно использовано, будут приглашаться силы со стороны» (Ю. т., 1922, № 173). Была определена плата артистам 3-х категорий. Но размеры платы были «настолько малы, что сразу видно: наши артисты заинтересованы в театре не столько материально, сколько идеино».

Товарищество артистов ставило пьесу Наградова «Семья Огневых». Рецензент Винкель, высоко оценивая игру артистов, говорил: «...о самой пьесе мы не можем отозваться так же положительно, как об артистах. Нас удивляет, почему руководители Нардома нашли нужным остановиться на этой именно пьесе. Она из себя ничего особенного не представляет, типичная драма, состряпанная для разжигания страсти в сердцах мещанской квази – интеллигенции» (Ю. т., 1922, № 185). В пьесе произносятся речи о женском равноправии совершенно излишнем в произведении адюльтерного склада, в центре которого – почти кафешантанская «героиня».

Однако новая организация артистов параллельно с подобными пьесами выбирала для постановки и классику: после долгого перерыва артисты сыграли «Бедность не порок». Рецензент особенно выделяет игру Успасской и Цивилёва: «Бесподобно была проведена Городецким сцена с Любовь Гордеевной в 3 действии. Цивилев сделал жизненными и интересными длинные монологи Любима Торцова, которые требуют умелого исполнения...» (Кондов «Культура и искусство», «Ю. т.», 1922, № 197).

Но театральный сезон 1922 года опять же закрывался водевилями и «сценами из жизни бродячих артистов с пением и танцами» («Первые искры», «Щекотливое поручение», «Цыганский табор в лесу» – произведения лёгкого жанра).

В 1923 г. из поля зрения газеты «Югыд туй» совершенно выпадают театральная и музыкальная жизнь. Лишь в начале 1924 года с запозданием помещена статья «М.К.» «Мой ответ» (№ 33), по которой угадывается продолжение споров о театре и драматургии, происходивших в 1923 году. Автор особенно критикует содержание постановок. Он отмечает и однообразие в игре артистов, и несоответствие многих исполнителей ролям.

Сезон 1924 года начался «вечерами миниатюр», «юморесками», «дивертисмен-

тами». В такие даты, как день рождения Ленина, день Парижской Коммуны, шли спектакли сразу во всех клубах: в театре, в школе второй ступени, в педтехникуме. Среди постановок газета называет «Без вины виноватые», «Грозу», «Василису Мелентьевну», «Трактирщицу» Гольдона.

Обширной рецензии и похвал заслужила пьеса «Быль на Волге», по мнению автора статьи – «историческая пьеса, глубокая по содержанию» и «оригинальная по стихотворно-рифмованному языку», «захватывающая» и «полная драматизма» (Ю. т., 1924, № 78). «Лола» пишет, что во всей постановке пьесы чувствовалась опытная режиссёрская рука. И то, что умело проведены массовые сцены – также заслуга режиссёра, потому что большинство участников этих сцен – «не специалисты, а новички, часто случайные и... не бывавшие на сцене».

Пристальный взгляд рецензента отмечает множество «нововведений» на сцене: «...внимательно подобранные костюмы, слаженный хор, лес – живой, полный силы и жизни, пенья птиц и кукованья кукушки, лес, от которого, чудится, идёт запах смолы и цветов...» Далее рецензент уже сmakует все эти красоты: «...обратите внимание на стонущую, а уже не просто кукующую... кукушку над трупом убитого. Здесь получилась психологическая иллюзия гармонии (жизни) природы с разыгравшимися страстями человека... кукование над одиноким, заброшенным людьми трупом усиливает «трагизм бессмысленно погибшей жизни»... Автор статьи, близкий к декадентскому толкованию жизни, впадает в натурализм, против которого сам же выступает в начале статьи.

В скромном намёке на неудовлетворительный репертуар театра автор статьи даёт понять, что «в настояще время даже сознательный ученик 2-го класса не принял бы участия в «пресерьёзном» разыгрывании избитых водевилей ...вследствие безвкусицы и бессодержательности самих пьес, предназначавшихся для определённой части театральных завсегдатаев...» Автор рецензии даёт понять, что вкусы зрителя и артистов уже выросли. Он выражает также надежду, что театр в данном составе с успехом покажет «Каширскую старину» Аверкиева и «Снегурочку» Островского («Снегурочку» под руководством актрисы З. В. Успасской показали 22 апреля 1924 г. учащиеся школы 2 ступени¹).

Борьба с голодом и разрухой вызвала на сцену новые жанры и приспособила старые служить времени. Одетые в костюмы рабочих чтецы декламировали стихи, призывали на борьбу с народными бедствиями. Распоясавшийся голод изображался тут же костюмированным артистом. В ряд агитационных сценических жанров становилась также коллективная декламация. Группы любителей возобновили принцип благотворительных вечеров и спектаклей. Смешной водевиль ставился ради невеселой цели. Сборы от его постановки шли в пользу инвалидов войны.

В Устьсыольске останавливались артисты московских театров. Они ставили «Ваньку Ключника» Антропова, «Василису Мелентьевну» Островского, «Трильби» Гр. Ге (Ю. т., 1924, № 114).

Рядом с серьёзными драмами, историческими пьесами, они показывали «Этюды», «Миниатюры» и лёгкие музыкальные комедии вроде «Лисички-сестрички» и «Весёлого водевиля с пением», «На хлеб и на воду».

В своих гастрольных поездках Устьсыольск посещали не только драматические артисты. 19 октября 1924 года была объявлена «I лекция-концерт

¹ Югыд туй, 1924, № 92.

свободного художника А. П. Хлебниковой». В программе было сказано, что исполнительница расскажет слушателям о художественном восприятии, о происхождении музыки, о ритме и темпе; сделает конспективный обзор общей истории музыки и инструментов с иллюстрацией музыкальными произведениями Моцарта, Бетховена, Мендельсона, Шопена и Листа» (Ю. т., 1924, № 218). Это был замечательный общественный шаг человека, может быть, одиночки, серьёзно и горячо любящего музыку. Сам факт такого вечера и программа говорили о настоятельной потребности интеллигента понести свои знания, культуру и художественное воспитание в самую широкую и народную аудиторию.

В зимний сезон 1924 года впервые упоминается в сообщениях о театре имя актрисы Л. Н. Россовой. Вместе с режиссёром и артистами И. П. Сагайдаровым и Рутковским она исполняет главные роли в драмах Островского «Гроза», Гауптмана «Потонувший колокол», Достоевского «Идиот», Федоровича «Оксана-Зозуля», Ю. Беляева «Псиша». «Трактирщица» Гольдони, правда, рекламировалась как «оригинальная постановка в стиле буфонады».

Рецензируя спектакли, проф. Грен сравнивает игру Россовой с игрой известной в то время в столицах Грановской: «Нельзя не отметить того, что в нашем захолустном Устьысольске подвизается такая труппа, которая сделала бы честь любому крупному городу», – пишет Грен. В анонсах театра указывалось, что некоторые пьесы берутся из репертуара Московского Художественного театра. – Значит, ведущие силы театра имели или непосредственную связь с МХТ, или следили за его деятельностью.

«Ан. Сверчок», «Жук», А. Грен отмечают талантливую игру Россовой. «...Россова (в «Оксане Зозуле») просто прекрасна своей техникой игры, неославляемой степенью напряжённости чувств и переживаний. Мы не говорим уже о чёткости мизансцен, дикции и знаний текста. Всё на своём месте, всё хорошо...» Отмечаются также простота и умение держаться без всякой утрировки (Ю. т., № 245), талант артиста Двинского, исполнявшего 1-е роли в пьесах «Идиот» и «Царь Фёдор Иоанович».

Сезон 1924 года завершается постановкой мещанских и авантюрных пьес: «Влюблённый лев» Понсара, «Женщина, которая убила» (с подзаголовком: «Преступление Лавинии Марленд»), «25 лет в каземате заживо погребённая» (мелодрама по роману Варвары Убрик), «Две сиротки», «Кайн и Авель» – мелодрама в 5 д. 6 кар., «Потоп» – оригинальная комедия в 3 д., перевод Венгерова. Была поставлена и долго шла мелодрама в 5 д., 9 кар. «Тайны Нельской башни». Самые названия картин говорят о содержании этой пьесы: 1. Таинственное кольцо. 2. Ночь в Нельской башне. 3. Любовь кровавой королевы. 4. Сообщники Королевы. 5. Аресты. 6. Подземелье. 7. Два трупа. 8. Любовь – орудие мести. 9. Мать – убийца.

«Сенсационные комедии» вроде бездарного «Землетрясения» П. Романова с содержанием: 1 акт – Спасайся, кто может! 2. Общежитие квадратных жителей, 3. Землетрясение, 4. Все попались, (Ю. т., 1925, № 16) продолжали иметь успех у городской публики.

С 13 января 1925 года долго не сходил со сцены «нашумевший боевик сезона «Россия № 2», комедия в 3 д. Майской, – «пьеса о русской белой эмиграции, спасающейся от большевистского «ада» за границей».

«Оса» в № 37 Ю. т. 1925 года обращает внимание на «Россию № 2» и призывает отражать в театре не эмигрантскую, а нэповскую опасность для России и подвергает критике эту «пьесу попутчицы» за то, что автор приписал «полусочувственное отношение к большевикам» такому прожигателю жизни как Коко».

«Осе» возражает Чуистов, заявляя, что «такие пьесы, как «Россия № 2» в острые моменты политической борьбы приближают публику к сцене», что подобные пьесы раскрывают всю горькую реальность эмиграции для мелкобуржуазной части капиталистического общества, «оказавшейся совершенно беспомощной в условиях революционной обстановки» (Ю. т., 1925, № 53). Автор статьи отмечает, что «все современные революционные пьесы» имеют до некоторой степени «один привкус сюжета: победа пролетариата и поражение буржуазии» и то, что «Россию № 2» на этот же сюжет писал «человек не из нашего лагеря, ещё не даёт оснований снимать произведение со сцены».

Чуистов подчёркивает, что автор просто и правдиво показал царящее среди «бывшей русской аристократии настроение, всю деятельность безумствующей белой эмиграции, лопающейся в своей злобе на коммунистическую партию и советскую власть». Он оценивает по достоинству «тонкий художественный ажур» и «захватывающее действие» пьесы.

Возражая «Осе», он определяет тип Коко, «не как тип сочувствующий коммунистам, а как гоголевский тип, вызывающий смех сквозь слёзы».

Он защищает сюжет пьесы от обвинения в неправдоподобии, когда речь идёт о существовании в современной России бывших помещиков. «Именно в силу существующих «экс-помещичьих» элементов «борьба на экономическом фронте в настоящее время принимает ожесточённый характер», – говорит Чуистов.

Осень 1925 г. отмечена «Осенними скрипками» И. Сургучева, концертами певца Усова (В. Ганина), в программе которого арии из «Русалки», «Фауста», «Руслана и Людмилы», «Князя Игоря»... В отзывах приветствовалось «настоящее дарование» певца, «свежесть и чистота звука», «громадный диапазон голоса», «прекрасная фразировка» (Ю. т., 1925, № 162).

Зимний сезон 1925–26 года был открыт постановкой драмы Г. Ге «Казнь». «Зритель», как и «Оса» считает, что для трудящегося зрителя «особого интереса не представляет жизнь праздного буржуазного общества с его постоянными оргиями... и постановка таких драм в партийно-профессиональном клубе бесцельна». Он выражает надежду, что «коллектив артистов на будущее время выберет что-нибудь более интересное (борьбу трудящихся с капитализмом или же художественные произведения наших классиков)» (Ю. т., 1925, № 217).

Таким образом, можно сказать, что сценическое искусство г. Устьсысольска в 1925–26 гг. медленно, но неуклонно сближается с реалистической драматургией. Из современных тогда пьес всё меньшее место на сцене занимают ремесленнические однодневки, классика и прогрессивная драматургия современников принимают всё больший удельный вес; в репертуаре театра готовится к постановке комедия Гоголя «Ревизор», ставятся «Каширская старина», «Обрыв», «Царь Фёдор Иоаннович», «Отелло», «Горе от ума».

Драмы Л. Андреева «Тот, кто получает пощёчины» и Немировича-Данченко «Цена жизни» заслужили квалифицированную оценку рецензентов. Отмечалось,

что сочинения Л. Андреева, психологические по своему содержанию, – нелёгкая задача для артистов, но они с нею успешно справляются.

«Цену жизни» рецензент «Жук» считает одной из наиболее удачных и серьёзных, в смысле исполнения, постановок труппы местного театра (Ю. т., 1925, № 36).

Трагедия А. Толстого «Смерть Грозного», «Мисс Гоббс» Дж. К. Джерома, «Чёрт» Мольнара, «Анна Кристи» О’Нейля, «Без вины виноватые» Островского, «Ученик Дьявола» Б. Шоу, «Волчьи души» («Кражи») Лондона, – таков репертуар Устьысольского театра к концу 1925 года. – Режиссёр Галацкий и зав. театром Рутковский (оба – артисты) вели труппу верным путём постановки лучших классических и современных пьес.

Придирчивый «Зритель» по-прежнему считал, что «редко ещё Устьысольскому зрителю приходится видеть на сцене пьесы, которые были бы хороши как со стороны внешней обработки, так и со стороны внутреннего идеологического содержания» (Ю. т., 1925, № 234). Лучшим в этом отношении он считал спектакль по пьесе Джека Лондона.

Действие происходит в Америке, в момент парламентской сессии. «В пьесе заложен глубокий внутренний смысл – борьба классов, – борьба за власть. Обворовывая казну, обворовывая рабочих, миллиардеры-сенаторы нажили громадные капиталы и достигли вершин земного благополучия. Однако они чувствуют слабость фундамента, на котором они стоят, их волнуют парламентские речи – они боятся разоблачений.

«В борьбе за власть они все способы считают достойными – цель оправдывает всякие средства», – заявляет сенатор Старкведер. На помощь себе они покупают расположение и защиту печати и церкви... И вот, среди этой полной рабского покорства жизни, среди полного и беспрекословного раболепства перед тузами капитала является фигура политического деятеля Говарда Нокса. Ему известно, какими способами тузы нажили миллионы, он ищет документальных данных и готовится произнести громовую речь в парламенте».

«Умело», «превосходно», «дружно», «очень искренне» – так определяет рецензент игру артистов.

Наоборот, «в известной комедии В. Сарду «Мадам Сан Жен», пользовавшейся в своё время на русской сцене большой популярностью благодаря своей спектакльности и интересно охарактеризованному типу Наполеона I и его общества, но идеологически устаревшей», рецензент отмечает натянутость игры и поверхностность или преувеличение в обрисовке характеров.

Последним периодом бурного процветания в Устьысольске театрального дела в 1925–26 гг. была осень 1926 г. Множество водевилей, мелодрам, «боевиков сезона» было объявлено и поставлено. Шла даже «Ревность» Арцыбашева. Кроме развлекательных и детективных спектаклей неизменно пользовались успехом «Женитьба Белугина», «Доходное место» Островского, «Кручина» Шпажинского, «Уриэль Акоста» Вейберга, «Дон Карлос» и «Эрнани» В. Гюго, «Савва» Л. Андреева, «Стенька Разин» – «общедоступный спектакль (по Каменскому), игравшийся по желанию публики» (Ю. т., 1928, № 48). На многих афишах встречалась надпись: «Из репертуара театра Н. Корша».

13.III–1926 г. на Устьысольской сцене впервые была поставлена нашумевшая в столице пьеса А. Толстого и П. Щеголева «Заговор императрицы», «интересная

как историко-психологический очерк из жизни последнего российского императора» (Ю. т., 1926, № 50).

Последние номера газеты «Югыд туй» за 1926 г. сообщают о гастролях различных «трупп и солистов в Устьсысольске. Труппа «Гротеск» Ленинградской музкомедии даёт концерты цыганских романсов. Воскрешает в танце «красоту античной фрески» на подмостках устьсысольского театра Селэнэ. Отзыв Н. Соколовой о её выступлении звучит гимном красоте человеческого тела. Вот он (Ю. т., 1926, № 110), свидетельствующий о поисках новых форм и путей в области танца: «Кто любит музыку мускулов, тому не забыть «струящихся» рук, извивающегося торса, прекрасной мимики Селэнэ. Не слышно музыки, слышишь и видишь только, как поёт свою торжественную песню освобождённое от одежды прекрасное, гибкое, сильное человеческое тело. Каким убогим кажется перед этой пляской старый балет с его затянутыми в рюмочку, обтянутыми трико балеринами в пышных развевающихся юбочках, крутящихся на одном пальце.

Роден в своих произведениях показал нам, как выразительно может говорить человеческая спина. Он заставил мрамор передать нам речь мускулов, Селэнэ эту речь мускулов переложила на музыку».

Театральный 1927 год городской театр начал объединёнными силами всех трупп «на принципах строгой самоокупаемости». Обполитпросвет принял на себя расходы по постройке нескольких новых декораций и обновлению старых. Первые постановки коллектива («Чародейка», «Гибель Содома», «Мандат») признавались «сносными» (Ю. т., 1927, № 10), особенно «Мандат».

Театр, как и кино того времени, обратился к драматургии Луначарского: готовились «Яд» и «Медвежья свадьба». «Яд» затрагивал больные проблемы современности: борьбу старого и нового быта и «старый, но вечно новый и большой вопрос»: «отцы и дети». Только в этой пьесе не сын над отцом «изрекал «суровый суд судьи и гражданина», а отец, нарком и старый коммунист, читал приговор своему сыну художнику, попавшему в гнилую среду московской богемы, а затем – в белогвардейский заговор».

В пьесе «жирной накипи НЭПа» и разлагающему влиянию «Москвы кабацкой» были противопоставлены «положительные типы из здоровой рабочей молодёжи».

Рецензент Прут предостерегал театр от увлечения непосильными вещами и выражал пожелание, чтобы работа коллектива привлекала в театр массы рабочих и служащих.

В 1927–28 годы местная театральная жизнь замирает.

Летом 1927 г. в Устьсысольске гастролировала украинская труппа со спектаклями «Нич пид Ивана Купала», «Маруся Богославка», «Мазепа».

В 1928 г. гортеатр поставил «весёлую новинку московских и ленинградских театров, водевиль – сатиру с пением и музыкой в 5 д. В. Шкваркина «Вредный элемент»; долгое время спустя была поставлена «антирелигиозная агитка «Акулина Петровна», по словам рецензента, «слишком уж лёгкая (примитивная) для городского зрителя» (Ю. т., 1928, № 252). «Син» (Глаз) отмечает, что исполнитель роли Сергея в этой пьесе «не смог освободиться от черт наркома из драмы Луначарского «Яд», где исполнял присущие наркому уверенность, самообладание, твёрдость; что в «Акулине Петровне» герой, попавший под влияние жены и политически малограмотный, не мог выглядеть таким же, как нарком в

пьесе Луначарского», что надо было показать «мягкотелость и нерешительность героя, которые привели его к трагедии».

Итак, русский театр г. Устьысольска, считавшийся в этом городе постоянным, профессиональным и само собой разумеющимся, был по сути своей любительским. Но его участники были так подолгу и неразрывно связаны с ним и друг с другом, что сценический труд считался их второй профессией. Действительно, Журавлев, Успасская, а затем Цивилев, Россова были ведущими артистами устьысольского театра, к которому население подходило со своими вполне определёнными требованиями и надеждами, как к настоящему профессиональному театру. Русская любительская труппа Устьысольска ставила спектакли и до революции. Её лучшим традициям остался верен и коми театр, вначале тоже самодеятельный, но постепенно формировавшийся и выросший в профессиональный коми драматический театр со своей драматургией. Он зарождался и рос, учась на успехах и неудачах своего равного по положению, но более опытного предшественника и соратника. Были между ними и споры, и столкновения, но во взаимной требовательности оба они из года в год всё более становились на путь реализма.

И всё-таки подтверждалась истина, в своё время сказанная Вагнером: «Театр должен быть превращён в государственное учреждение по преимуществу, как школа, как университет». «Театру нужна более или менее широкая автономия, но он не должен быть «подчинён шаткому вкусу толпы...»¹ Театр должен был и впредь играть огромную роль в деле подъёма культуры трудящихся масс, которые переживали «период жадного впитывания элементов театральности. Откуда же они могли получить их? Во-первых, из существующего театра и, во-вторых, от искателей нового театра из интеллигентской среды».²

В Устьысольске не было государственного театра. А «искатели нового театра из интеллигентской среды» постепенно, но уверенно высвобождались из-под разворачивающего влияния мещанской публики, и их достижения «вольно и невольно» становились опытом и коми труппы.

¹ Луначарский А. «Театр и революция». Госиздат. 1924. Стр. 12.

² Там же, стр. 27.

Виталий Родионов

Родионов Виталий Григорьевич родился 5 октября 1947 года в деревне Хора-Сирма Вурнарского района Чувашской АССР.

Кандидат (1980), доктор (1993) филологических наук, старший научный сотрудник (1984), профессор (1996). С 1995 г. по настоящее время возглавляет кафедру чувашского и сравнительного литературоведения, а с 1998 г. – факультет чувашской филологии и культуры. Автор более двадцати учебных и методологических пособий для студентов вузов и учащихся общеобразовательных школ, более ста научных работ, в том числе пяти монографий; один из авторов многотомного научного труда «История литератур народов СССР дооктябрьского периода», научного словаря «Литература народов России: XX в.» (М.: Наука, 2005) и многотомной «Чувашской энциклопедии».

Концепт «народ – лидер» в фольклоре и литературе народов Урало-Поволжья

В гуманитарных науках термин «концепт» (от лат. *conceptus* – понятие) определяет содержание понятия в отвлечении от языковой формы его выражения. В данном случае слова «народ» и «лидер» имеют различные артикулированные формы, поэтому они могут быть рассмотрены как два вполне самостоятельных концепта. В то же время их содержания находятся в одном двухполюсном поле «притяжения – отталкивания». И от того, какое конкретное содержание обретает концепт «лидер», актуализируется отражённая в его понятии та или иная онтологическая составляющая. Подобно действиям на магнитном поле, в одном случае они могут взаимно отталкиваться, а в другом – притягиваться.

Лидерами народа (в значении этноса) в разные стадии его социальной организации могут быть духовные лица (жрецы, хранители родовых или племенных святилищ, исторические деятели-миссионеры и т.д.), а также верхушка социально-политической власти. В фольклоре эти две сферы деятельности очень часто совмещены: духовный лидер одновременно наделён и общественной властью.

Например, чувашский турхан (тархан – особая группа служилых людей в Казанском ханстве) ежегодно перед страдой проводил общественное жертвоприношение Турă (Богу). В его обязанности входило, кроме защиты народа от его врагов, и соблюдение всех норм предписаний народной религии, сохранение её чистоты [7, с. 88–89]. Ссылаясь на первое издание этимологического словаря В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева [5], А. К. Микушев объяснял, что в древнепермском языке слово «пам» (пан) означало языческого жреца, позднее оно стало использоваться в значении «владыка» [6, с. 21]. Как утверждает П. Ф. Лимеров,

термин «пам» (-н) в средневековой языческой Перми имел значение титула, приблизительно соответствующего русскому «князь, военный вождь» [4, с. 230]. В своей монографии, посвящённой вопросам генезиса фольклорного образа св. Стефана Пермского, П. Ф. Лимеров приходит к такому заключению: «...тексты легенд и преданий по христианизации созданы уже христианской культурой, поэтому имеют соответствующую точку зрения на оценку описываемых событий. По-видимому, была и другая, языческая (чудская) точка зрения на эти события...» [4, с. 235].

В «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого «Пам – больше философ и богослов, нежели вождь народа». Но в Вычегодско-Вымской летописи он (Пан-сотник) зафиксирован как предводитель воинов-язычников. В 1392 г. Пан-сотник уже во главе войска vogуличей (манси) совершает нападение на погосты вокруг Усть-Выми [4, с. 231–233].

Итак, Стефан и Пан-сотник являются историческими личностями эпохи христианизации предков коми народа. Все факты говорят о том, что данный процесс проходил далеко не в мирной обстановке, а ответные действия язычников во главе с Паном-сотником были спровоцированы агрессивностью христианских миссионеров.

В своей незаконченной стихотворной драме (трагедии?) «Пама» И. А. Куратов изобразил Паму как персонажа трагического, глубоко переживающего за судьбу своего народа и его культуру. На волнах шума прошедших столетий он нашёл частоту и уловил тональность исчезнувшего языческого эпоса о насильственном крещении коми народа. Отбирают коми землю, заставляют Паму быть скоморохом, танцевать и петь. Разоряют Коми край подобно ворону в голубином гнезде: уносят еду и вещи, снимают пелёнку с ребёнка. «Так народ // Упал, богатый, сильный и могучий в прошлом!» (здесь и далее филологический перевод Е. В. Остаповой).

Целью И. А. Куратова в данном произведении являлся не только анализ сложного и трагического характера всеми отверженного Памы. Здесь автор устами защитника народа осуждает политику насилия московских князей. Но в то же время с болью признаёт неизбежность поступательного движения европейской цивилизации со всеми её плюсами и минусами. На то, что И. А. Куратов не соглашался с Епифанием Премудрым и интерпретаторами его произведения в части объяснения коми язычества (например, П. Д. Шестаковым [8]), указывает следующее замечание поэта: «Доказать, что легенда имеет смысл, хотя он относится к шаманству. Шестакова тоже обругать» [3, с. 567]. Не случайно в произведении поэта коми языческий бог ветра Войпель произносит горькие, но в то же время справедливые слова:

«Перемешались добро со злом!
Больше расхалился Пырас
От добра, словно ребёнок!
Завтра печальным увидишь ты
Свой Пырас – и покинешь его,
Чтоб не увидели твоего лица
Слепые душой люди!
Тогда посмотрю я вниз,
Как овцы начнут
С волками драться».

Здесь народ (люди) назван душевно слепым, уподоблен расшалившемуся от добра ребёнку и глупым овцам среди хищников. «Глупый Пырас назавтра // Над Войпелем посмеётся!» – предсказывает Пама события следующего дня.

Совершенно справедливо заметил поэт и литературовед коми народа А. Е. Ванеев, что образ Памы в качестве положительного героя изображали как И. А. Куратов, так и К. Ф. Жаков [1, с. 14]. В книге последнего «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом» (СПб., 1905) показана сцена встречи философски прозревшего сына (Пама Бур-Морта) со своим знаменитым отцом (Пан-сотником), несправедливо изгнанным своим народом («Жизнь Пама Бур-Морта»). Великий старец, когда-то униженный перед народом, просит своего сына помочь ему «изменить всё на старое, в том числе восстановить «возвышенную веру» предков. Но сын, знающий истину из «Старой книги земли» лесного старика, просит отца отказаться от бесполезной борьбы. Сам он представляет себя частью мировой души, а человеческое счастье и страдание — звуками мировой гармонии. Вскоре душа Пан-сотника исцеляется от печалей, а его сердце получает «высшую радость и невиданный покой».

Все эти мысли и действия, как утверждает автор-рассказчик, переведены им с книги, исписанной «древнезырянскими и староиндийскими знаками» («На Печоре. Предание о Паме»). Всё это из мифологического мира, а также из светлого детства рассказчика, которые резко противопоставлены суровой действительности настоящего писателя.

Итак, смыслообразующим ядром концепта «народ – лидер» в ранней коми словесности становится вопрос смены религии в далёком XIV в. Широкий спектр интерпретаций исторического значения крещения коми народа следует объяснить различием конфессионально-этнических (в фольклоре) и личностно-мировоззренческих (в литературе) точек зрения творцов.

Предания, повествующие о борьбе религий (чаще всего чувашской и татарской, т.е. ислама), имеются и в чувашском фольклоре. В них концепт «народ – лидер» представлен в несколько ином аспекте, чем в коми словесности. Обычно в таких текстах народ и его религия слитны, а предателями становятся отдельные лидеры-турханы. В преданиях, записанных и опубликованных чувашским поэтом М. П. Арзамасовым в 1880–1881 гг., изображены исторические события периода Казанского ханства. Некий чуваши Уразмет, неуязвимый волхв, принял ислам из-за корыстных целей и был пожалован ханом титулом собирателя подати среди своих сородичей. И стал он притеснять свой народ, обращать его в иную веру, продавать девушек-красавиц в рабство. Чуваши его возненавидели и убили [7, с. 84-85]. В другом предании Уразметю (его имя среди чувашей стало впоследствии нарицательным, означающим предателя народных интересов) противопоставлен Анчик, добрый и справедливый сборщик податей. Он стоял за религию предков и защищал интересы простого народа, выступал против войск хана вместе с русскими [7, с. 86].

Итак, в чувашских преданиях сохранена точка зрения простого, некогда язычествующего народа. Как уже было отмечено, народ глубоко предан своей религии, но среди лидеров имеются как предатели-уразметы, так и патриоты типа Анчика. Мотив лидера, предавшего интересы своего народа, встречается и в удмуртском фольклоре. На основе подобных преданий Кедра Митрей создал

трагедию «Эш-Тэрек» (1912), в которой изображены два противоположных лидера: Идна и Эш-Тэрек. Первый – хранитель традиционных устоев, патриот своей земли, верный религии своих предков. Второй – коварный изменник, прокладывающий себе путь наверх с целью захвата власти. Придя к власти, Эш-Тэрек приносит народу нищету и разорение, предаёт свой народ врагам [2, с. 52]. Данный мотив широко распространён в Поволжье и он сложился в условиях конфессионально-этнических противоречий в регионе XV–XVI вв. В чувашской литературе мотив лидера-защитника народа и предателя развивали поэты Г. И. Комиссаров (Вандер), К. В. Иванов (Кашкър), Эндрю Турхан, Илле Тъхти и др. В поэме К. В. Иванова (Кашкъра) «Хальхи самана» (Наше время, 1908) прототипом нового лидера чувашского народа является И. Я. Яковлев. Поэт риторически вопрошаёт:

Кто же сделал это дело?
 Кто упорствовал так смело?
 Кто расскажет, как весь век
 Проработал человек
 Ради чаяний чувашских.
 Как седел от дум он тяжких?
 Кто восславит торжество
 Дела доброго сего?

Перевод П. П. Хузангая

По фольклорной традиции лидер (герой) обязательно должен противопоставляться предателю (антигерою). Не нарушая традиционной формы развития сюжета, К. В. Иванов (Кашкър) изображает обобщённый образ «затвердевших душою образованных чувашей»:

Жизнь отдаст такой вот ради
 Светлых пуговиц в наряде.
 Свой язык не признаёт
 И родных не узнаёт;
 Сердце – лёд, умом он туп.
 Перед нами – живой труп.

В начале XX в. духовными лидерами народов Поволжья становятся поэты, как Г. Тукай, К. Герд, М. Сеспель и др. Они от своего имени призывают народ к единению и свободе, предвещают приход его нового лидера. Фактически предводителями своих народов являлись они сами, гордые и свободолюбивые личности, полностью слившиеся с народом. «Во мне стучит миллион сердец // Я не один. Я сам – миллион // Миллона чувашей певец» – признавался лидер чувашской нации Мишши Сеспель. Призывы национальных лидеров-поэтов начала XX в. действенны и в наши дни.

В конце ещё раз следует выделить основные тенденции динамики изменения содержания концепта «народ – лидер». В словесности народов Урало-Поволжья она (динамика) проявляется в движении от этноконфессионального содержания к этнокультурному, от религии к национальной культуре и языку. Именно они в начале XX в. становятся основными определяющими национального самосоз-

нания народов Урало-Поволжья. Соответственно, на лидерство начинают претендовать не должностные лица и служители культа, а мастера родного слова и подлинные творцы национальной культуры.

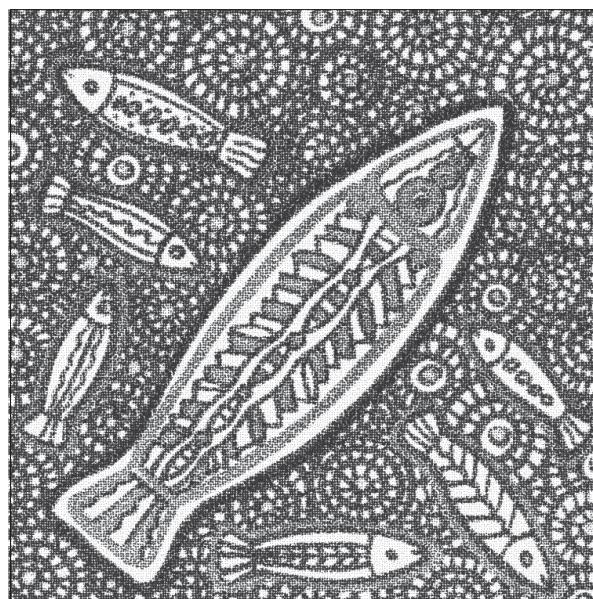
Литература

1. Ванеев А. Е. Коми-зырянское просветительство. Сущность и своеобразие.– Сыктывкар: Эском, 2001.
2. История удмуртской советской литературы. Т. 1. – Устинов: Удмуртия, 1987.
3. Куратов, Иван. Менам муза.– Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979.
4. Лимеров П. Ф. Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми / П. Ф. Лимеров.– М.: Наука, 2008.
5. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка.– М.: Наука, 1970. Переиздан с дополнениями Коми книжным издательством (Сыктывкар, 1999).
6. Микушев А. К. Коми «Калевала» / А. К. Микушев // Жаков К. Ф. Биармия: Коми литературный эпос / Сост., предисл., комментарии А. К. Микушева. Перевод на коми М. А. Елькина.– Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.
7. Чувашское народное творчество. Исторические предания.– Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. (На чуваш. яз.).
8. Шестаков П. Д. Св. Стефан, первосвятитель Пермский.– Казань, 1868.

Арт-факт

Владимир Кудрявцев

Кудрявцев Владимир Геннадьевич, родился в 1957 году в г. Йошкар-Ола. Доктор искусствоведения, профессор кафедры культуры и искусств Марийского государственного университета.

Член Союза художников России, заслуженный деятель искусства Республики Марий Эл.

Художники Республики Марий Эл

Марийское региональное отделение Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» за полувековой период своего становления и развития приобрело своеобразный творческий облик, получило заслуженное признание и укрепило свои ряды талантливыми выпускниками художественных вузов и училищ.

У истоков профессионального изобразительного искусства в Республике Марий Эл стояли художники-живописцы Павел Кушелев (1871–1941/45), Александр Григорьев (1891–1961), Константин Егоров (1897–1937), Елизавета Атлашкина (1879–1965), скульптор Филипп Шабердин (1914–1979). Они были первыми представителями коренной национальности мари, получившие профессиональное художественное образование. Русские уроженцы края Леонид Овсянников (1880–1970) и Михаил Платунов (1887–1972) стали профессорами Академии художеств в Санкт-Петербурге, а Александра Платунова (1896–1968) и Константин Кузнецов (1886–1943) – известными художниками-иллюстраторами детских книг. Художники более молодого поколения активно изучали их творчество и получали профессиональную поддержку и стали их учениками.

Предпринятое марийскими просветителями издание первых иллюстрированных книг и журналов, учёба уроженцев края в художественных учебных заведениях России, отражение марийской темы в произведениях российских и иностранных художников способствовали общему подъёму профессионального изобразительного искусства в крае.

Становление изобразительного искусства в Марийском крае во многом связано с деятельностью Казанской художественной школы, воспитанники которой работали здесь над своими произведениями. Марийская тема нашла отражение в

Егоров К. Ф. Агавайрем (*Праздник сохи*). 1927.

Ещё в XIX веке финский художник Агатон Рейнхольм (1857–1887) по инициативе Финно-угорского общества в Гельсингфорсе совместно с учёными побывал в экспедициях среди родственных народов России. В своих многочисленных рисунках и акварелях он запечатлел и орнамент марийской народной вышивки, и костюмы разных этнографических групп, и деревянную архитектуру. Наиболее ценным изобразительным материалом являются его рисунки, посвящённые традиционным языческим культурам и обрядам, хранящиеся в настоящее время в архиве Музейного ведомства Финляндии в г. Хельсинки.

Центром интенсивной творческой жизни первых послереволюционных лет стал город Козьмодемьянск. Важным событием в культурной жизни мариийского народа было открытие здесь в 1919 году уездного краеведческого музея с художественным отделом и школы-мастерской изобразительного искусства при Казанских государственных свободных художественных мастерских. Этому способствовал художник-организатор и общественный деятель Александр Григорьев – уроженец мариийской деревни Пертнуры. За время работы в мариийском kraе Григорьев состоялся и как мастер карандашного портрета. Это проявилось в портретах близких ему людей и общественных деятелей («Портрет отца», 1919; «Портрет Сергея Локтева», «Портрет Алафузова», 1920). Художник с 1918 по 1921 год работал в Козьмодемьянске, затем был вызван в Москву и назначен на общественную работу. В 1922 году Григорьев с целью сплочения творческих сил страны организует Ассоциацию художников революционной России (АХРР), избирается членом Государственной академии художественных наук (1924).

В 1920–30-х годах в мариийском искусстве шло творческое соперничество различных течений. С одной стороны, большую творческую активность проявляли мастера, сформировавшиеся под значительным влиянием тех авангардистских тенденций, которые были сильны и популярны среди творческой молодёжи соседней Казанской художественной школы. Произведения Александры Платуновой, Константина Егорова и Бориса Яковleva, благодаря приёмам экспрессии и средствам образной выразительности, расширили изобразительные возможности художественного примитива. С другой стороны, набирала силу аххровская тенденция, нацеленная на тщательную фиксацию быта, трудовой деятельности и традиционных обрядов. Наиболее последовательно это направление в мариийском искусстве развивали казанские художники – члены ТатАХРР Павел Радимов

(1887–1967), Василий Тимофеев (1891–1968), Григорий Медведев (1868–1944), Мария Васильева (1903–1964). Они по заданию Мариинского областного отдела народного образования работали в середине 1920-х годов в Мариинской автономной области. К этой же тенденции примыкало и то этнографическое направление, которое развивалось в творчестве Павла Горбунцова (1894–1972) и других художников.

Константин Егоров – один из основоположников марийского профессионального искусства. На основе традиционных народных обрядов, фольклорно-мифологических мотивов и языческих культов он создал живописные полотна «Тризна» (1925), «Ага пайрем» (Праздник сохи, 1927), «Древний марийский посёлок» (1929). Художник выполнил запоминающиеся иллюстрации к литературным произведениям «Мужш отар» (Пасека) основоположника марийской литературы С. Г. Чавайна и «Кучедалме тулем» (В огне борьбы) А. Эрыкана.

Первым художественным критиком и историком искусства в Мариинском kraе стал Владимир Мухин-Сави (1888–1938). В статье «Изобразительное искусство марии», опубликованной в книге «15 лет социалистического строительства в МАО», до сих пор сохранившей значение единственного источника по истории искусства kraя 1920–1930-х годов, он дал анализ состояния профессионального изобразительного искусства и подчёркивал плодотворное влияние на марийскую культуру творчества казанских художников, участвовавших в экспедициях по Мариинской области. Он называет имена местных художников Егорова, Атлашкиной, Горбунцова, Пландина, Великанова, Кора, Блинова, Чудакова, Лоцманова, Куприянова и заключает, что достижения значительны не только в количественном, но и качественном отношении.

Жестокий урон марийской культуре был нанесён сталинскими репрессиями. В конце 1930-х годов наиболее активные, энергичные, проявившие гражданскую смелость художники пытались восстановить то, что было разрушено. Так, в 1938 году первым марийским выпускником Академии художеств Георгием Зиновьевым (1910–1943) в Йошкар-Оле была создана студия изобразительного искусства. Её впоследствии возглавил Борис Осипов (1894–1977). Первые воспитанники студии Георгий Осокин (1922–1993), Николай Смирнов (1922–2007) и другие также внесли свой посильный вклад в марийское профессиональное изобразительное искусство в период его становления.

Как и во всём отечественном искусстве периода Великой Отечественной войны, в марийской культуре большое социальное значение обрели политический плакат, антифашистская сатира, фронтовой рисунок и акварели художников – участников войны. Активизировалась выставочная деятельность. Особое место в истории марийского искусства этой суровой поры заняла графическая серия гуашей «Ленинград в блокаде» Михаила Платунова, эвакуированного на родину в Йошкар-Олу из блокадного города. Подобные произведения в годы войны создавались многими художниками – очевидцами мужественной обороны городов, подвигов и страданий людей. В этом смысле работа Платунова, начатая в Ленинграде и продолженная в Йошкар-Оле, органично связывала марийское искусство, свою принадлежность которой он ощущал и как уроженец марийского kraя, и как участник республиканских выставок, со всем многонациональным искусством страны, в котором с особой силой выявилось гуманистическое начало и

патриотическая направленность. Эта работа имела успех на послевоенных выставках в Москве, Ленинграде, Лондоне, Варшаве, Гамбурге, Сан-Франциско и укрепляла авторитет марийского искусства.

Марийская живопись периода Великой Отечественной войны была проникнута оборонной тематикой, посвящённой единству фронта и тыла. Это такие картины как «Хлеб фронту», «Подарки бойцам», «В гостях у земляков» (1942) Петра Добрынина (1876–1945), «Фронтовая бригада артистов Марийской государственной филармонии» (1942) Ивана Пландина, «Сдача серебряных украшений в фонд обороны» (1942), «Сернурские патриотки» (1943) Бориса Осипова.

Некоторый спад искусства, пережитый Марийской республикой в послевоенное десятилетие, не был исключительным явлением. Это была общая беда российской периферии, где не хватало подготовленных творческих кадров, складывалась благоприятная ситуация для процветания художественной серости.

Определённой вехой в исторической живописи стала созданная Елизаветой Атлашкиной в соавторстве с Марией Васильевой из Казани картина «Пугачёв в марийской деревне» (1956). Алексей Зарубин исполнил живописные портреты артистки Анастасии Тихоновой и композитора Андрея Эшпая, Анатолий Пушкин – писателя Тыныша Осыпа и первого диктора марийского радио Василия Орлова, Юрий Белков – артистки Анастасии Страусовой. Скульптурой занимался Филипп Шабердин. Его работы «Сереброзубая Пампалче» и «Народные музыканты» как оригинальные произведения народной скульптуры в 1951 году были приобретены Государственным музеем этнографии народов СССР (ныне – Российский государственный музей этнографии, г. Санкт-Петербург).

Союз художников Республики Марий Эл основан на общем учредительном собрании художников как отделение Союза художников Российской Федерации 1 июня 1961 года в городе Йошкар-Оле. В первый состав правления были избраны Алексей Зарубин (председатель), Борис Пушкин и Алексей Орлов. Сегодня в его рядах насчитывается 59 членов Союза художников России. Основной целью является повышение профессионального мастерства, пропаганда и популяризация творчества живописцев, графиков, скульпторов и дизайнеров.

В современной культуре Республики Марий Эл получили развитие многие виды и жанры изобразительного искусства, заложены основы искусствоведения и художественной критики. Выставочная деятельность вышла далеко за пределы республики. Обладателями произведений марийских художников стали Государственная Третьяковская галерея, музеи областей и национальных республик России, частные собрания и

Участники Учредительного собрания Союза художников. 1961 г.

коллекции Австрии, Германии, Венгрии, Италии, Финляндии, Америки, Эстонии, Японии, Израиля и других стран. Творческий коллектив Марийского регионального отделения Союза художников России окреп талантливыми выпускниками ведущих художественных вузов страны, которые способствуют обогащению стилистических приёмов и расширению тематической направленности произведений живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства и дизайна.

Ведущие художники в своих сюжетно-тематических картинах изображают историю и быт марийской деревни, наполненную, прежде всего, фольклорными сюжетами. Этническая тема нашла воплощение в картине заслуженного деятеля искусств Марийской Республики Алексея Бутова «Мелодии Тойдемара» (1966), в триптихе заслуженного художника Российской Федерации Бориса Пушкиова «Песня» (1969–70). В живописи и графике народного художника Российской Федерации Зосима Лаврентьева образное воплощение также нашли многие мотивы марийского фольклора. В картинах «Праздник в марийской деревне» (1967), «В гости к молодым» (1968), «Сваты» (1975), «Чодыра мари» (Лесовичок, 1990) он создаёт лирический настрой и передаёт особую поэтичность в жизни марийской деревни. Его графические серии офортов «Праздник урожая» (1975), иллюстрации к марийским сказкам «Конь с серебряной гривой» (1996) привлекают внимание как праздничным настроем танцев и традиционных обрядов, так и неожиданными фантастическими сторонами фольклорных персонажей. Творчество Лаврентьева продолжает развиваться на плодотворном использовании богатого этнографического материала.

Художник-график, заслуженный деятель искусств Марийской Республики Алексей Орлов – один из первых художественных редакторов Марийского книжного издательства – значительно поднял уровень книжного оформления и вывел иллюстрированную продукцию издательства на широкую российскую арену. Яркой самобытностью в области книжной графики, тематического эстампа, сатиры и плаката отмечены работы Александра Бакулевского, Зосима Лаврентьева, Ивана Михайлина, Анатолия Фомина, Игоря Мясникова, Георгия Тайгильдина и других художников.

Произведения национальной литературы, русской и зарубежной классики иллюстрирует мастер ксилографии народный художник Российской Федерации Александр Бакулевский.

С момента основания Союза художников в республике плодотворно работали скульпторы Олег Дедов (1937–2006), Филипп Шабердин (1914–1979), Владимир Козьмин (1912–1986). В 1970-е годы свой творческий путь начали Анатолий Ширнин, Владимир Карпееев, Галина и Анатолий Медведевы. В 1980–90-е гг. значительно обогатили искусство станковой и монументальной пластики Шаукат Ахметгараев (памятник «Комсомольцам огненных лет», 1983–1989) и Сергей Яндубаев («Портрет А. В. Григорьева», 1991; «Скорбящая», 2002; надгробие «Художнику А. В. Иванову», 2003).

В декоративно-прикладном искусстве богатые традиции марийской вышивки активно выявляются в работах заслуженного художника Российской Федерации Лилии Орловой (1930–2004), заслуженного художника Республики Марий Эл Аллы Орловой, лауреата Государственной премии Республики Марий Эл Елены Кожиной (1957–2005), Ирины Махаевой.

Значительными являются творческие достижения современных живописцев Николая Токтаулова, Измаила Ефимова, Ивана Ямбердова, Бориса Маклашина,

мастеров театрально-декорационного искусства Нины Ефарицкой, Сергея Евдокимова, Сергея Таныгина, Людмилы Ивановой, заявивших о себе в 1970–1990-е годы. Они открывают новые грани современного искусства. Философским звучанием наполнены работы заслуженного художника Российской Федерации Ивана Ямбердова «Даль памяти» (1984), «В день свадьбы» (1987), «Гнездо» (2004). Тематическая картина успешно развивается в творчестве Николая Токтаулова «Сенокос» (1976), «Деревенский праздник» (1978), «Время свадеб» (1980), Евгения Яранова «Фотография на партбилет» (1984), «Снимается кино. Йыван Кырля» (1990), «Лифт» (2000).

Широко известно творчество народного художника Республики Марий Эл, заслуженного художника Российской Федерации Измаила Ефимова. В его картине «Провожают на фронт» (1979) показана тревожная сцена прощания деревенского парня с родственниками у полевых ворот, перевитых ветками рябины – своеобразным символом оберега в этнической традиции марийцев. В ней выражена и боль разлуки, и вера в далёкую победу. Повышенным психологизмом наделён образ женщины с ребёнком в руках: в кульминационный момент проводов со своим любимым она застыла в глубоком безмолвии. Родная горномарийская сторона воспета и в других картинах художника, например, «Весна в горномари» (1980), «Мои земляки» (1981), «Поляна праздников» (1982–1984), «Новый дом соседу» (1985). С творчеством мастера связано становление современного геральдического искусства в Республике Марий Эл.

Большим достижением для марийских художников стало участие на Международной выставке современного искусства финно-угорских народов «Ugriculture 2000», состоявшейся в г. Хельсинки в 2000 году. Её участниками стали Измаил Ефимов, Сергей Евдокимов, Александр Иванов и Юрий Таныгин. Они представили живописные и графические работы, навеянные персонажами как марийской, так и финно-угорской мифологии. Сегодня марийские художники, оставаясь на пути реалистического искусства, активно внедряются в современный мировой художественный процесс, связанный с его авангардными проявлениями, как финно-угорский «этнофутуризм». Так как именно обращение художественной интеллигенции к этническим корням, фольклору, мифологии, традиционной культуре в конце 1980-х – начале 1990-х породило в изобразительном искусстве финно-угорских народов эти новые формы художественного творчества.

Активная творческая позиция Марийского регионального отделения Союза художников России подтверждается многочисленными республиканскими, региональными, российскими и международными выставками изобразительного искусства, работой художников и искусствоведов в арт-симпозиумах, фестивалях, пленэрах, конференциях и в проведении широкой общественной деятельности, повышающей социальную ответственность.

В разнообразных по форме и содержанию произведениях марийского изобразительного искусства находят образное отражение наиболее типичные стороны этнической культуры, включающей богатый пласт национального фольклора, мифологии, этнографии, а также важные и актуальные для современности темы. Пройденный Марийским отделением Союза художников России путь свидетельствует об интересных творческих достижениях и насыщенных важными событиями страницах истории.

Обзоры. Новости. Рецензии

* * *

Журналу «Родная Ладога» (Санкт-Петербург) исполнилось 5 лет.

Поздравляя коллектив редакции, народный художник России Илья Глазунов пишет: «....сегодня в Вашем журнале мы можем читать объективные, научные, исторически правильные заключения разных авторов, которых объединяет любовь и желание познать историю нашей великой Родины. Спасибо Вам!»

Журнал поздравили Николай Бурляев, народный артист России, Татьяна Доронина, художественный руководитель МХАТа им. М. Горького, Наталья Нарочницкая, президент Фонда исторической перспективы, писатели Владимир Крупин, Василий Белов и многие другие, в том числе и наша редакция журнала «Арт».

Мы рады за своих коллег, что уже к своему первому юбилею они сумели заявить о себе как об очень серьёзном издании, где считают за честь печататься лучшие умы сегодняшней России. Вызывает глубочайшее уважение бескомпромиссный взгляд журнала на самые насущные, больные проблемы страны. Мы ещё раз поздравляем журнал «Родная Ладога» с юбилеем и желаем ему дальнейших успехов на их творческом пути!

Редакция журнала «Арт»

* * *

I Международный конгресс художественной культуры: проблемы фундаментального исследования народного искусства.

С 26 по 29 ноября в г. Ханты-Мансийске состоялся I Международный конгресс традиционной художественной культуры: проблемы фундаментального исследования народного искусства.

В рамках Конгресса работало 13 секций, которые рассматривали самые разнообразные вопросы в области фундаментальных исследований традиционного искусства и развития народных художественных промыслов. Для участия в работе Конгресса были приглашены более 200 человек, среди которых присутствовали учёные Канады, Финляндии, Венгрии, Китая. Возглавляли работу Конгресса Кошаев Владимир Борисович, профессор, доктор искусствоведения МГУ им. М. В. Ломоносова и Бубновене Ольга Дмитриевна, директор Учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр народных художественных промыслов и ремёсел». Почётным членом Конгресса являлась Гайер Евдокия Александровна, доктор исторических наук, академик Российской Академии наук, генеральный секретарь Лиги малочисленных народов и этнических групп (г. Москва).

Республику Коми на Конгрессе представляли: зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства факультета искусств Сыктывкарского госуниверситета Земцова Ирина Вениаминовна, член Учёного совета «Коми Ремесленной Палаты» – Уткина Ида Михайловна и преподаватели Колледжа культуры им. В. Т. Чисталёва – Мингалева Нина Михайловна и Мелешева Наталья Витальевна.

По результатам работы Конгресса была выработана Резолюция, включающая в себя вопросы, направленные на фундаментальные исследования и сохранения народного искусства и народных художественных промыслов и ремёсел.

Сердцу созвучное слово

Вернувшись из Удоры, я первым делом разобрала «почту», которую привезла с собой. Было пять писем: из Усогорска, Важгорта, Благоево и Ёртoma... Каждое из них по-особенному тронуло меня, но, пожалуй, особенно – письмо Ромы Никитюка, ученика 3 класса Ёртомской школы... Он напомнил мне меня саму, ещё маленькую, рассказав о том, где они купаются летом, где ловят рыбу... И как он, уезжая даже совсем ненадолго из Ёртoma – на Украину или в соседнее Благоево, стремится обратно домой...

Идея написания писем возникла у организаторов конкурса «Увлечённые чтением» ещё, кажется, на предыдущих удорских праздниках коми книги. Но именно нынче, на 26-ом празднике, который проводился на моей маленькой родине в Ёртome, «почта» была, пожалуй, самой большой.

Но, наверное, надо обо всём по порядку, что за конкурс, что за праздник, который вот уже почти три десятка лет проводится на Удоре и каждый год в другом селе или посёлке.

«Отцы» праздника – наши знаменитые земляки, поэты Альберт Ванеев и Юрий Васютов. Это благодаря им на Удоре, а также благодаря таким энтузиастам, как работники культуры Удоры (Н. И. Прокопьева, А. Р. Ванеева, Л. А. Королева и ещё десятки их единомышленников!), праздник живёт и приобретает всё более интересные формы своего бытия...

В Ёртом республиканский праздник книги пришёл во второй раз. Для этого были довольно веские причины. И школе исполнилось 145 лет. И местной церкви 135 лет со дня первого освящения (ещё в бытность Вологодской епархии).

Поэтому программа праздника книги была подготовлена с учётом предстоящих событий.

На Божественной литургии.

* * *

Гостей приехало немало и почти каждый – знаменитость, и среди литераторов, и среди артистов, и среди священства.

С утра все собрались в храме Святой Живоначальной Троицы. Ещё совсем недавно мало кто верил, что такое будет возможно, что откроются двери храма, и Епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим будет служить в нём Божественную литургию...

Я стояла среди своих односельчан и среди гостей и почти всю службу старалась сдерживаться от слёз... я мысленно молилась за тех, кто когда-то закрыли этот храм... За нас, послевоенных детей, которых не крестили в церкви, за своих родителей. Которых не отпевали здесь...

И почему-то в голове всё время крутилась одна строчка из стихотворения Ларисы Миллер: «Виновата, Господи, виновата...»

Увы, на всех нас есть доля вины за всё, что происходит на этом свете. Поэтому смешно и горько слушать тех, кто говорит, что он не разрушал, не убивал, стало быть, безгрешен.

Что ему искать в храме? Зачем он придёт сюда?

«Безверием палим и иссущён,
Невыносимое он днесъ выносит...
И сознаёт погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит»

(Ф. Тютчев)

в дер. Устьево (Йёвнёрыс) и умер в 1944 году. Слава Богу, как-то ему удалось избежать и ареста, и насильственной смерти, чему в те годы подверглись многие священнослужители...

От кладбища вместе с Владыкой все поехали в сторону бывшей деревни Крестово (Крест, – как называли её местные жители), где благодаря ребятам из лагеря Сергея Таскаева «Паломник» был установлен Поклонный крест – в память о монастыре, существовавшем здесь ещё в XV-ом веке...

У Поклонного Креста на месте бывшего монастыря XV века.

После Божественной литургии в храме, Владыка Питирим отслужил заупокойную литию у памятника погибшим односельчанам. И это было более чем значимо, ибо это было в день скорби и памяти, 22 июня... Затем – Владыка помолился и на могиле последнего ёртомского священника о. Александра на сельском кладбище. О. Александр Покровский после закрытия храма в 1936 году жил

На «Круглом столе», в котором принимали участие и гости и местные жители: учителя, библиотекари, просто читатели, тема «духовности» получила своё продолжение в выступлениях народного поэта Республики Коми Надежды Мирошниченко, поэтов Андрея Попова и

Поэт Александр Суворов
(г. Сыктывкар).

Поэт Надежда Мирошниченко
(г. Сыктывкар).

Поэт Татьяна Канова
(с. Межадор).

Александра Суворова, который познакомил собравшихся со своей новой книгой «Сокровенная душа». Думаю, многие на всю жизнь запомнят новое для себя имя Максима Лаврентьева, поэта из Москвы («Литературная Россия»). Слушая его, я невольно вспоминала, как впервые в жизни услышала скрипку на сцене нашего сельского клуба... мне кажется, что те дети, которые сидели в школьном спортзале в этот день, тоже, подобно мне, навсегда «заболеют» музыкой – на этот раз музыкой Слова... «Заболеют» магией Творчества... Ведь неважно, что человек творит, важно – творит! Будет Творцом в Деле, которому посвятит жизнь. И это может быть Любое Дело!

Выступления литературоведа Валентины Лимеровой, поэтессы из Межадора Татьяны Кановой – также стали настоящим откровением для собравшихся на «Круглом столе».

Литературовед
Валентина Лиманова.

молодых сыктывкарских Шомысовой и Алёны Старцевой. Удорских поэтов представляли Нина Обрезкова и Елена Афанасьева.

Перед отъездом в Ёртом мы получили очередной номер журнала «Родная Ладога», и там я прочитала статью Татьяны Дорониной о том, что делается сегодня в нашем искусстве. Речь шла и о поэзии: «Мы остались без поэтов, без молитв. Мы

Поэт Максим Лаврентьев
(г. Москва).

Молодые поэты Алёна Шомысова и
Алёна Старцева (г. Сыктывкар).

безгласны. Мы онемели. У нас атрофировалось то, что названо душой...» Не знаю, когда Татьяна Васильевна писала эту статью, но мне кажется, что будь она с нами рядом в этот день, вряд ли она была бы так категорична. И здесь на «Круглом столе» и после, на концерте, на улице, на импровизированной сцене, перед сельской публикой – всюду звучало «Сердцу созвучное слово!»

Мы не онемели, не безгласны, и душа поэзии не атрофирована, и слава богу, жива!

«Мне трудно жить:
Я чувствую пласти
И времени, и совести,
И слова», – это

Надежда Мирошниченко, г. Сыктывкар. И это тоже она:

«И что удивительно: недруг в предчувствии маётся.
Мол, Русь поднимается. Объединяется Русь.
Меня поражает, но Русь моя впрымь поднимается,
А с нею, бессмертной, неужто я не поднимусь?!»

А вот Андрей Попов, тоже г. Сыктывкар:

«Сердце верит, не устанет –
Гонят прочь.
Время тёмных испытаний –
Эту ночь,
Одиночество и ветер,
Трепет сна...
И приходит на рассвете
Тишина.
Тишина – и сразу дорог
Каждый слог.
Что ж я плачу, как ребёнок?!

Это – Бог!»

О. Владимир, к сожалению, приехать не мог, но его книжка, вышедшая накануне, я уверена, найдёт своего читателя не только на Удоре. «Всё обретаю, что искал...» – так называется эта книга о. Владимира Пономарёва, выпускника Литературного института им. А. М. Горького, с 1996 г. священнослужителя Русской православной церкви, ныне настоятеля храма во имя св. апостола Иоанна Богослова в с. Корткерос.

«Недолго я живу на свете,
Но столько, сколько я живу,
Я вижу, как тяжёлый ветер
Сминает лёгкую траву.

Но стебли пьют земные недра
И не роняют головы...
Я думаю о силе ветра
И о терпении травы».

Это о. Владимир Пономарёв.

Станислав Новиков пока учится в духовном училище. Трудно сказать, будет ли он священнослужителем, но писателем он наверняка будет. Его заметили на семинаре русских авторов, и недавно вышла его первая книжка рассказов. Он тоже принимал участие на ёртомском празднике книги.

Уже в упомянутом номере журнала «Родная Ладога» я прочитала у краснодарского поэта Николая Зиновьева: «Не осенив себя крестом, ты не пиши стихов, поэт...»

На «Круглом столе» в далёком северном селе Ёртому 22 июня с. г. не прозвучало ничего не созвучного сказанному. Хотя, конечно же, поэты читали самые разные стихи. Но ничего не созвучного сердцу!

Мы не остались без поэтов, слава богу! С нами их Слово и это слово, я знаю, я верю, непременно будет для кого-нибудь из присутствовавших в зале ёртомской школы путеводной звездой в жизни.

В школьном зале, кроме местных ребят, сидели ещё почти пятьдесят участников лагеря «Паломник», и я не могу ещё раз не упомянуть о них.

В Ёртome они второе лето. Может быть, именно они сподвигли ёртомских всерьёз взяться за восстановление сельского храма, – так самоотверженно они начали сносить былые деревянные пристройки к церкви ещё в прошлом году. И без этих пристроек храм словно стал выше, наряднее, и может быть, люди впервые тогда поверили в его возрождение...

Спасибо ребятам, их воспитателям, а руководителю лагеря Сергею Викторовичу Таскаеву, – особая благодарность!

Уже они-то, эти ребята, хочется верить в это, услышали поэтов! А это самая главная цель такого праздника, праздника книги.

* * *

Иногда некоторые задаются вопросом, а почему именно на Удоре возник такой праздник.

Наверное, причин можно назвать много. Во-первых, на Удоре родились и выросли немало известных поэтов и писателей. Одно имя Альбера Ванеева чего стоит! По-моему, его совершенно заслуженно можно называть классиком коми поэзии. Во-вторых, здесь издавна к книге особое отношение. И об этом впервые серьёзно заговорили ещё на прошлом празднике книги. И для многих его участников это стало настоящим открытием, что на Удоре до сих пор хранят как самую святую семейную реликвию (и в немалом количестве) старинные рукописные книги!

Более того, некоторые из них переписывались самими удорчанами! – на Удоре!..

А удорские энтузиасты, – библиотекари, учителя, взрослые и дети проводят настоящую исследовательскую работу.

Вот и в Ёртом они привезли немало томов старинных книг... и эта уникальная выставка тоже как бы стала неким продолжением разговора за «Круглым столом» о литературе и духовности.

Как и музыкальное вступление к «Круглому столу», – исполнение народной артисткой Республики Коми Альфией Коротаевой арии Сандры из оперы Сергея Носкова «Иван Куратов» и выступление народной артистки Республики Коми Ольги Сосновской...

Это уже стало доброй традицией удорских праздников книги – концерты с

участием наших прославленных солистов театра оперы и балета. На этот раз перед сельчанами выступили обе примы и Владимир Юрковский, который здесь уже второй раз, – у Владимира Ивановича мама из соседней деревни Корттувъя...

Как и все предыдущие мероприятия, вечерняя концертная программа была посвящена общей теме, и она прозвучала особенно сильно благодаря именно такой «звездной» компании исполнителей: А. Коротаева, О. Сосновская, В. Юрковский, Г. М. Бутырева, Л. Розе (г. Ухта) и, конечно, наших поэтов...

Кстати, о Г. М. Бутыревой. Галина Михайловна родилась в Ёртоме, а выросла в Чупрово, на родине отца. Всю жизнь поёт в ансамбле «Асья кыа», заслуженная артистка Республики Коми.

Альфия Коротаева приехала уже на третий удорский праздник книги: её восторженно встречали в Важгорте, Усогорске, вот теперь в Ёртоме. Я столько лет знаю Альфию Сатуровну, и однажды оказалось, что я совсем не знаю её.

Был апрель 2010 г. Я была где-то за границей, и вдруг раздаётся телефонный звонок от Коротаевой: Галина Васильевна, вы на Удору собираетесь? Честно говоря, я ещё особенно об этом не думала, ведь на календаре ещё только апрель, а праздники книги проводятся традиционно в конце июня... А Альфия говорит: я уже билеты купила... Вот так вот! В апреле у Коротаевой уже были куплены билеты на Удору!..

Тогда она меня просто сразила наповал.

На этот раз было почти также: билеты ею были куплены тоже значительно раньше, чуть ли не за месяц или полтора до праздника...

Ольга Сосновская тоже уже приехала на Удорский праздник книги во второй раз.

...Когда она вышла на импровизированную уличную сцену ёртомского праздника книги и запела, мои соседи рядом, кажется, даже дышать перестали...

Я знаю Ольгу с 80-х годов и мне кажется, что с годами она совсем не меняется, становится только ещё красивее, интереснее...

Меня всегда поражало в Ольге Александровне её жизнелюбие, живые тёплые глаза, приветливый нрав.

И мне всегда нравился её голос, особый тембр её голоса, такой же тёплый, как её улыбка. Где-то я прочитала, что особым образом любой голос делает именно тембр, а он у Ольги, на мой непрофессиональный взгляд, очень красивый...

Надо было видеть глаза моих односельчан, когда они слушали Сосновскую, с какой благодарностью аплодировали...

Впереди меня сидела маленькая девочка, и я невольно опять вспомнила далёкие 50-е годы, наш сельский клуб в бывшем храме, и скрипку, которую впервые в жизни услышала там живьём... Как эта девочка, моя соседка сегодня на концерте, впервые в жизни живьём услышала настоящих оперных див...

Я почему-то уверена, что именно благодаря той скрипке из детства ко мне пришла большая любовь к большой музыке, и не только – вообще к искусству! Я не стала музыкантром, но скрипка из далёкого прошлого разбудила в моём маленьком сердце любовь ко всему прекрасному...

И голоса Ольги Сосновской и Альфии Коротаевой, я уверена, обязательно приведут кого-нибудь из маленьких ёртомских зрителей в сказочный мир музыки или живописи, или поэзии...

И может быть, это будет самое чудесное, что произойдёт на ёртомском празднике книги.

Хочется сказать огромное спасибо всем артистам, оказавшим честь нашему Йортымдіну. В их числе и Любови Розе, которая тоже не впервые на Удоре.

И другим гостям их Ухты, приехавшим с о. Евгением: это их голоса звучали на Божественной литургии в нашем сельском храме.

Низкий всем поклон!

* * *

Духовность и литература, духовность и музыка – давайте признаемся себе, не часто эта тема звучит на наших сценических площадках и тем более – на селе...

В Ёртome – прозвучало! 22 июня 2012 года. И я безмерно рада этому и благодарна каждому, кто принимал участие в этих мероприятиях на моей маленькой родине.

Праздник продолжался и на другой день. Но это уже была другая программа: конкурс подворий, рыбакские и спортивные соревнования, выступление лучших самодеятельных коллективов района...

Мне, кажется, маленький Ёртом собрал в эти дни полрайона... А ведь ещё и приехали и те, кто здесь родился и живёт в Печоре, или Сыктывкаре, или в других городах и районах республики. И видно было, как они рады происходящему...

Книга, конечно, и на второй день активно присутствовала на празднике. Состоялись две презентации в библиотеке, – книга православных стихов московского поэта Юрия Могутина на русском и коми языке (в переводе Евгения Козлова) и книга песен Михаила Скоморокова, удорского композитора.

А на улице шла довольно бойкая торговля книжными новинками, в том числе и тех авторов, которые приезжали в Ёртом...

Но мне хочется ещё раз вернуться к дню первому. Для каждого пишущего человека участие на таком празднике – это, прежде всего, встречи с его читателями.

После «Круглого стола» Центральная библиотека с. Кослан нам такую встречу организовала. Они привезли на праздник детей – участников конкурса «Увлечённые чтением» из Важгорта, Глотово, Благоево, Усогорска и других сёл и посёлков. Вот там-то и получили мы свою «почтку», о чём я писала в самом начале своего рассказа.

Участники «Круглого стола».

Мы не только услышали и прочитали письма наших читателей, но и познакомились с некоторыми из них и, конечно, сфотографировались на память. За эту встречу и за праздник книги в целом – огромное спасибо Библиотекарям!

Я написала это слово с большой буквы – и думаю, мои друзья-поэты поддержат меня, что это так и надо было сделать. Трудно переоценить их вклад в организацию праздника. Надеюсь, те, от кого это зависит напрямую, никому не забудут сказать спасибо... Надеюсь, им не надо объяснять, о чём я.

От нас спасибо всем, особое – Алине Робертовне Ванеевой, директору Удорской ЦБС, моей землячке, – что поддержала проведение праздника в Ёртome. А это было непросто. И глава п. Ёртома Роза Александровна Евсеева тоже может подтвердить мои слова. Проблем было – море. Буквально! В этом году вся деревня оказалась под большой водой! И забот всем сельчанам хватило и без праздника...

Но они всё сделали, всё успели, и я надеюсь, что гости остались довольны и их гостеприимством тоже. Я слышала от В. А. Лимеровой и С. Г. Козулиной, что они просто влюбились в своих хозяев, в семью Емушевых, в их дом...

Мне не удалось остаться на третий день, когда собирались отметить 145-летие школы... Но подарок от Министерства образования мы привезли, и С. Г. Козулина накануне вручила: это были сертификаты на 2 мультимедийных комплекта для кабинетов коми и русского языка, а я обещала, что к новому учебному году мы с Валерием Петровичем Марковым подарим этим двум кабинетам по новой школьной доске...

* * *

Это был 26-ой праздник книги на Удоре. Он давно уже имеет статус республиканского мероприятия. И хотелось бы, чтобы в перечне других республиканских мероприятий он значился на июнь месяц будущего года тоже. И чтобы на нём так же активно присутствовали представители нашего Правительства и Государственного Совета, как и на «Василе»...

Люди, пишущие книги и читающие книги, должны встречаться. И эти встречи год от года мы должны делать всё более и более интересными и полезными и для тех, кто пишет, и для тех, кто читает...

Возможности безграничны. Поэтому давайте и впредь будем подходить к этому творчески и взаимосотрудничая уже на начальном этапе подготовки такого важного события. А то, что это должно быть событием, как было нынче в Ёртome, я не сомневаюсь.

Не могу не привести о пользе такого события, о пользе Слова высказывание главного редактора газеты «Российский писатель» Николая Дорошенко о том, что случилось недавно в Ижме, где был маленький аэропорт, уже никому ненужный, но один человек продолжал приглядывать за ним, не бросал, а вдруг пригодится когда... И ведь пригодился. Самолёт терпел бедствие и сел на ижемский аэропорт, и спаслись почти двести с лишним человек...

«Надо и нам, писателям, – сказал Н. Дорошенко, – сохранять свои аэропорты, чтобы тем читателям, которые хотят сохранить свой человеческий образ, было куда приземлиться».

До новых встреч на Удоре! – с новыми книгами, с новыми стихами и песнями, с новыми именами...

Г. Бутырева, главный редактор журнала «Арт»

* * *

В этом году вышел сборник статей Ирины и Александра Котылевых «Шаман и шут». Название данного сборника неслучайно и выбрано не просто как словосочетание для привлечения внимания публики. Размышления и наблюдения о развитии этнофутуризма на протяжении 1996–2011 гг. о неоднозначных взаимоотношениях художника и общества, художника и искусствоведа, искусствоведа и общества облеклись в словесную формулу – «шаман и шут», подразумевая под этой парой и всю сложность, и неоднозначность происходившего, и концепты «творец и разрушитель», «деятель и созерцатель». Вплелось в эту формулу – и как концепт мироздания, и как отражение личных историй – «мужское и женское».

Все хотят услышать ответ на вопрос: «Кто шаман, кто шут?» Однозначного ответа нет.

Охватывая мысленно почти двадцать лет истории развития этнофутуризма в республике, на примере П. Микушева, Ю. Лисовского, Л. Осташевой, их творчества, осознаёшь, что именно неоднозначность, постоянные перевёртыши и позволили определять всё новые проекты... Впрочем, «шаман и шут» – это формула для развития всего нового, это формула существования каждого, кто стремится видеть дальше установленной границы и пытается сказать что-то своё.

С содержанием сборника можно познакомиться на сайте Национальной библиотеки Республики Коми.

О монографии А. Ю. Котылева «Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России XIV–XXI веков»

В последние десятилетия наметился пересмотр взглядов на роль религии в формировании этносов, их культур и пространства обитания. Многообразные религиозные практики народов России сегодня считаются важнейшим фактором, определяющим пути их развития и специфику социокультурных систем. Книга А. Ю. Котылева посвящена уникальному событию, во многом определившему особенности культуры народа коми и повлиявшему на судьбы других этносов.

Миссия Стефана Пермского охарактеризована в книге как событие, имманентное своей эпохе, но в то же время как значимый элемент культурной жизни России, на всём её протяжении. Первое представлено последовательным изучением наследия Стефана в контексте различных традиций православной религиозной культуры, а второе обозначено линией интерпретаций рациональных и мифологических элементов стефановского наследия, обретающего в разных системах знания, в разные периоды их развития новые формы и смыслы.

Выявление концептуальности миссии святителя Перми выглядит одной из основных целей, которые ставит перед собой автор. Культурно-исторически это представляется чётким обозначением места данного явления в христианской просветительской традиции. Особенно тщательно изучена интеллектуальная связь стефановских свершений с кирилло-мефодьевской традицией крещения славян.

Сравнительный метод позволил рельефно оформить идейный параллелизм агиографий. В то же время, наследие Стефана и материал «Слова» Епифания Премудрого представлены как значимый вариант рождения собственно древнерусской интеллектуальной традиции. Особо в ней выделяются этнологический и историософский элементы, призванные показать место и роль Руси и Перми в божественном плане совершенствования человечества. Рациональность подхода к преобразованию конкретного варианта плана бытия позволила достигнуть чётких результатов. Ряд этнокультурно сходных групп был выведен на прямую создания определённых этносов. Значимым представляется утверждение, что именно деяния первого пермского епископа впервые послужили идейному обоснованию поликультурности страны и концептуально определили пространственный путь её развития: с запада на восток.

Создание особого пространства преобразования в виде Пермской епархии (миссионерской епархии) не только более чем вдвое увеличило территорию Владимирской (а затем Московской) Руси, но и обозначило новый статус объединённых ею народов. Важной линией, обозначенной в книге, стало последовательное опровержение идеологического и политического истолкования результатов образования этого религиозно-административного элемента Руси. Пермская епархия послужила своего рода моделью будущей России, в которой разные народы были обречены на взаимодействие.

Важной особенностью монография является сочетание исследования разных типов источников. Образ Стефана Пермского представлен в работе носителем определённого круга идей. Наряду с исследованием нескольких разновидностей вербальных текстов в книге анализируются комплексы визуальных изображений, непосредственно связанных с её темой. Впервые за период развития научного изучения стефановского наследия последовательно интерпретированы два ряда изображений. Один из них показывает сквозное движение сюжета молитвенного общения ведущих русских святых XIV века через череду столетий, тогда как второй показывает локализованный и идеологически оформленный взгляд на миссию Стефана Пермского, привязанную к конкретному периоду её восприятия. Искусствоведческий анализ совмещён в третьей главе с другими вариантами изучения икон и миниатюр, порождая их комплексное изучение.

Книга в целом представляет оригинальную комбинацию разных методов исследования многообразных культурных источников, каждое из которых обозначает новую грань в представлении обозначенной темы.

Доктор исторических наук,
профессор Санкт-Петербургского
государственного инженерно-экономического
университета Е. А. Окладникова